

Хроники Нордланда 1

Грязные ангелы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Свидрицкая Н.

18+

Наталья Свидрицкая

**Хроники Нордланда.
Грязные ангелы**

«Автор»

2017

Свидрицкая Н.

Хроники Нордланда. Грязные ангелы / Н. Свидрицкая —
«Автор», 2017

Королева Нордланда бездетна, её младший брат, герцог Элодисский, тяжело болен, а его единственный сын - эльфийский полукровка, которого никто не желает видеть на троне. И это - шанс для желающих покончить с могущественной семьёй и получить корону, шанс на передел собственности, перемену границ и на власть. В борьбу за Нордланд готовятся вступить остальные герцоги, Рим, эльфы и даже заточенные на Севере драконы. Юный Гарет Хлоринг тоже готов бороться за свою семью и за своё королевство, но сначала он должен отыскать пропавшего давным-давно брата-близнеца и найти союзников. Содержит нецензурную брань. Первая книга цикла "Хроники Нордланда". Следующая книга: "Дуэ Элодис". Художник - Свидрицкая Н. Изображения на обложке - работа автора и нейросети Кандинский 2.1

© Свидрицкая Н., 2017

© Автор, 2017

Наталья Свидрицкая

Хроники Нордланда. Грязные ангелы

Предисловие

Остров Нордланд – Северная земля, – находится к югу от Исландии и Гренландии, как раз между ними, но не в нашей реальности, а в альтернативной. Большинство выдуманных европейских городов, от Зурбагана до Лионеса и Маскареля, находятся именно там. Там же находится и мифический Авалон, который нордландцы зовут Анвалоном, таинственная земля, куда отправился раненый Артур. Остров этот создал и подарил своему сыну, рождённому смертной женщиной, скандинавский бог Тор, которого викинги называли так же Хлориди – потому потомки Бьёрга Чёрного зовутся Хлорингами. Супруга Тора, Сив, ненавидела и Рёксу, мать Бьёрга, и самого Бьёрга, и сделала всё возможное, чтобы отравить им жизнь. В результате её козней Бьёрг, добравшись до своего Острова, совершил по неведению страшное кощунство, и за это Страж Острова, местное божество, проклял Бьёрга и всех его потомков, а сам исчез. Это исчезновение повлекло за собой страшные времена. Остров порождает чудовищных тварей, пришли чума и смута, расколовшая единое королевство на три части. Драконы, недовольные правлением эльфийских королей, объявили эльфам войну, и эта страшная война едва не стёрла эльфов с лица земли. Карл Хлоринг, второй сын Бьёрга, сражался с драконами плечом к плечу с эльфами, и снёс голову Драге Урду, королю драконов. Король эльфов, Кину Ол Таэр, его брат Тис и сестра Лара, выпив крови драконьего короля, заклинали остальных драконов этой кровью, навеки закрыв их на крайнем севере Острова, в пещерах Дракенсанга, лишив их возможности покинуть свою тюрьму, рожать детей, заставив прозябать в изгнании и проклинать Драге, эльфов и Хлорингов. Казалось, что слава Карла незыблема, но проклятие Стража настигло его и братьев: его старший брат Хельг, позавидовав славе Карла, отравил его, и младший, Скульд, обожавший Карла, убил Хельга над его телом. Остров погрузился в страшную междоусобную войну, королевство Бьёрга распалось на три, враждующих между собой, страшная чума пришла на Остров. И не было Стража, чтобы спасти его.

Но согласно эльфийскому пророчеству, Страж должен был вернуться на Остров потомком четырёх женщин: Белой Волчицы, Коснувшейся Единорога, Повелительницы Бурь и Дающей Имена. Когда дары всех этих женщин объединятся в одном потомке – этот потомок и будет Стражем. Но последней Белой Волчицей острова была Дрейдре, эльфа-оборотень, которая полюбила Карла Хлоринга, и родила ему единственного сына. Так Страж оказался обречён родиться Хлорингом, проклятым самим собою.

И это произошло – на свет в свой срок появился Арне Гуннар, сын озёрной феи и Барне Хлоринга, который вместе со своим сводным братом, Генрихом, ставшим впоследствии Генрихом Великим, одним из величайших королей Нордланда, снял проклятие и вернул на Остров мир и покой. С тех пор прошло триста лет. Остров забыл о войнах, смутах и эпидемиях. Три королевства, Элодис, Анвалон и Далвеган, стали тремя герцогствами, а Остров стал един, как при Бьёрге. Позади осталась Десятилетняя война людей и эльфов, закончившаяся подписанием Священного мира и изгнанием Кину Ол Таэр, предавшего эльфов ради смертной женщины. Почти уничтоженные драконами, эльфы залечили раны, нанесённые этой войной, и стали настолько многочисленными, что вновь задумались о возвращении своих исконных земель, когда-то отданных Хлорингам в память о подвиге Карла. Люди забыли об ужасах Десятилетней войны и начали с завистью поглядывать на эльфийское побережье, вдруг решив, что Священный Мир как-то слишком уж обременителен и несправедлив. Мир менялся. Менялся Нордланд. Менялись люди и даже эльфы. Что-то должно было произойти.

1.

Какая занятная штука: наша память! Она играет с нами в игры, которые и сами мы не понимаем, а другим понять и вовсе мудрено. То она полна милосердия, то подводит коварно и некстати. Одно я научилась понимать: эти игры отнюдь не случайны. Они – следствия каких-то процессов внутри меня самой, на первый взгляд произвольных, но на деле – всегда подчинённых внутренней логике. Я много лет жила, не вспоминая то, что постоянно перебираю в памяти сейчас. И понимаю, что именно сейчас эти воспоминания не могут ни ранить меня, ни как то ещё навредить мне. Ещё недавно я подумала бы, что эти воспоминания, если они и вернулись, непрошенные, следует немедленно похоронить ещё глубже, потому, что там только боль, стыд, ужас и ненависть. Есть тысячи причин, чтобы так поступить, и три из них сейчас играют на берегу со своим кузеном и соседским мальчишкой. Они не должны знать, и я верю свято в это; ни теперь, ни после. Может быть, когда-нибудь, когда они станут взрослыми, а меня уже не будет?.. Сейчас они не должны даже подозревать, что подобные вещи не то, что случаются, а что они в принципе возможны. Но чтобы они так думали, чтобы они так жили, мы прошли через такой ад, да что там – ад блекнет в сравнении! Мы – легенда. Мы – те, кто создал новый мир, навеки изменив прежний. Ещё несколько лет назад имена наши были у всех на устах, в нас играли дети. Но у людей такая короткая память! Самые великие и удивительные события как-то легко и незаметно стираются из неё, словно эльфийские картины из песка. Только что они восхищали – и уже забыты.

А я не хочу, чтобы это забыли. Тицеславие?.. Возможно. Желание почивать на лаврах? Пусть и так; и что? Люди должны помнить то, что случилось. Должны помнить то, что сотворили их предвзятость, зависть, глупость и злоба; помнить, в какую бездну они чуть не рухнули по собственной глупости и подлости, где они чуть было не оказались, если бы не мы, те, кого они ненавидели и презирали.

Есть и ещё одна причина. Когда пройдут равноденственные шторма, сюда придёт корабль, и сбудется самая несбыточная, самая прекрасная моя мечта, самое невероятное чудо, которое ещё месяц назад я считала абсолютно невозможным, и запретила себе и думать об этом давным-давно, и научилась жить так, чтобы не сожалеть о его несбыточности. И, – если совсем-совсем честно, – я взялась за эту книгу, чтобы занять себя и не сойти с ума от ожидания и нетерпения. И потому хватит уже извиняться и оправдываться. В конце-то концов, где моё хвалёное мужество? Пора вернуться на один из кругов ада и вспомнить всё с самого начала. С самого первого дня, которым, пожалуй, стоит считать тот далёкий день, когда один мальчик встретил одну девочку, и это положило начало удивительным и роковым событиям, перевернувшим наш мир.

Пролог

Но если нас спросят: чего мы хотели бы, то мы бы взлетели, мы бы взлетели.

Агата Кристи, Би-2 и Люмен, «Мы не ангелы».

Это был самый обыкновенный день на самой необыкновенной ферме. Фермы эти находились в самых глухих местах Острова, там, где появление незнакомцев и случайных путников было практически полностью исключено; на расстоянии по меньшей мере дня пешего пути вокруг этих ферм не было больше никакого жилья. Я так и не выяснила, на какой из них росла я, хотя было время, мне хотелось этого... Дети, росшие на этих фермах, не знали ни названия места, ни имён тех, кто растил и воспитывал их, они не видели ничего, кроме фермы, не получали никакого образования, кроме одного: их учили покорности. Девочек много и часто били, хотя и тщательно следили за тем, чтобы они были здоровы; мальчикам было немного попроще и посвободнее; они имели возможность проводить часть дня сами по себе, в окрестностях фермы, играть, учились каким-то простым ремёслам и занятиям, хотя били их не меньше. Воспитывались они, естественно, отдельно, не видя друг друга и даже не подозревая о существовании друг друга. Если мальчики ещё видели женщин – своих воспитательниц, служанок, – то девочки мужчин не видели вообще, их окружали только женщины. Их разделяли на группы, по

десять человек в три года разницы в возрасте, и когда у младшей девочки шли первые месячные, а младшему мальчику исполнялось двенадцать, группу увозили куда-то. Навсегда.

Гэбриэлу на тот день, о котором шла речь, было тринадцать лет. Это был летний день; не жаркий, но солнечный и тёплый. Его ферма находилась на плоскогорье Олджернон, ближе к предгорьям Хмурых гор, и на тех пустошах, как повсюду в том краю, паслись лошади и овцы. Гэбриэл обожал лошадей, проводил почти все дни с ними, прекрасно ездил верхом и, не смотря на отсутствие заботы и любви, бывал частенько счастлив и чувствовал себя свободным. Это был очень красивый мальчик. Как все дети на фермах, он был полукровкой – плод незаконной связи человека и эльфа, церковным эдиктом лишённый любых человеческих и гражданских прав. Церковь, чрезвычайно усилившая в те годы своё влияние, ненавидела эльфов, отвергающих крещение и не желающих даже миссионеров допускать в свои земли и города; в своей борьбе с их влиянием на простых людей отцы церкви не признавали полумер. Земли и города эльфов Ол Донна привлекали умы и сердца, их красота, свободный образ жизни, привлекательность их стиля казались священникам очень опасными. Эльфы Фанна, живущие в Синих и Эльфийских горах и избегающие людей, никого пока не волновали, но Ол Донна, живущие на восточном побережье, и постоянно контактирующие с людьми, были бельмом в глазу и священников, и многих рыцарей и вельмож. Им не давали покоя и богатство и красота их городов, и недоступность прекрасных эльфийских женщин, и многое, многое другое, в том числе и военная слава эльфов, их знаменитые лучники, их Танцоры Лезвий, наводящие ужас на самых опытных рыцарей. Я бы не упоминала о политической ситуации того момента, но она имеет прямое отношение к моему рассказу, она – причина и следствие всего хода вещей. С самого первого дня, как появились люди на этом Острове, им правили Хлоринги – потомки, как принято считать, языческого бога Тора, или Хлориди, ну, или его сына, первого конунга Нордланда, Бьёрга Чёрного. Хлоринг – королева Изабелла, – правила им и в тот момент. Собственно, она правит Нордландом и сейчас. За свою семисотлетнюю историю Хлоринги не раз мешали свою кровь с эльфийской, и традиционно противостояли любым попыткам нарушить мир с эльфами и священный договор, заключённый Артуром Хлорингом с Ол Донна после страшной Десятилетней войны. Пока Хлоринги были в силе, никто и не пытался этого сделать, но в тот момент сложилось так, что при всех внешних признаках силы и благополучия влияние и само существование этого рода висело на волоске. Дело в том, что младший брат королевы, его высочество герцог Элодисский, был неизлечимо болен – его в молодом ещё (всего пятьдесят) возрасте хватил удар, и он, полупарализованный, уже не участвовал в политической жизни и управлении. Королева была бездетна, а сын герцога, Гарет, был ещё слишком юн, и вдобавок – полукровка. Мать его, Лара Ол Таэр, эльфийка королевского рода, приняла крещение и была законной женой герцога, но она была эльфийка, и сын её был полукровка, а в тот момент это само по себе было преступление.

Сейчас в это уже никто не верит, а тогда уже упомянутым церковным эдиктом полукровки были приравнены к животным и лишены всяческих прав. Если они были рождены вне брака, их не крестили, не пускали в чистые помещения дома и магазины, им нельзя было появляться ни в харчевнях, ни на постоянных дворах. Если кто-то решался оставить такого ребёнка, его следовало держать в хлеву либо где-то в подсобных помещениях, как собаку или козу. Откуда они тогда брались, при таком-то отношении? Дело в том, что в те дни эльфы ещё допускали на свои праздники полнолуния всех, в том числе и людей. А люди, особенно женщины, вожделели к Ол Донна, невероятно красивым, высоким, славящимся своей страстностью и искусностью в любви. До сих пор считается, что Ол Донна, как никто, способны доставить неземное наслаждение своему партнёру. Спорить не стану – в основном, так оно и есть. Во время полнолуний Ол Донна дарят любовь кому угодно: друг другу, феям, дриадам, русалкам... Это их обычай, святая традиция. Эльфийки избегают людей, их раздражает резкий запах мужского пота и волосы на телах людей, но эльфы мужчины нередко снисходят к человеческим

женщинам, юным, чистоплотным и красивым. Не смотря на церковные запреты и наказания, среди девушек восточного побережья было принято терять невинность именно с эльфами – девственниц эльфы никогда не обижали отказом. В итоге полукровки появлялись и сразу становились проблемой для всей семьи.

До эдикта их было гораздо больше, и они часто жили со своими родственниками, как многие бастарды, не испытывая никаких неудобств. Они были красивы, очень сильны физически, очень здоровы и выносливы, отважны, дерзки, горды и вспыльчивы, и это уже до эдикта многих раздражало. Эдикт развязал руки ксенофобам и разом поставил всех полукровок вне закона. Естественно, они не смирились, и не пошли жить в хлев – они сбивались в банды и терроризировали целые округа. Случалось, такие банды захватывали целые замки и держали в страхе целые феодалы. В Синих горах и по сей день есть такие замки, хоть их владельцы-полукровки больше и не промышляют разбоем. Страх породил ненависть и предвзятость; стало нормальным считать, что полукровки вообще являются средоточием всех пороков, что они безжалостны, нечисты на руку, развратны, что они вообще не способны жить в обществе, и прочая, и прочая... Герцог Элодисский освободил со временем юг герцогства от самых опасных банд, но отношение, ненависть сохранились. К тому моменту, о котором пойдёт речь, полукровок на юге почти не осталось. Дети, конечно, рождались, но от них спешили избавиться, продавая работоторговцам и монахам, которые уверяли, что увозят детей с Острова и пристраивают в добрые руки в заморских землях, где нет ненависти к таким детям.

Вот эта предвзятость и была причиной того, что Гарет Хлоринг, законный сын, крещёный, принц крови, вызывал очень неоднозначные чувства в своих подданных. Он был единственным прямым наследником Хлорингов в Нордланде, и потому положение этого некогда всемогущего рода, не смотря на его несметные богатства и кажущееся благополучие, в самом деле висело на волоске. Судьба всего Острова висела на волоске вместе с ним. Церковь мечтала о той власти, которую имела во всей остальной Европе, Рим в лице инквизиции искал предлог прийти сюда с кострами и пытками, вельможи страстно желали богатств эльфов и их смерти, эльфы тайно готовились к отпору... Зрело страшное, о чём, естественно, никто не подозревал. И меньше всего об этом думал мальчик Гэбриэл, когда утром, стянув со стола на кухне краюху хлеба, собирался проведать своего любимца, вороного Орлика.

Убежать из дома он не успел: приехал Доктор. Он приезжал раз в полгода, осматривал мальчиков, лечил, если нужно. Приезжал он всегда один, но в этот раз он вёл за руку пятилетнюю девочку, маленькую и такую хорошенькую, что даже Мамаша, женщина суровая и холодная, воскликнула:

– Прелесть какая!

Малютка была крошечная для своего возраста, с маленькими ручками и ножками, кудрявыми рыжими волосами, огромными глазами прекрасного карего цвета, чуть красноватого, как спелая вишня, обрамлёнными длинными ресницами, и нежной, сливочно-белой кожей.

– Да, девочка необычная. – Густым басом подтвердил Доктор. – Видимо, кватронка, эльфийские признаки слабо выражены. Ей не следует присутствовать на медосмотре, отошли её с кем-нибудь, будь добра.

Мамаша заметила Гэбриэла, пытавшегося проскользнуть за дверь, и строго окликнула его. На ферме его звали Джоном, и он спокойно откликнулся на это имя.

– Возьми эту девочку – как её зовут? Алиса? – Алису, и поиграйте с нею где-нибудь неподалёку. Будь с нею осторожен, не пугай и не обижай её.

Гэбриэл без видимой неохоты протянул девочке руку:

– Что ж, малютка, пойдём. – И она храбро протянула ему крошечную ладошку.

– Красивый мальчик. – Сказал Доктор, оценивающе глядя ему вслед. – Сколько ему?

– Зимой будет тринадцать.

– Слишком высокий для своих лет. И слишком взрослый. Его следовало поместить младшим в группу и забрать лет в двенадцать.

– Его привезли больным. Все группы к моменту его выздоровления уже сформировались, и он стал старшим в новой.

– Ах, да. Я забыл. – Степенно кивнул Доктор. – Собирайте мальчиков для осмотра.

– На самом деле я не Джон, а Гэбриэл. – Первым делом сообщил мальчик своей маленькой спутнице. – Я это с самого детства знал. Они мне: Джон, Джон... А я Гэбриэл, и всё тут.

– А почему вас зовут Гэбриэл? – Спросила Алиса, стараясь успевать за своим высоким спутником и высоко задирая кудрявую головку. – Вы ангел?

– Не, я не ангел. – Улыбнулся Гэбриэл. У него была прекрасная улыбка, смягчавшая его правильные холодноватые эльфийские черты, искренняя, даже чуть нежная. – Я сам себя так назвал. Мамаша дала мне имя Джон, а я стоял на своём: я Гэбриэл, да и всё. Они меня и пороли, и в тёмный чулан садили, и на хлебе и воде держали, но я стоял на своём. Не отзывался на Джона ихнего. Сам не знаю, почему, захотел так. Со временем притерпелся, но для пацанов и для себя я всё равно Гэбриэл. Пацаны зовут меня Гэри, ты тоже можешь так звать.

– Мне нравится Гэбриэл. – Сказала Алиса. Они остановились на склоне холма, над укромной ложбиной, в которой паслись лошади. Вороной с белой стрелкой во лбу, узнав Гэбриэла, с тихим ржанием подбежал к ним, и мальчик, подняв Алису на руки, вручил ей краюху хлеба:

– Дай ему, не бойся!

Девочка дала коню хлеб и тихо захихикала, когда его мягкие губы коснулись её ладошки.

– Хочешь его погладить? – Спросил Гэбриэл.

– Хочу! – Алиса без тени страха погладила коня. – Он хороший, и я ему нравлюсь!

– Мне тоже. – Откровенно сказал Гэбриэл. Сел в траву, Алиса села на бревно рядом с ним, благословитивно сдвинув коленки и сложив на них ручки. На ней было простое, даже уродливое платьице из серой дешёвой ткани, и грубые дешёвые башмаки, но она была такая хорошенькая и нежная, что казалась трогательной и милой даже в этих обносках – как бриллиант, завёрнутый в грязную рогожу. Гэбриэл, никогда не выдававший маленьких девочек – вообще никаких девочек, – был как раз в том возрасте, когда мальчики становятся, с одной стороны, болезненно восприимчивы к определённым вещам, ещё не осознавая их, а с другой – они ещё чисты и очень, очень романтичны и полны восторженности. Их чувства и влюблённости в этом возрасте необычайно сильны и искренни, и являются для них источником самых ярких, болезненных, светлых, счастливых и несчастных переживаний. Гэбриэл влюбился в маленькую Алису мгновенно, со всей силой нерастратченного сердечного мальчишеского пыла. В этой влюблённости не было и тени чувственности – он не понимал ещё, что это, да и Алиса ещё была слишком мала, чтобы вызвать в нём её, – но в ней уже было всё, что есть в настоящей большой любви. Он испытывал к ней безграничную нежность, когда она, такая маленькая, такая хрупкая, со своими вишнёвыми глазами, бархатистыми щёчками, нежными маленькими ручками, смотрела на него и слушала про его лошадей. Ему хотелось что-нибудь подарить ей, сделать что-то для неё, спасти от диких волков, например; но единственное, что он мог ей предложить – это набрать ей вишен в крутом овраге, где было очень трудно добраться до лакомых спелых ягод, и на это отваживались только он да ещё пара самых храбрых и ловких мальчиков. Сев на траву у ручья, они съели ягоды, болтая и смеясь, и Гэбриэл позвал Алису строить запруду, чтобы половить рыбок. Запрудив глинистое русло, они ловили в скользких ямках юрких выюнов и отпускали их в воду, и были так счастливы, что не замечали течения времени. Алиса выболтала ему все нехитрые секреты пятилетнего человечка, а он серьёзно выслушал и поделился своими собственными, уже гораздо более обширными, хоть и такими же наивными, планами. Он был умный и живой мальчик, и хоть о его развитии и образовании никто не заботился, он ухитрялся развиваться за счёт любознательности и острой наблюдательности. Он многое умел, у

него были чуткие и ловкие руки и цепкий ум, он жадно интересовался всем: почему то, почему это, откуда берётся ветер, почему одни предметы тонут, а другие нет; сам изобретал и мастерил водяные колёса, игрушки и забавные штучки, и всё это спешил показать Алисе, наслаждаясь тем, как восхищённо она смотрит на него. Он продемонстрировал ей и свою физическую силу – не смотря на возраст, он уже мог на равных соперничать со взрослыми работниками фермы. И она влюбилась в него тоже, по-детски, восторженно и пылко. Он казался ей прекрасным, умным, взрослым, сильным и добрым.

Заметив, что Алиса вся вымазалась в глине, Гэбриэл, как мог, помыл её и почистил её платяице и ботиночки, которые помог обути. Задержал её ножку в своей ладони:

– Какая у тебя ножка мягонькая и крохотная! – Произнёс, с нежностью пряча её в ладони и глядя. – И вся ты такая маленькая и прелестная! Как цветочек, анютины глазки, знаешь? Ты такая же, как он, нежная и хорошенькая...

– Почему тогда меня никто не любит? – Печально спросила Алиса, взглянув на него с трогательной доверчивостью.

– Не правда. – От всего сердца возразил Гэбриэл. – Тебя люблю я.

Она ахнула, прижав кулачки с переплетёнными пальчиками к груди:

– Правда?! Правда-правда?! А вы на мне женитесь?

– Угу. – Кивнул Гэбриэл. – Это огромная тайна, но тебе я могу сказать: Мы с Каем, моим другом, весной сбежим отсюда, в горы, вон туда. Станем разбойниками, и тогда я найду тебя, заберу с собой, и мы поженимся.

– А что такое горы? – Спросила Алиса. Гэбриэл легко подхватил её на руки и поднял повыше:

– Вон, видишь?.. Такие огромные, видишь?

– Это горы?! – Ахнула Алиса, восторженно глядя на огромных каменных великанов в снежных одеяниях, с окутанными облаками вершинами. Это были Норвежские Горы, не самые высокие – самыми высокими были Северные, – но девочке они показались такими громадными, такими таинственными и прекрасными, что это впечатление осталось с нею на всю жизнь.

– Как красиво! – Воскликнула она. – А почему они белые?

– Это снег. В горах он никогда не тает. Знаешь, как сверкает на солнце?.. Как в сказке. – Гэбриэл тоже восхищался горами, и много мечтал о них.

– Но снег же холодный! Как мы будем там жить?

– Ну, куропатки же ночуют зимой в снегу, значит, им тепло. И под снегом трава зелёная, не замерзает.

– И вы правда, меня возьмёте туда с собой?

– Обязательно. – Гэбриэл бережно опустил девочку на камень, присел рядом.

– А как вы меня найдёте?

– Что-нибудь придумаю. – Беспечно пожал плечами Гэбриэл. – Доктора поймает, и будем его пытаться, и он нам всё выложит, как миленький. – Услышав звук колокола, призывающего их домой, он с неохотой поднялся. – Вот бы вы остались здесь на пару дней, я бы тебе столько всего показал!

– А что сделать, чтобы остаться? – Спросила Алиса. Гэбриэл колебался. Ему безумно хотелось, чтобы эта девочка осталась с ним. Он бы заботился о ней, кормил, защищал её. Несколько секунд он всерьёз обдумывал, как бы спрятать и не отдать её, но ему достало ума понять, что это трудноосуществимо и чревато многими проблемами. Отказавшись от этого намерения, он взял её за руку и повёл к дому. И всю жизнь потом жалел о том, что не поддался этому порыву...

Доктор уезжал. Гэбриэл, давно приученный к тому, что спорить, огрызаться и вообще проявлять какое-то своеволие чревато неприятными последствиями, в этот раз решился на страшный бунт: выступил вперёд и сказал:

– Может, вы останетесь? Хоть на ночь. Алиса такая маленькая, ей надо поесть и отдохнуть... – И получил жестокую оплеуху от Доктора.

– Не смей, – прошипел тот, – даже в мыслях думать об этих существах, как о себе подобных! Она женщина! Маленькая, но женщина! Низшее существо, грязь, вышедшая из грязи и в грязь обречённая! Ты понял?

– Нет! – Огрызнулся побледневший от гнева Гэбриэл. – Не смейте так говорить, она лучше вас! – И новый удар опрокинул его на землю.

– Плетей ему! – Глухо приказал Доктор. – И на ночь коленями на горох! – И неожиданно вскрикнул: крохотная Алиса укусила его за руку и, вырвавшись, бросилась к Гэбриэлу, крепко обхватила его за шею, отчаянно воскликнула:

– Я вас люблю!!!

Её Доктор не ударил, не смотря на весь свой гнев – грубо оторвал от Гэбриэла и потащил за собой к карете. Кто потревожил осиное гнездо, и где оно было, так никто и не понял. Мамаша потом приказала работникам обшарить всё в поисках этого гнезда, но его так и не нашли. Невесть откуда взявшиеся взбешённые осы набросились на Доктора и Мамашу, жала и кусая, и в поднявшемся переполохе Гэбриэл бросился к Алисе и закрыл её собой от страшной опасности.

– Не бойтесь. – Прошептала Алиса. – Они вас не тронут.

– Я найду тебя. – Пообещал Гэбриэл. – Я обязательно тебя найду!

– Я буду вас ждать. – Алиса погладила мягкой ладошкой его щёку. – Всегда-всегда!

Свою порцию розог Гэбриэл получил, и всю ночь простоял на горохе, но утром, когда Мамаша вошла к нему, встретил её дерзким и прямым взглядом тёмно-серых, со стальным блеском, как карандашный грифель, глаз.

– Забудь эту девочку. – Сказала Мамаша. – Тебе сказали, как ты должен относиться к таким, как она.

– Я женюсь на ней. – Возразил Гэбриэл, даже не морщась от сильной боли.

– Я не гадалка, и не пророчица. – Холодно произнесла Мамаша, не торопясь отвязывать его. – Но одно могу сказать совершенно точно: на ней ты не женишься никогда.

Часть 1. Господин горных дорог

Глава первая: Гор

Погода на юго-востоке Нордланда зимой всегда была отвратительная. Кое-кто утверждал, что вовсе не всегда, а после войны эльфов с драконами, которая произошла лет пятьсот тому назад; что до этой войны весь юго-восток был эльфийским королевством Дуэ Сааре, и больше походил на цветущий райский сад. Но драконы выжгли не только сады и рощи; драконий огонь сжёг плодородную почву на несколько метров в глубину, превратив цветущие луга в унылые пустоши, болота и топи. От эльфийских дворцов остались только оплывшие камни, похожие на странных форм и очертаний столбы, которых много было разбросано на пустошах и вдоль дорог. Эти дороги одни остались свидетельством и напоминанием о роскоши и силе эльфийского королевства. Ровные, выложенные местным камнем, широкие и удобные, эльфийские дороги устояли и перед драконьим огнём, и перед не менее беспощадным действием времени.

Главная южная дорога вела из Элиота, где когда-то, говорят, находился город эльфийских магов Тарн, через Сандвикен в Кемь и дальше, через Кемское ущелье, в Найнпорт, когда-то большой эльфийский портовый город, а ныне – принадлежавший местному барону порт, утративший всё своё величие и всю красоту. Барон Теодор Драйвер вёл своё хозяйство из рук вон плохо. Доходы его происходили из какого-то другого источника, и благополучие подданных его не волновало нисколько. За последние двадцать с небольшим лет, с тех пор, как Драйвер окончательно разругался с принцем Элодисским, юго-восток разительно изменился, и изменился в худшую сторону. Дворяне, владельцы хозяева самых крупных феодалов, таких, как Лосиный Угол, Кемь, Сандвикен, Ашфилд, Грачовник, – либо загадочным образом погибли, либо стали преданными друзьями и вассалами Драйвера, полностью попав в зависимость от него; деревни и маленькие посёлки нищали, фермеры разорялись, то же происходило и с цехами, и с мастерами. Об этом никто не беспокоился. Но хуже всего был беспредел, который чинили на юго-востоке подручные барона, все, как один, высоченные кватронцы, одетые в чёрное, на вороных и тёмно-гнедых лошадях, которые бесчинствовали не только в Найнпорте, но и в остальных городах и посёлках, и никто не мог поставить их на место. Жители посёлка Прелестное попытались пожаловаться его высочеству, в итоге жителей убили, посёлок сожгли, а детей увезли куда-то, и никто так и не узнал, куда и зачем. Впоследствии судьбу Прелестного повторили Гремячее и Вороний Камень, и после этого у остальных пропало всякое желание кому-то жаловаться и у кого-то просить помощи. Жители нищающих деревень уходили на дорогу, грабить проезжающих и хоть так находить пропитание для семей. Некоторые, попав в кабалу к местному барону, вынуждены были продавать собственных детей, которые так же исчезали, невредомо, куда, и об их судьбе не было ни слуху, ни духу. Говорили, что Драйверу служит чёрная ведьма, Александра Барр, которую здесь звали Госпожой, и что ведьма эта продала душу дьяволу, приносит ему в жертву девственниц и молоденьких мальчиков, а так же купается в крови невинных детей. Правда, или нет, но Госпожу боялись хуже чёрта.

А в последние месяцы появились разные слухи о кошмарных колдовских тварях. О вампирах, выпивающих людей и животных досуха, так, что оставались только обескровленные сморщенные тела. О каргах, чудовищах Смутного Времени, с телом и лапами собаки, мордой и щетиной свиньи и глазами и хвостами крыс. О крылатой нечисти настолько страшной, что те, кто хоть краем глаза видели её, трогались умом и несли что попало, трясясь и заикаясь. И о том, что какие-то смельчаки всё-таки добрались до его высочества, но тот просто выгнал их вон, не пожелав ничего слышать и заявив, что проблемы Юга его не касаются.

– Никому-то мы не надобны. – Сплюнув, хрипло сказал щуплый небритый персонаж, грея руки в грязных митенках над костром, разведённым в убежище меж оплавленных камней на выходе из Кемского ущелья. – Ни королеве, ни принцу. Да и богу-то мы без надобности, а?..

– Богохульствуешь, Обротаи. – Не менее хрипло и как-то лениво, без запала, произнёс сидевший у костра на корточках толстяк с бритой благообразной, хоть и грязной, физиономией бывшего духовного лица. – Только бог-то нас и помнит ещё, грешных. Это мы его забыли. Разбоем вот промышляем.

– Так ты, это, валяй. Покайся да оставь промысел-то. – Так же лениво возразил Обротаи. – А не хошь, так и молчи. – Они все – пятеро оборванцев, хмурых, замёрзших и вооружённых как попало, – были голодны и с нетерпением ожидали, пока приготовится на огне их добыча: украденная с постоялого двора в деревеньке Дичь собачка. Погода, крайне скверная в последние дни, лишила их и того жалкого заработка, который они имели обычно, грабя таких же оборванцев, какими были сами. На дичь побогаче, сопровождаемую обычно вооружёнными наёмниками, нападать они не решались. Северо-восточный ветер, который здесь называли Белым Эльфом, нёс промозглый влажный холод и мокрый мелкий снег, вынудив возможных жертв задержаться у тёплых очагов в придорожных харчевнях. Бродяги костерили Белого Эльфа, эльфов вообще и свою поганую жизнь. Говорили о том, что в Междуречье и ветров таких нет, и

народ богаче, но там и банды свои промышляют, сплошь из полукровок. А в Далвегане делать нечего, там народ такой же нищий, как здесь. Поближе к Элиоту бы податься, да там лесов и скал нет, не спрячешься... Кругом засада, а виноваты, знамо дело, Хлоринги. Его высочество послал людишек подальше с их бедами, да взвинтил налоги до небес, чтобы сынок его, полукровка, чельфяк проклятый, и дальше где-то в европах всяких пировал, беспутничал да с бабами озоровал – а баб у него, говорят, бывает по четыре в раз.

– Тьфу! – Сплюнул рябой работник меча и топора, – срам и паскудство, больше ничего! Ну, разве это дело: сразу четыре бабы?..

– Тут одной-то месяцами не видишь. – Просипел его коллега, лысый тошага с перебитым носом. – Четверо детей было, двое осталось. А может, и к лучшему: кормить меньше-то. Они ж, это, как сороки: дай, дай, дай! И жена-то, это, нудит и нудит, жрать, жрать, дети, дети... Домой идти-то не хочца. Чё я, не знаю, чё дети-то?.. Чё нудить?.. Хотя бы раз улыбнулась да дала бы с радостью, да подмахнула бы, да...

– Тихо! – Привстал Обротай. – Никак всадник?..

Все притихли, вслушиваясь с надеждой. Потрескивал костёр, посвистывал Белый Эльф. К этим звукам примешивался такой желанный и долгожданный звук: чавканье копыт по грязи, слегка схваченной холодом. Бродяги оживились, потянулись к оружию. Копыта – это конь, а конь – это деньги. Или конина, на худой конец. И то, и то хорошо. Всадник, судя по всему, был один – неосмотрительно с его стороны! Бродяги собирались убить его, не задумываясь; им нужны были его деньги, его вещи, его одежда – любое рваньё можно было продать трактирщикам, которые давали за него хотя бы дешёвое пойло. А если всадник был одет хоть немного добротнее и теплее, то и вовсе хорошо: что-то могло перепасть и семьям. А жизнь всадника... Кого она волновала?.. Рябой вышел на дорогу, Обротай и Лысый вооружились арбалетами, скверными, но убить способными.

Всадник и в самом деле был один. Ну, если не считать огромного чёрного мастиффа, бегущего подле лошади. Обротай тут же прицелился в собаку. Конь переступил длинными ногами, захрапел, выпустив облачко пара из раздутых ноздрей – очень хороший конь. Олджернон, или даже кастилец?.. Вороной, без единой отметины, с модно подвязанным хвостом. Всадник, закутанный в подбитый мехом плащ с капюшоном, похлопал коня по шее, успокаивая.

– Спокойно, Лирр. – Голос был женский, и бродяги заухмылялись.

– Эй, слезай с коня-то, дамочка. – Сказал, ухмыляясь, Рябой. – Это четыре бабы на одного мужика – срам и паскудство, а одна на пятерых – самое то, а, Гнилой?.. Ну? Чё, это, непонятно чё-то?!

– В самом деле непонятно. – Голосом как бы немного утомлённым произнесла женщина, откидывая капюшон, и бродяги окостенели от ужаса. – Как вы ещё живы, идиоты такие?

– Госпо... – Заговорил Рябой, но договорить не успел: женщина щёлкнула пальцами, и бродяги застыли, роняя оружие. Бледное, некрасивое, но волевое лицо женщины, с большим горбатым носом, странным образом не казавшимся уродливым, а делавшим её узкое костистое лицо характерным и даже сексуальным, с ледяными бледно-голубыми глазами и узкими бледными губами осветилось изнутри мрачным удовольствием – она любила делать ЭТО. Способная убить этих бродяг мгновенно, она поступила иначе, наблюдая своими гадючьими глазами за агонией четырёх человек, которые дрожали и корчились от невыносимой боли, раздирающей их внутренности. Из глаз, носов и ушей их сначала сочилась, а потом хлынула чёрная кровь, но они не могли даже кричать. Рябой видел, по крайней мере, одного из них, и лицо его напряглось от ужаса и попытки крикнуть, взмолиться.

– Что-то хочешь сказать? – Лениво поинтересовалась Барр и вновь щёлкнула пальцами.

– По... по... поща... – Пролепетал Рябой, по щекам его ползли мутные слёзы.

– Пощады? – Изогнула почти невидимую бровь ведьма. Усмехнулась змеиной усмешкой.

– Я не знаю, что это такое, смерд. – Голос её мгновенно утратил ленивую томность. – Ты сдохнешь, но не совсем. Твои попы не врут, говоря, что смерти нет. Но то, что ждёт тебя, тебе не понравится.

Некоторое – не слишком большое, – время спустя всадница и большой чёрный пёс продолжили свой одинокий путь. Четыре страшно изуродованных трупа остались на обочине, а то, во что превратился Рябой, деревянно переставляя ноги, двигалось в обратную сторону. К постоялому двору, где ведьме не понравилась молодая жена хозяина.

Голуби страстно урчали, толпились на широком подоконнике, жадно глотали пшено и успевали тут же пофлиртовать; к ним постоянно подлетали всё новые и новые. В помещении было так жарко натоплено, что холодный воздух из раскрытого окна был даже приятен. Высокий долговязый человек, лет сорока пяти, неприметный ничем, кроме высокого роста и лица классического растяпы, с удовольствием подсыпал голубям пшено и любовался ими. Одет он был тоже неброско и с виду очень скромно; только намётанный глаз сразу определил бы, что одежда и обувь его были самого отменного качества и пошива, а камень на скромном колечке был дивной красоты и огромной стоимости инклюзом.

– Запечатаяй и отправь в Рим. – Он только что закончил диктовать письмо монаху-доминиканцу. – Обычными путями, чтобы все видели, что у нас нет тайн. Смотри, какой красавец! – Он указал на рябого, как далматинец, голубя. – Ну, как не верить в мир божий, когда он так прекрасен?

– Воистину. – Согласился секретарь. Человек, обожающий голубей, был Патрик Дрэд, специальный посол-инквизитор, предпочитающий, чтобы его называли просто мастер Дрэд. Впечатление на людей он производил самое благоприятное и безобидное: добрые, близорукие глаза, ласковые и словно чуть виноватые, добрая полуулыбочка на узких бледных губах, чуть заискивающие манеры. Но тех, кто с ним успел столкнуться вплотную, это уже не могло обмануть; как всякий высокопоставленный доминиканец, он был страшным человеком. В Нордланде Дрэд пока что держался в тени: у него здесь был свой интерес, ни в коем случае не совпадающий ни с интересами королевы, которую поддерживал официально, ни с интересами Далвеганцев, которых поддерживал тайно, ни с интересами междуреченских баронов, которых поддерживал тайно от королевы и Далвеганцев, ни с чьими бы то ни было ещё здесь. Цель его была проста: посеять смуту, раздор и смятение, уничтожить нелюдей, противных церкви, полностью уничтожить Хлорингов, Далвеганцев и Анвалонцев, поставить на их место марионеток Рима и утвердить власть Святого Официума и на этом краю земли. Он знал гораздо больше того, что знали все его оппоненты, вместе взятые, в его распоряжении были огромные средства, и всё это: знания и деньги, – он использовал, чтобы манипулировать людьми, словно куклами. У него был врождённый дар психолога, он отлично разбирался в людях и каким-то внутренним чутьём почти мгновенно распознавал их слабости и самые тёмные и постыдные тайны, что давало ему власть над ними. Дрэд знал, например, о трусости и развратности графа Кенки, и тот, как бы ни бесился, склонялся перед этим знанием, скрежеща зубами, внутренне проклиная Дрэда и себя. И то же самое происходило с другими людьми, которых использовал Дрэд. Они бессильно бесились, ненавидели его, боялись, мечтали избавиться от него – и подчинялись.

Отпустив секретаря, мастер Дрэд продолжал подсыпать пшено голубям, любуясь ими и забавляясь их проделками: он искренне любил птиц. В клетках у него распевали щеглы, малиновки, дрозды и скворцы, экзотические канарейки и кардиналы, был даже попугай. Дрэд сам ухаживал за ними, кормил, поил, чистил клетки и часами разговаривал с ними. А вот животных он не переносил, особенно кошек и собак.

Тихо постучав, вернулся секретарь.

– К вам посетитель, мастер.

– Кто? – Не поворачиваясь, спросил Дрэд. – Я никого не жду.

– Он не назвался. Но сказал, что у него есть для вас очень важная информация.

– Как он выглядит?

– Пожалуй, – почтительно, но без раболепия, склонил голову молодой, высокий и ладный сероглазый доминиканец, больше похожий на молодого воина, чем на монаха-секретаря, – он производит впечатление человека, у которого в самом деле есть что-то интересное.

– Он назвался?

– Нет. Я бы сказал.

– Впусти. – Дрэд не без сожаления прикрыл окно, отрезая струю свежего воздуха, уличный шум и голубиную возню, завязал мешочек с крупой, красный, бархатный, с золотым шитьём, и положил его в бюро, к нескольким таким же мешочкам. Пока он делал это – очень неторопливо, как делал всё и всегда, – дверь открылась, и вошёл неизвестный. Дрэд медленно развернулся к нему, придал своему лицу выражение самое что ни на есть безобидное и чудачковатое, но на гостя, судя по его странно неподвижному и очень холодному взгляду, впечатления это никакого не произвело. То ли он нисколько не удивился, увидев вместо грозного инквизитора классического растяпу, то ли ожидал этого, то ли просто так хорошо владел собой. Одет он был хорошо и в то же время как-то нейтрально, не поймёшь, к какому именно сословию и роду деятельности его можно было отнести. Ни дворянского герба, ни кольца с печаткой, ни цехового знака, ни рыцарской цепи и шпор... И на духовное лицо он не походил. Дрэд, мгновенно оценив его, решил, что это воин. Рыцарь, по какой-то причине не выставляющий напоказ свой герб, наёмник на службе какого-то крупного вельможи, но непременно человек, умеющий обращаться с оружием и уверенный в себе, не привыкший склоняться и подчиняться, зато умеющий командовать – и убивать. Глаза профессионального убийцы Дрэд узнавал мгновенно.

Что-то ещё насторожило Дрэда. Что-то... непонятное. Он даже молниеносно окинул взглядом скулы и уши незнакомца – но нет. Не эльф, не полукровка и даже не кватронец. Человек. И всё-таки...

– Чем могу помочь, сударь? – Он радушным жестом предложил гостю сесть, и тот спокойно уселся в кресло напротив хозяина, который тоже сел, демонстративно охая и поправив подушечку, какие подкладывают при геморрое.

– Возраст, возраст... – Пожаловался Дрэд, но гость и глазом не моргнул, никак не изобразив понимание и сочувствие, хотя бы из вежливости. Ниточка не протягивалась, сцепка не получалась; Дрэду, как всякому манипулятору, нужен был контакт, но пока не вышло. Легче всего ему было достигать своей цели, внушив гостю, что у того есть какое-то превосходство над ним. Человек неизбежно расслаблялся, преисполненный сознания этого самого превосходства... И Дрэд читал его, как книгу. Этот гость был крепкий орешек.

– Это я могу вам помочь. – Сказал гость, и Дрэд невольно дрогнул при звуке этого голоса: низким, невероятно низким, каком-то прямо... подземном. В лице гостя было что-то восточное: в очертании чеканных скул, раскосых глаз почти без век, в бронзовом оттенке кожи. В принципе, лица азиатов вообще отличались непроницаемостью для европейца, и Дрэд это знал... И говорил гость с акцентом, почти незаметным, но явственным. Дрэд улыбнулся мягко, словно хотел сказать: «Ну-ну. И чем же?». Но гость иронии улыбки так же проигнорировал.

– Посмотрите на это. – Он бросил перед Дрэдом на низкий столик тяжёлый кожаный мешочек. Дрэд наклонился, осторожно развязал кожаную тесёмочку, и застыл, не веря своим глазам.

Госпожа, или Александра Барр, въехала в Найнпорт на следующий день к вечеру, буднично, без помпы. Горожане, привыкшие к этой фигуре и ее псу, тем не менее, старались как можно незаметнее исчезнуть с ее пути, не допустить, чтобы ее взгляд остановился на ком-то из них. Копыта вороного Лирра глухо протоптали по грязной мостовой, прогремели в

арках, звонко процокали по набережной, единственному красивому и богатому району города, и конь внес ведьму во двор трехэтажного огромного дома. Почти все ставни этого дома были закрыты, дым валил только из одной трубы. Было холодно: Белый Эльф, как всегда, принес мороз. Инеем покрылись морда, усы и даже грива коня, и капюшон ведьмы там, где его касалось ее дыхание. Тяжелые ворота затворились за ведьмой, и молчаливый высоченный кватронец в темной одежде взял Лирра под уздцы, пока ведьма спешивалась. Никто не произнес ни звука – ни ведьма не взяла на себя труд поздороваться или заметить что-нибудь банальное насчет собачьего холода, ни кватронец не подумал приветствовать госпожу. Спрятав руки в меховой муфте, ведьма поднялась по широкому крыльцу и скрылась за тяжелыми двойными дверями, пропустив вперед своего пса, а кватронец повел коня в конюшню.

До полуночи дом был тих и темен. Одно лишь небольшое окно на третьем этаже тускло светилось от огня единственной свечи. Невозможно было понять, как живет дом, и живет ли вообще?.. Но после полуночи дом оживился. Ворота снова распахнулись, и во двор въехали две большие грузовые повозки с крытым верхом. Была глубокая ночь, город словно вымер, улицы были погружены во тьму и тишину. Но двое охранников, впустившие повозки во двор, какое-то время внимательно вглядывались в темноту улиц, прислушиваясь к малейшему шороху. Только было тихо. Лишь чуть слышно шуршала ледяная крошка, которой посыпали мостовые низкие тучи вместо снега или дождя. Убедившись, что всё в порядке, охранники – двое высоченных кватронцев, – затворили тяжёлые ворота и задвинули засовы. И лишь тогда с козел первой повозки спрыгнула невысокая полная, но подвижная женщина, и первым делом потёрла свои озябшие руки, приветствуя неподвижно стоящую на верхней ступени широкого крыльца Александру Барр, не смотря на холод, вышедшую в легком полумонашеском одеянии. У ног ее вновь был пёс, громадный мастифф, чёрный, как сажа, а за спиной, у двери – уже шестеро охранников, снова кватронцев, очень высоких, одетых в чёрное, с закрытыми лицами.

– Все здесь? – Ледяным голосом спросила Барр.

– Все тринадцать! – Весело ответила приезжая, энергично согревая руки. – Здоровёхоньки, не смотря на мороз!

– Иди в дом. Я посмотрю, что ты привезла, и вручу тебе твою награду. Новеньких уже отобрали; сегодня их десять.

– Маловато!

– Времена такие. Ступай. – Хозяйка дома подошла к повозкам, кивнула охраннику, и дверцы повозок открылись. Факелы осветили лица совсем юных девочек, с боязливым любопытством поглядывающих на неё и на собаку.

– Сейчас вы тихо и чинно выйдете, и так же тихо проследуете за мной. Ни звука! Всем понятно? Меня зовут Госпожа, но вам незачем ко мне обращаться, вам вообще незачем разговаривать. Ступайте за мной, по двое.

Замёрзшие девочки молча поспешили за ней. Они были взволнованы, замёрзли и сильно нервничали, но никто не издал ни звука. Самой младшей из них было двенадцать, самой старшей – семнадцать, но большинству было четырнадцать. Воспитывались они на ферме, как и та, где когда-то встретились Алиса и Гэбриэл, находящейся в глуши, и воспитывали их сурово, даже жестоко. С утра до ночи они работали на ферме, выполняя самую грязную работу, мыли, пололи сорняки, ухаживали за животными. Их ничему не учили, даже шить и готовить; болтовня наказывалась, вольности наказывались, лишние вопросы наказывались. Одевали их в бесформенные серые халаты, белые передники и серые косынки; ничего более красивого и яркого девочки в жизни не видели. Воспитывала их женщина, велевшая называть её Матушкой, и точно так же девочки не знали имён остальных людей, присматривающих за ними. Каждый вечер Матушка перечисляла их проступки, и порола их, каждую соответственно её вине; хоть девочки были в целом послушными и молчаливыми, как от них и требовалось, без порки всё равно дня не проходило, как бы они не старались. Самым страшным преступлением счи-

талось непослушание или сопротивление; девочек, склонных к этим страшным грехам, наказывали чаще и суровее, и заставляли носить жёлтые ленты на рукаве. Развлечений не было, но девочки есть девочки: все они, тайком от Матушки, всё-таки позволяли себе маленькие шалости и вольности, плели себе венки, колечки из трав и ягод, инстинктивно стремясь украсить себя и как-то раскрасить свою жизнь. Тайком от Матушки они дружили, играли в какие-то нехитрые игры, и если им запрещали развлекаться, то они жили в очень красивом месте, и любоваться красотой окружающего мира им никто не мог запретить.

Вслед за Госпожой девочки пришли в сумрачный зал, где им велели снять верхнюю одежду и сесть за широкий стол, на котором стояли печенье в оловянных блюдах и подогретое вино в простых бокалах. Сегодня девочек не кормили и не давали пить, поэтому, едва им позволили, они мгновенно съели печенье и выпили вино.

– Слушайте меня. – Заговорила Госпожа. – Ваше воспитание закончено, вы, подкидыши, рождённые от противоестественной связи людей и эльфов, давно объявлены вне закона, и если бы не мы, вас давно бы придушили или утопили, как щенков, которые никому не нужны. Мы подобрали вас, кормили, защищали, и пришла пора за это платить. Всё, что с вами будут делать, правильно, законно и необходимо для вас же. Ваша обязанность – покоряться всему и беспрекословно делать всё, что вам прикажут. Что бы вы об этом ни думали. Послушание, покорность и безмолвие – вот ваша жизнь отныне. Вы принадлежите нам, и мы... – Она говорила, а девочки, согревшись, клевали носами и одна за другой засыпали, уронив голову на стол. Когда уснула последняя, Госпожа хлопнула в ладоши, и мужчины в чёрном вошли в зал, сноровисто раздели девочек и, обнажённых, выложили рядом на стол. Госпожа придиричиво осмотрела их: зубы, волосы, кожу, пальцы, гениталии и ноги.

– Семь кватронок, пять полукровок и одна эльдар. – Заметила, окончив осмотр. – Все в самом деле здоровые, и привлекательные. Почему эльдар такая взрослая?

– У них поздно течка начинается. – С поклоном напомнила Матушка. – Как раз после Нового года впервые кровь пошла. Нелюдь!

– Получи свои деньги. – Сказала Госпожа. – По дукату за кватронок, по три – за полукровок, и пять – за эльдар. – Она прошла, разглядывая девочек, остановилась возле полукровки, беленькой и нежной, лет тринадцати на вид. – Эта останется, остальных уносите.

Кватронцы в чёрном одели девочек в холщовые рубашки, и Госпожа проводила их в погреб, где неожиданно, в бочке из-под масла, открылся ход, уводивший вниз, в темноту. Закрыв за последним из них дверь, женщина вернулась в зал в сопровождении пса, который заскулил и попытался облапать спящую девочку, но Госпожа строго прикрикнула на него:

– Сидеть, Бут! Спокойно. Не сейчас.

Пёс замер, всем своим видом выражая молчаливый протест: нет, сейчас! Хвост вытянулся, не вилая, взгляд маленьких красных глазок...

...был недобрым, угрожающим. Из горла, прикрытого железным шипованным ошейником, вырывалось глухое рычание, с вспененных брылей текла слюна. Гор ненавидел собак. Весёлых, преданных и дружелюбных псов-приятелей в его жизни не было, были лишь вот такие: злобные, кровожадные, свирепые твари. Он напрягся в полуприседе, глядя псу в глаза. Гор был обнажён, только чёрная маска, простая и плотная, прикрывала верхнюю часть лица, оставляя открытыми только рот, сейчас оскаленный почти так же, как у пса, да подбородок. Тело было покрыто ореховой настойкой, превращая его светлую, не знавшую солнечного света уже почти десять лет, кожу в смуглую, соответствующую его прозвищу, и скрывая множество шрамов. И он, и здоровенный мастифф, в точности такой же, как у Госпожи, сейчас находились на небольшой, метров четырёх в диаметре, арене, посыпанной песком, уже обильно политом кровью – это был не первый поединок сегодня. На каменных ступенях вокруг арены, покрытых роскошными коврами и звериными шкурами, располагались зрители – все, как один, мужчины, тоже обнажённые и тоже в масках, только роскошнее. У одних маски были синие, с золотом,

у других – красные с золотом, их было меньше всего, и у третьих – чёрные с золотом. Кто-то угощался вином, кто-то – подростками-полукровками. В основном, мальчиками.

Пёс, всё ещё стремясь инстинктивно избежать поединка и запугать противника, оскаллился страшно, захрипел, сделав вид, будто сейчас бросится – и Гор тоже зарычал, почти, как зверь. И пёс бросился на него, целясь в горло.

Это был момент истины: успеет Гор, или умрёт. Он знал, чего от него ждут, ради чего зрители платят золотом и торчат здесь сегодня. Успел: перехватил оскаленные челюсти почти у самого лица, и зрители затопали, закричали, засвистели оглушительно, многие подскочили, в азарте наклоняясь вперёд и вниз, туда, где Гор боролся с псом, тоже отчаянно сражающимся за жизнь. Даже мальчишки, которых ненадолго оставили без внимания, тоже уставились на арену, азартно прикусив губы или напротив, приоткрыв рты. Пёс бесновался, вырываясь, его лапы яростно рвали тело Гора, оставляя глубокие порезы, голова извивалась в железном захвате. Гор исхитрился поудобнее перехватить эту голову, прижимая тело пса к себе и лишая того возможности царапаться; напрягся, лицо покраснело, мускулы на шее, руках, плечах и даже на спине вздулись и окаменели, перевитые венами. Пёс рвался, хрипел, наконец, заскулил и завизжал, как щенок, когда Гор победил, сломав ему челюсти. Закричал, как человек, когда Гор, зная, чего от него ждут, перехватил его поудобнее и сломал ему хребет о своё колено под восторженные рёв, свист и вопли. Животное агонизировало; не смотря на свою ненависть к собакам, Гор испытывал сильное желание прекратить его мучения, добив его, но он знал, что зрителям это не понравится, и просто стоял, зная до долей секунды, что теперь будет и как ему поступать. Картинно, играя безупречным телом, по которому ручейками текла кровь из порезов, он развернулся к чёрному провалу под арену, из которого в этот самый миг вышел ещё один полукровка, и тот час же арена начала заполняться водой, превращая смесь песка и крови в жидкую грязь.

Если Гор своим сложением оправдывал имя, данное ему в честь античного божества: был высоким, даже через чур высоким, на голову выше любого высокого человека и даже эльфа Ол Донна, которые считались самым высоким народом на Острове, но при том стройным, тонким в поясе, широкоплечим, скорее изящным, чем мощным, с мускулами не бугрящимися повсюду, а красиво играющими под кожей, то и Арес – так звали его нового соперника, – тоже в полной мере ему соответствовал. Он был ниже ростом, с более рельефной мускулатурой, не таким длинноногим: истинный бог войны, выточенный из мрамора. Каждая мышца его была безупречно вылеплена и отчётливо выделялась на его обнажённом теле, покрытом бронзовой пудрой.

– Что, – глумливо сказал Арес, двигаясь по кругу по колено в грязи и давая зрителям возможность полюбоваться собой, – »,», за»чил пёсика и возомнил себя о»нно крутым? – Сквернословия от них тоже хотели зрители, которые насладились агонией и смертью пса и теперь жаждали зрелища полегче. – А с мужиком попробовать слабо?

– А не пойти ли тебе на «й, у»ок? – Сплюнул Гор, тоже кружа по арене. – Пока по матюгальнику не в»»ли? – Танец их тел, без всякого преувеличения и пафоса прекрасных, заволаживал и возбуждал стремительно сомлевающих зрителей.

– Вали его!!! – Непонятно, к кому обращаясь, завопил кто-то, и Гор и Арес стремительно бросились друг к другу, сцепились, меся грязь.

– Хэ сказал, сегодня ты побеждаешь... – Быстро прошептал Гор. – Но не сразу, а после того, как вроде бы я...

– Понял... – Сквозь стиснутые зубы бросил Арес. Игра была им знакома и осточертела до «не могу». Они боролись, а зрители стремительно делали ставки, азартно подбадривали бойцов и наслаждались зрелищем. Очень быстро от коричневого и бронзового великолепия борцов не осталось и следа под слоем грязи, а у Гора – грязи, смешанной с кровью. Но, не смотря на кровь и боль, он побеждал – его физическая сила давно стала легендарной в Садах Мечты. Он

осилил бы Ареса в первые две минуты, и они оба это знали, но Хозяин распорядился иначе, и они подчинялись. Гор практически взял верх, схватив соперника за горло и почти утопив в грязи, но Арес – вот неожиданность! – извернулся и бросил в грязь Гора, лицом вниз, для надёжности сев на него верхом. Стройный рыжеволосый кватронец пошёл по рядам с чашей, в которую дождём – золотым дождём, – сыпались монеты. Юноша был не менее красив, чем Гор и Арес, но иначе: он был явно моложе, ему было не больше восемнадцати, ниже ростом, чем Гор и Арес, не такой мужественный и brutальный, более гибкий, менее мускулистый. Но по своему и он был великолепен, что признавали все зрители, кидавшие ему монеты и норовившие потрепать его по какой-нибудь части тела, особенно по ягодицам. Локи – так звали рыжеволосого, – не обращал на это никакого внимания, захваченный происходящим на арене. Старшие в подоплёку своих боёв его не посвящали, и Локи искренне считал, что в этот раз победил Арес, чему был несказанно рад: Гора он боялся и ненавидел. Со злорадной дрожью во всех своих внутренностях Локи следил исподволь за тем, как Арес макает Гора лицом в грязь, вынуждая признать его победу, и слушал, как тот матерится и плюётся.

– Сука! – Очень натурально выругался Гор, который и вправду был в бешенстве – кому понравится глотать грязь?! – Сука, сука, сука! Да, признаю, победил, тварь, «уй с тобой!!! – И Арес спрыгнул с него, издав победный вопль.

В тёмном коридоре, уйдя, наконец, с арены, Гор пошатнулся и оперся о стену, и Арес подставил ему плечо:

– Чё, это, херово?

– Нормально. – Сплюнул, утирая грязный рот, Гор. – Сильный, сука »»», попался, чуть брюхо мне не вспорол когтями своими »»»». – Стянул грязную маску. – Чашка полная? – Он имел в виду чашку со ставками гостей.

– С горкой. – Шлёпая по камню босыми грязными ногами, юноши вошли в тёплое светлое помещение, полное звона воды и сладких запахов: мёда, цветов, каких-то косметических снадобий. На первый взгляд оно было очень красивым, и Гору, да и другим парням оно очень нравилось. Напоминало римские бани, с бассейном, колоннами, мраморным полом, выложенным из чередующихся и складывающихся цветочным узором плиток нордландского черного и зелёного мрамора с прожилками цвета слоновой кости. Стены были облицованы в половину человеческого роста красным, в искрах, гранитом, а дальше шли барельефы на светлом песчанике, и вот они-то разрушали первое впечатление напрочь – или могли бы разрушить, взгляни на них нормальный человек, потому, что на этих барельефах вереница монстров с телами людей и головами животных насиловала и истязала женщин, связанных самыми немислыми способами. Неведомый художник – кстати, довольно неплохой, – постарался, чтобы не оставалось никакого сомнения, что это именно насилие: у женщин были искажены лица и раскрыты в крике рты... Точнее, если приглядеться ещё, это была одна женщина, эльфийка, с повторяющимися чертами и одним и тем же телом, изображённым не без любования. Насилюя, вервольфы полосовали её когтями, минотавры рвали на ней волосы, и так далее, и тому подобное. Эти барельефы всё ставили на свои места: это не было римской баней, это было место насилия и ещё раз насилия. Несколько ступеней от бассейна вели к ряду дверей, точнее, решёток, с наружными засовами, за которыми находились узкие камеры с тюфяком на полу и котлом для естественных надобностей, которые сразу же недвусмысленно обозначали положение их обитателей, точнее, обитательниц. Сейчас все они были на оргии, которая началась после боя Гора с Аресом, и здесь было пусто, если не считать Доктора и трёх его беременных рабынь. Беременных девушек временно освобождали от основного занятия, и они становились служанками Доктора, моя, чистя, убирая, прислуживая ему – Доктор был маньяк чистоты и порядка, – и терпели его издевательства. На сленге обитателей Садов Мечты это место называлось Девичником, хотя Хозяин звал его Чистилищем. Он так ненавидел женщин и все женское, что в его замке не было даже животных женского пола. И все служанки были либо старухами,

либо уродками, горбуньями, карликами – кем угодно, кроме нормальных женщин, и даже они не допускались в чистые помещения замка и в покои Хозяина и его гостей.

Много лет назад хозяин Найнпорта и Редстоуна, или Красной Скалы, создал нечто вроде секты, собрав вокруг себя единомышленников: содомитов и извращенцев, любивших *особые* удовольствия. Их было тринадцать человек; себя они называли Братством Красной Скалы. Для себя и для них Хозяин, барон Драйвер в миру, выстроил четырехэтажную массивную квадратную башню, которую стены замка и скалы скрывали от города и даже от моря. Чтобы совершенно случайно ее существование не открылось непосвященным, ночью в ней не горел ни один огонек, и никто с проплывающих в Ашфилдскую бухту кораблей пока так и не заметил ее. Попасть в башню можно было только через потайной ход, который тоже невозможно было обнаружить даже случайно. Ибо то, что творилось внутри, грозило тем, кто это творил, карами худшими, нежели просто смертная казнь.

Войдя в Девичник, Гор и Арес сразу же бросились в воду. В скале, на которой стояли Сады Мечты, находились какие-то термальные источники, и их горячую, желтоватую, с лёгким душком, воду строители башни использовали для обогрева всех помещений и для бассейнов, всегда тёплых и быстро самоочищающихся. Бассейн в Девичнике был самый теплый и удобный, а главное – здесь был Доктор, странное, непонятное существо, присматривающее за девочками и лечившее обитателей Садов Мечты. Его помощь Гору сейчас была просто необходима.

Первым, отфыркиваясь и хватая ртом воздух, из воды вынырнул Гор, откинул на спину длинные чёрные волосы, разделённые на пробор и обычно убранные за уши. Без маски, грязи и краски лицо его, овальное, с крупными, но правильными чертами, поражало всякого, кто его видел, своей нечеловеческой и несколько суровой красотой. Все эльфийские полукровки были красивы, но Гор выделялся даже среди них. У него был крупный, безупречно и мужественно вылепленный нос, не прямой и не горбатый, царственных очертаний, присущих только эльфам Ол Донна, князьям эльфов, с изящными и характерными ноздрями, высокий чистый лоб, точёные скулы, прямые чёрные, словно нарисованные, брови, длинные эльфийские глаза какого-то очень тёмного, почти чёрного, но не карего, цвета, и исполненный уверенности, силы и воли подбородок. В этом лице не было ничего женственного, ничего слабого, нежного; оно было сильным, волевым, даже суровым. Прекрасные глаза смотрели холодно, отстранённо, немного презрительно и даже жестоко, линия рта была безупречной, стопроцентно эльфийской, исполненной так привлекающего и так раздражающего людей эльфийского надменного превосходства. Эту безупречность ломал шрам на верхней губе, слева, заметный, но странным образом не портивший Гора, а смягчающий его суровую красоту и придающий ему даже своеобразный и очень чувственный шарм. Нижняя губа немного выдавалась вперед, делая его лицо, и без того гордое, окончательно надменным. Отбросив волосы, Гор принялся с остервенением отмывать от остатков грязи и крови, не обращая внимания на жгучую боль во всех ранах, вызванную жёлтой водой, которая буквально вскипела вокруг них с Аресом, пенясь и источая неприятный душок. На мраморные ступени перед ними вышел человек, ростом почти не уступающий двухметровому Гору, но в остальном – полная его противоположность. Насколько Гор был красив, настолько Доктор был неприятен: худой, сутулый, с костлявым телом, покрытым поросшей редкими бесцветными волосами бледной, красноватой кожей, с реденькой, но длинной шевелюрой на шишковатом черепе, с огромными руками и ногами, водянистыми глазами навывкате и широким, но тонкогубым ртом фанатика. Он имел противную привычку выпучивать глаза и облизывать свои лошадиные зубы, щерясь. Определить его статус в Садах Мечты было трудно: Доктор был, с одной стороны, почти свободен, то есть, мог покидать их и заниматься какими-то делами снаружи, был практически бог в Девичнике, имея над его обитательницами абсолютную власть, но при этом жил в покоях при Девичнике, не имеющих окон – так

как там всегда горел огонь и было светло, – ходил голым, а так же заискивал и пресмыкался перед Гором. На последнего Доктор смотрел с тоскливым и алчным обожанием, ничуть его не скрывая, просто пожирал его глазами, ощупывая мысленно каждую деталь, и не находя ни малейшего изъяна, даже не смотря на то, что тело это было покрыто старыми и новыми шрамами. Вместо левого соска на груди Гора был старый ожог своеобразной формы, напоминающей тавро, которым клеймят скот, такие же ожоги были на животе, на бёдрах и на ягодицах; помимо ожогов была масса рубцов, шрамов и мелких царапин, а спина была просто одним сплошным месивом самых разнообразных отметин. Пальцы его рук, когда-то по-эльфийски длинные и изящные, были переломаны и навсегда искривлены. Но Доктора это не смущало – это никого в Садах Мечты не смущало, следы насилия здесь были нормой, хотя Гор в этом смысле переплюнул всех: его живучесть была под стать его физической силе.

Он выбрался из бассейна и выпрямился, морщась: царапины кровоточили и болели.

– Что, здоровый кобель попался? – Угожливо спросил Доктор. Больше всего на свете ему хотелось бы сейчас самому заняться Гором, а заодно и полапать его, но он сдерживался, зная тяжёлый нрав и страшный удар предмета своих желаний. Увы! В этом притоне содомитов содомитом Гор не только не стал, но и проникся к ним сильнейшим отвращением. Доктор был уверен, что Гор отдаёт такое демонстративное предпочтение женскому телу назло, но поделаться с этим ничего не мог. Крикнул злобно:

– Шевели жопой, Паскуда, гнида затраханная! – И к Гору метнулась девушка-эльдар, красивая, с очень светлыми, почти белыми волосами и чёрными глазами, и с огромным животом – она доживала последние недели беременности. Одежды на ней не было никакой, как и на других подопечных Доктора. Упав перед Гором на колени, она начала старательно промывать его раны водой из серебряного кувшина, потом промокнула смоченной в специальном отваре тканью, остановив кровь, и намазала каждую царапину густым слоем мази. Гор вздохнул, расслабляясь: мазь приятно холодила и унимала жжение и боль просто мгновенно. Паскуда стёрла остатки мази и так, на коленях, отползла прочь... И получила удар дубинкой, без которой Доктор по Девичнику не ходил, по худеньким плечам:

– Что встала, тварь писежопая, одежду неси! – И девушка бросилась опрометью прочь.

– А я? – Спросил Арес, тоже выбираясь из воды.

– Обойдёшься! – Огрызнулся Доктор. – Дубина здоровая.

– Ага. Гор зато у нас воробышек. – Беззлобно фыркнул Арес. – Да на нём, как на собаке, всё заживает!

– Заткнись. – Бросил Гор, задумчиво глядя на Доктора. Он знал цену услуг последнего, но не выносил, когда тот касался его. И Доктор, положение и статус которого были неизмеримо выше, практически, пресмыкался перед ним, но при том был опасен, обладая злобной, мелкой, мстительной и поганенькой душонкой. Гор получал от него многое такое, на что, как собственность Садов Мечты, права никакого не имел, – например, сейчас он не имел права быть тут, – но за эти привилегии вынужден был кое-что позволять. Не много; но даже, как он это называл, «дать себя полапать» ему было противно. Доктор же был им одержим настолько, что и за это готов был на всё, надеясь своей угодливейшью и полезностью всё-таки завоевать сердце предмета своих желаний и получить-таки доступ к вожаденному телу.

– Что Хэ? – Спросил Гор. «Папа Хэ» было их прозвище для Хозяина, но чаще всего он был для них просто Хэ. – У себя или там? (там имелось в виду на оргии).

– У себя. – Хихикнул Доктор, облизнул зубы, возбуждённо пуча свои водянистые глазки. Это выглядело так противно, что Арес поморщился и отвернулся, но на суровом лице Гора не дрогнул ни один мускул, не смотря на всё его отвращение. Даже выражение его тёмных холодных глаз не изменилось ни на грамм.

– Я пойду к нему. – Сказал он. Доктор знал, зачем, вновь противно облизнулся:

– Давай... рискни.

Арес быстро глянул на них. Он не знал, что за дела у Гора с Доктором; они вообще друг о друге знали крайне мало. В Домашнем Приюте – так называлось место, где жили шестеро избранных, имеющих статус не много, ни мало, как помощников Хозяина, – царила жесткая иерархия, каждый имел чуть больше привилегий перед последующим, и потому они были соперниками всегда и во всём. Все следили друг за другом, и, как Гор подозревал, доносили друг на друга постоянно. И самым уязвимым в этом смысле был сам Гор, так как занимал высшую ступень этой иерархии, был вожаком, с самыми большими привилегиями и свободами из всех, кто до него занимал эту «должность», благодаря собственным воле, харизме, уму и, нельзя это отрицать, обожанию Доктора. Но разве остальные парни, невежественные и основательно запутавшиеся в реальности, думали о том?.. Им казалось, что каждый из них достоин быть вожаком и иметь всё, что имеет тот. И в любом случае, исчезни Гор, выигрывал каждый, поднимаясь на одну ступень выше. Арес в целом был не плохим парнем, но стать вожаком не отказался бы и он, и Гор это знал. Он об этом ни на секунду не забывал, и потому друзей в Домашнем Приюте у него не было. У него вообще, давно уже, друзей не было.

Паскуда принесла ворох тряпок, чистых, но на том их достоинство и заканчивалось. И рубахи, и штаны были из серой дрянной ткани, сшиты были кое-как и висели мешком; но Гор, надев их, странным образом не стал выглядеть хуже. У него было врождённое чувство стиля и умение носить вещи; дрянная одежда выглядела на нём так, словно это тоже был некий стиль, скажем, молодой аристократ решил поиграть в крестьянина. А вот Арес, хоть и фигура у него была не хуже, и на лицо он был не менее красив, и осанка была великолепная, изменился разительно, превратившись в босяка в обносках.

– Он только что отсюда ушёл. – Сообщил Доктор, и Гор быстро глянул на него:

– Что делал?

– Мясо смотрел. – Голоса у них тоже были под стать: у Гора низкий бархатный тенор, почти баритон, у Ареса хрипловатый бас, у Доктора – противный блеющий тенорок. – Двух писежопых в Галерею велел продать.

– Эту, со сломанным носом, и вторую, с порванной губой?

– Ага.

– Давно пора. Уродок всё равно никто не берёт.

– Хэ того... уезжает завтра. – Сообщил Доктор. – А ты сегодня... э?

– Потом. – Резко бросил Гор, и поймал настороженный взгляд светло-серых, как песок, античных глаз Ареса. Но тот ничего не спросил – знал, что не ответят. Какие-то у Доктора и Гора были секреты... Впрочем, Арес подозревал, какие. В отличие от Гора, ему было плевать. Время, когда он умирал от отвращения, ненависти и жалости к себе, давно прошло. Теперь ему было плевать, что и с кем, и как. Доктор, так Доктор – бывали у него гости и попросту говоря, когда он был моложе, тоньше и больше нравился гостям деликатного пола. Теперь его держали в Приюте в основном для того, чтобы боролся на Арене, и для того, чтобы дрессировал Чух – так это здесь называлось. Если Гор даёт Доктору – так и что?.. За кое-какие привилегии и Арес бы это сделал... Как это ни противно. Знать бы ещё, за какие, да подлизаться к Клизме – так они звали Доктора между собой? Но Арес был неплохим парнем – насколько это было возможно в этом месте, – и кое-какие понятия о правильном и неправильном у него всё-таки были.

– Я пошёл. – Чуть поколебавшись, что вообще-то было ему не свойственно, сказал Гор.

– Смотри. – Странно ухмыльнулся Доктор, осерев огромные зубы. – Твоё дело.

Так, как сейчас, Гор не волновался уже давным-давно. В первые свои годы в Садах Мечты он бунтовал, боролся, пытался драться, пытался бежать, пытался покончить с собой, – всё тщетно. Он внешне смирился и принял условия игры, но не сдался и не сломался. Был ещё один способ вырваться отсюда, по сути, единственный путь, длинный, тяжёлый, полный компромиссов и унижительных уступок, но Гор, раз приняв решение и встав на этот путь, шёл до конца. И вот он забрезжил перед ним – свет длинного, длиной в десять лет, тоннеля. И Гору

было очень, очень страшно, хотя совсем недавно ему казалось, что всякая способность к страху в нём давно уже умерла.

Всё было такое привычное, такое красивое, дорогое, и такое... опостылевшее! Королева Изабелла прикрыла глаза, чтобы вернуть себе обычное спокойствие и ровное расположение духа. Перед встречей с кардиналом Стотенбергом следовало быть обычной. В меру сварливой, в меру язвительной, в меру... С собой. Встреча и разговор предстояли не из простых. Кардинал хлопотал о браке племянницы королевы, Габриэллы Ульвен, и Седрика Эльдебринка, старшего сына герцога Анвалонского, но у королевы были на племянницу собственные планы. Да и не хотела королева отдавать единственную девицу Хлоринг, одну из самых знатных, богатых и прекрасных невест Европы, за анвалонского пентюха! Королева ненавидела Эльдебринков. Она была бездетной, и ничто не помогало: ни смена консортов, ни сильные чары, ничто. А герцогиня Анвалонская, в девичестве Стотенберг, бледная серая мышь, тощая, как кикимора, рожала каждый год, как из рога изобилия, и всё мальчиков, мальчиков, и всё здоровых, как на зло! На данный момент братьев Эльдебринков было аж восемь! Восемь здоровых молодых мужиков, не в мамашу высоченных, горластых, здоровых жрать и ржать! Королева их не выносила. Как только при её дворе появлялся какой-нибудь Эльдебринк, и у неё начиналась страшнейшая мигрень. Но как сказать это кардиналу, за которым стояли старейшие дома Нордланда, кичившиеся своим происхождением от соратников Бьёрга Чёрного, предка самой королевы, викингов, приплывших с ним на Остров в незапамятные времена?.. Высокомерному, спесивому мужлану, (королева всех не Хлорингов считала быдлом), такому же тощему, как его дорогая сестрица, и такому же... двужильному! Ничто его не брало: ни оспа, которая сильно испортила его лицо, и без того не особо красивое, ни горячка, ни мор, который во времена его послушества выкосил весь монастырь, а Стотенберг даже не простудился, хоть и ухаживал за самыми заразными и безнадежными! За то и продвинулся в церковной иерархии, а в итоге и вовсе надел красную сутану, змей постный. Хотя не без греха – королева знала, что осторожные сплетни о том, будто приёмная дочь герцогини Анвалонской София – на самом деле внебрачная дочь кардинала и графини Карлфельдт, чистая правда. Мало того: она знала, что связь кардинала и графини продолжается, хоть та формально была монахиней в монастыре святой Бригитты в Элодисе. Только что толку от того знания?.. Стотенберг был, хотя бы, свой. Островитянин. В последние годы, чуя слабость трона и Хлорингов в целом, Рим усилил давление, присылая своих агентов; вот даже инквизитора прислал... Тот обещал Изабелле всяческую поддержку, но королева иллюзий не питала: она Риму не нужна. Ему вообще не нужны были сильные и влиятельные рода Острова, в том числе и Эльдебринки, и Далвеганцы, что бы они там ни думали. Свалить их всех, и на их место посадить свою марионетку... Стотенберг, слава Богу, это понимал, и хоть в этом вопросе, хотелось бы Изабелле верить в это полностью, они были заодно...

Служанка бережно перебирала пряди волос Изабеллы. Никто не сказал бы, что этой тонкой, гибкой черноволосой красавице с яркими синими глазами Хлорингов недавно исполнилось шестьдесят два! Она и сама в это не верила. А ведь так оно и есть. Неоднократно смешав свою кровь с эльфийской, Хлоринги получили в итоге и редкостную красоту, и непостижимое простым людям долголетие – прадед королевы прожил двести два года. Единственное, что мешало всем мужчинам-Хлорингам доживать до двухсот и более лет – это наследственный порок, передающийся именно по мужской линии, большое сердце. Каким-то странным образом он напрямую был связан с другим пороком, так же наследуемым мужчинами: бешенством, охватывающим их в бою, и не только в бою. Многие Хлоринги были берсерками – и тогда сердце их не беспокоило. Именно из-за большого сердца его высочества на трон взошла его старшая сестра, Изабелла, в то время, как мальчик до двенадцати лет был болезненным,

хилым, хрупким, вечно мёрзнувшим и быстро устающим подростком. Вылечила его эльфийская княжна, Лара Ол Таэр, похитив навсегда сердце, которое спасла...

Нет, об этом Изабелла думать не хотела. Она до сих пор не могла простить брату этот брак. Если бы он женился на нармальной принцессе! Которая родила бы ему наследника, да хоть бы и наследницу – какая разница! И не возникла бы эта отвратительная ситуация, когда в отсутствии полноценного наследника и при болезни Его высочества трон под Изабеллой опасно зашатался, да и само существование Хлорингов оказалось под угрозой. Будь она проклята, эта Лара, хоть о мёртвых, как говорится, или хорошо, или ничего... Вот ведь сделала одолжение, снизойдя до Гарольда Хлоринга! И создала такую проблему, что можно бы хуже, да не бывает! Брат после её гибели и утраты младшего сына потерял волю к жизни и добился того, что вернулась давняя сердечная болезнь, и результат: он уединился в Хефлинуэлле, и совершенно не интересуется ничем, кроме своей скорби, а ей в одиночку борись за трон и за жизнь...

Изабелла прикрыла глаза. Только хрен-то они все угадали: она ещё поборется!

Прислуживать особе королевской крови имела право только титулованная прислуга, не ниже баронессы. Вот и причёсывала Изабеллу баронесса, баронесса Шелли, полненькая милотвидная блондиночка, весёлая и беспечная. У неё всегда было хорошее настроение, всегда рот до ушей, и никаких мозгов в голове, курица-курицей, зато руки у неё были золотые, и она никогда не унывала, не куксилась и не умничала, чего Изабелла не выносила.

– Мы все ждём-не дождёмся вашего племянника, ваше величество! – Трещала она, ловко укладывая роскошные вороные волосы королевы в две тугие улитки. – Говорят, что он просто неслыханный красавец, что и не мудрено, он ведь сын эльфийки! А правда, что сами эльфы сыновей эльфиек признают равными себе?..

– Нет. – Ответила Изабелла резко. – Эльфы никого не признают равными себе. Но таких детей они в самом деле презирают немножко меньше, чем других.

Шелли украсила волосы Изабеллы сапфировыми шпильками и жемчужными нитками, надела лёгкую корону, по сути, просто алмазно-сапфировую диадему, удобную и красивую в отличие от парадно-официальной, от которой у Изабеллы всегда болела голова: Венец Снежного Принца создавался, всё-таки, на мужскую голову. Диадема смотрелась просто роскошно на вороных, без единой седой нити, волосах королевы, которая выглядела едва за сорок, царственно и роскошно. Королева любила белое и чёрное; её утреннее платье, белоснежное, вышитое золотом и украшенное сапфирами, бирюзой и жемчугом, невероятно шло к её изысканной красоте. Перед кардиналом и его спутником, шестнадцатилетним юношей, предстала свежая и величественная красавица, с загадочной и немного утомлённой полуулыбкой на розовых, прекрасно очерченных губах с капризной морщинкой в одном из уголков. Мальчик так был потрясён красотой королевы, что забыл поклониться, как того требовал этикет, уставился на неё в восторженном ужасе. Кардиналу пришлось больно ущипнуть его, возвращая на землю. Юноша ойкнул, покраснел, как маков цвет, попытался извиниться, поперхнулся, и наконец поклонился, неловко, но очень почтительно.

– Позвольте представить Вашему величеству своего восьмого племянника, Вэлери Эльдебринка, младшего сына герцога Анвалонского. – Голос у Стотенберга разительно контрастировал с его суровым длинным скандинавским лицом: был мягким, приятным. Казалось, что голос этот принадлежит очень доброму и хорошему человеку.

– Надеюсь, это последний? – Поинтересовалась королева. – Мне казалось, что они никогда не кончатся! – Взглянула на мальчика, и пожалела о сказанном.

Вэлери Эльдебринк был свежий, красивый, румяный, что называется: кровь с молоком. Круглые серые глаза были чистыми, весёлыми и наивными, полные румяные губы с вечно приподнятыми уголками приоткрывали краешки крепких белых зубов. Светлые, почти белые волосы крупными кудрями вились вокруг простодушного лица. Глядя на него, Изабелла смор-

щилась, потом не выдержала, и весело и ласково улыбнулась: всей её предвзятости оказалось недостаточно против его обаяния. Он смотрел на неё с таким восторгом! «Дурачок!» – Подумала королева, но в этом слове было больше симпатии, чем насмешки. Толку-то с его восторга было... Но приятно, чёрт возьми.

– Вэл мечтает стать армигером графа Кенки. – Поведал кардинал. – Для того и приехал так далеко. – И на лицо королевы легла лёгкая тень, тут же и исчезнувшая, словно от дуновения ветра. Она высоко приподняла тёмные брови, зная, что это ей очень идёт:

– Кенки?.. Что ты знаешь о графе, дитя?

– Ну как же! – Оживился тот, проглотив «дитя». – Ваше величество! О нём знает весь Остров! Все знают, что он последний рыцарь без страха и упрёка, что он не гонится ни за богатством, ни за модой, одевается строго и просто и ненавидит грех! И не делает различий между бароном и смердом, искореняя зло и ересь! Да такой справедливости в мире больше почти что и нет! Он даже для своей дочери поблажек не делает! А как он верен своей Прекрасной Даме, своей покойной жене! – Глаза мальчика, став ещё больше и круглее, горели чистым восторгом и гордостью. – Двенадцать лет прошло после её смерти, а он по-прежнему носит траур и никому не позволил занять её место в своём сердце, а в её кресле подле его собственного всегда лежит свежий букет её любимых цветов!

«А о том, что он лично забил свою Прекрасную Даму насмерть прялкой, когда увидел, что она не прядёт, а тайком от него лакомится свежими сливами, ты знаешь?» – Подумала королева, но вслух не сказала ничего. Графа Кенки, младшего брата герцога Далвеганского, побаивалась даже она. Особенно – она. Мальчик начал и дальше восторженно перечислять достоинства и подвиги своего кумира, но кардинал остановил его:

– Все это и так знают, Вэл. И её величество – тоже.

Мальчик так откровенно покраснел и обиделся, что королеве стало его жаль. Она протянула ему свой молитвенник и сумочку:

– Будь сегодня моим пажом, Вэл. Доставь мне такое удовольствие! – И мальчик вновь вспыхнул, на этот раз – от гордости и благодарности, вновь – таких откровенных! Даже любимицы королевы, левретки Мими и Момо, дочери легендарной Жози, левретки графини Маскарельской, своим визгливым лаем не смутили его и не убавили в нём восторга и рвения. Две дамы, на приличном расстоянии сопровождавшие королеву, улыбались и переговаривались друг с другом шёпотом, то и дело хихикая и тоже слегка краснея, и отчаянно строя глазки смущённому этим вниманием мальчику.

Королева и кардинал, прохаживаясь по галерее, говорили о текущих делах: о налогах, о приближающихся праздниках, о слухах из Междуречья. Между делом кардинал поинтересовался здоровьем его высочества, и нет ли из Хефлинуэлла каких-нибудь новых вестей.

– Мой племянник возвращается из Дании. – Ответила королева. – Со дня на день будет здесь. «Единорог» отправился за ним ещё в октябре; они переждали равноденственные шторма, и сразу же пустились в путь.

– Море зимой опасно... Но его можно понять. Событие ожидаемое, только вот своевременное ли?.. Что его матримониальные планы?

– Это моя самая большая забота. – Призналась королева. – Мальчику двадцать три года; он красив, очень богат и знатен; сражаясь за датского короля, он приобрёл славу и известность в Европе. Практически все королевские дома Европы прислали уже мне портреты своих невест. Даже его святейшество прислал мне портрет юной Лауры Сфорца...

– Ей всего одиннадцать лет, я не ошибаюсь? – Чуть помрачнел кардинал.

– Да... – Королева засмеялась. – Тем не менее, придворный художник расстарался и пририсовал ей грудь пятнадцатилетней девы.

– Трудный выбор...

– И делать его именно мне. – Почти не скрывая ожесточения, произнесла королева. – Мой брат... Вы знаете. Читает книги, наблюдает звёзды и скорбит о Ларе, земля ей пухом, или что там желают эльфам после смерти.

– Её светлость приняла крещение, стало быть, ей открылось царствие небесное.

– Дай Бог. – Королева небрежно перекрестилась. – Девочка Сфорца мила, и очень выгодная партия, но пройдёт ещё три-четыре года, пока она сможет родить наследника, а нам он нужен уже теперь. Не полукровка, а полноценное дитя человеческое, самых безупречных кровей.

– Она принесёт не наследника, но нечто не менее выгодное и важное. – Заметил кардинал. – Покровительство Святого Престола.

– Угу. – Скривилась королева. – Разумеется. – Подумав при этом: «В этом случае до брачной постели может и не дойти. Гарет Хлоринг неожиданно скончается, а его вдова при поддержке Рима и крестоносцев сделается герцогиней Элодисской и станет вратами, через которые Ватикан придёт на остров. И если уж Ватикан придёт, то уже навсегда».

Вслух она этого не сказала, но кардинал в этот момент думал о том же самом, и мысли эти ему очень не нравились. Он был священником, занимал высокое место в церковной иерархии, но при том он был нордландцем, анвалонцем, крепко повязанным с этим Островом узами крови, и не хуже королевы понимал, что древние королевские семьи будут для Рима опасны, а потому – обречены.

– Мальчика нужно женить немедленно. – Возобновила свою речь королева после того, как отвлеклась на громкий смех одной из своих дам, которые всё-таки вступили в разговор с её временным пажом, и теперь напропалую кокетничали с ним. Их с кардиналом разговор протекал на фоне непрерывного хихиканья, щебета и прысканья. – Нет слов, Габриэлла – это тоже вариант, но она Ульвен, а Гарет – Хлоринг.

– И полукровка.

– И полукровка. Флора! – Окликнула королева одну из дам, и та тут же, оборвав хихиканье, присела в поклоне:

– Да, ваше величество?

– Потихе. Не портите мне мальчика.

– Да, ваше величество. – Флора опять присела и снова прыснула, взглянув на Вэла Эльдебринка, который подмигнул ей и скорчил забавную рожицу.

– Он полукровка, – повторила королева, – но дети его полукровками уже не будут... А вот Хлорингами – будут.

– И у вас уже есть на примете подходящая девица? Одна из принцесс Европы?

– Брак с европейской принцессой – дело долгое. Пока будут длиться переговоры, пока невесту соберут и доставят к нам, пока свадьба, пока то, пока другое... Это дело не менее двух лет. Невеста есть здесь... Вам никто не приходит на ум, ваше высокопреосвященство?

– София Эльдебринк. – Кардинал не смог скрыть того, что произносит это с явной неохотой. От Изабеллы не укрылись ни эта неохота, ни тень на лице кардинала. Как почти все Хлоринги, в которых текла изрядная доля эльфийской крови, в том числе кровь Первородженных, Изабелла была эмпатом, тонко чувствовала собеседника и ловко пользовалась этим. Практически любой её собеседник был для неё музыкальным инструментом, на котором она могла «по слуху» сыграть всё, что хотела. «Оберегаешь дочурку, папочка?» – Злорадно подумала она.

– Есть слух, что она незаконнорожденная. – Чопорно произнёс кардинал.

– Она Эльдебринк. – С нажимом произнесла королева. – Удочерив её, герцог и герцогиня Анвалонские укрепили её статус и узаконили положение. Да и её формальное имя, Бергквист, весьма древнее и статусное. Бергквисты по прямой происходят от Берга Однорукого, двоюродного брата Бьёрга Чёрного. Так что София – девица весьма правильных и чистых кровей. За нею не только Анвалонцы, за нею весь Норвежский Север. И подумайте о Эффемии. Если

София родит наследника престола, ваша сестра станет бабушкой короля! Или королевы. Ведь всем известно: внуки от дочери – твои внуки, внуки от сына – чужие! Вы знаете мою сестру Алису, ваше высокопреосвященство!

– О, да! – Усмехнулся, отгаивая, кардинал. Королева вновь сыграла блестяще, заставив его взглянуть на брак Софии и Гарета именно с той стороны, с какой этот марьяж начинал выглядеть весьма и весьма заманчиво. Стотенберг в самом деле был настоящим отцом Софии. И любил дочь.

Очень.

Королева была несправедлива к Стотенбергам: кардинал не был ни скучным, ни невзрачным. Он был худ, высок, строен, с лицом длинным, но мужественным и довольно правильным. Оспа не сделала его уродом, так как привлекательность этого лица была не в красоте и не в совершенстве черт, а в его брутальности, которая осталась при нём. Более того – Адольф Стотенберг с возрастом становился только интереснее. В юности, благодаря крупному германскому носу и тощей кадыкастой шее он носил прозвище Гусёнок; заматерев, он превратился в стройного, мужественного, харизматичного мужчину, которому очень шла сутана. То же и его сестра Эффемиа: худая, высокая, сухопарая девушка с возрастом только прибавляла полноты и мягкости, немного, ровно столько, чтобы становиться всё привлекательнее и женственнее год от года. А её материнство, вызывавшее столько злобной зависти у бездетной королевы, было вовсе не таким радужным: после седьмого своего сына, Артура, Эффемиа подряд родила трёх мёртвых девочек, и эти мёртвые крошки до сих пор заставляли её рыдать по ночам и горько оплакивать их каждую годовщину. Вэлери просто спас её своим появлением от тоски и горя. Родив его, герцогиня Анвалонская вновь ожила, и постепенно вышла из опасной депрессии, а там и София появилась. Герцогиня так хотела девочку! Вэл и Софи были одногодками, очень дружили и были любимцами старших братьев. В этом Анвалонцам повезло: их дети были не ревнивы. Дружные, весёлые, добродушные, они были гордостью родителей, их главным богатством.

Нет слов, женить старшего, Седрика Эльдебринка, на Габриэлле Ульвен Анвалонцам очень хотелось. Во-первых, Хлоринги, как считали уже многие на Острове, доживали последние дни, и муж Габриэлле становился их естественным преемником. А во-вторых, весь Остров и пол Европы знало, что шестнадцатилетняя Габи неслыханно прекрасна, а какой отец не желает своему сыну красавицу-жену?... Правда, ходил слухок, что красавица не в меру горда, строптива и спесива, но Седрика это не пугало. «Если в постели мы с нею поладим, – откровенно заявил он родителям, – то пусть её брыкается, мне это даже забавно будет». Письмо брата по поводу марьяжа Гарета и Софии застало герцогиню Анвалонскую врасплох. Первой эмоцией была: «Да ни за что!». Софи – дитя, ей ещё и шестнадцати нет, чистое, наивное и умненькое – и это беспокоило герцогиню больше всего. Умная девочка не будет уважать своего мужа только за то, что он муж. В случае, если в ней не будет настоящего уважения, она будет очень, очень несчастна в браке. Если средненькая девица найдёт утешение в тряпках, цацках и длине шлейфа, такая умненькая и пылкая девушка, как София, даже в детях едва ли обретёт счастье или хотя бы равновесие. Читая письмо брата и вникая в каждый из его доводов pro и contra, которые он излагал, как всегда, последовательно и дотошно, герцогиня начала, скрепя сердце, признавать выгоды и целесообразность этого союза.

«Насколько мне известно, – писал кардинал Стотенберг, – Гарет Агловаль не глуп, благороден, отважен и очень красив. Король Дании, рассказывая о нём в своём письме ко мне, использует только превосходную степень, и это, несомненно, говорит в пользу молодого человека. Гарет Агловаль начитан, образован, и это должно понравиться Софи. То, что он полукровка – серьёзный минус, но и не менее серьёзный плюс. Ты спросишь, как так может быть? Я отвечаю. И отвечаю так: полукровку на роль короля серьёзно никто не рассматривает, и это

минус. Но вот его дети, дорогая сестра, обоего пола, от родовой и достойной супруги, такими наследниками уже, несомненно, БУДУТ, со всеми вытекающими отсюда последствиями, и это уже для семьи невесты очень и очень серьёзный плюс. Габриэлла Ульвен, как мы с тобой это не раз обсуждали, дорогая сестра, вернёт Анвалону Маскарель, и это очень хорошо и выгодно для нас. Но по традиции Нордланда, которую ты знаешь не хуже меня, жених обязан сделать подарок невесте, и тут мы можем настоять на озере Долгом и на Эдессе, а это уже нечто большее, чем один Маскарель, и ты не можешь этого не понимать.

Теперь о том, что будет, если Гарет Хлоринг женится на Лауре Сфорца – а королева, конечно же, не случайно рассказала мне о ней. Лаура – родственница его святейшества. При всей моей преданности святому престолу, я не могу не сознавать, что, придя на Остров, Рим не потерпит конкуренции со стороны королевских семейств Нордланда, и избавится не только от Хлорингов, но и от остальных. Даже если у нас будет Габриэлла – она, всё-таки, не Хлоринг, она Ульвен. А вот дитя Гарета и Лауры будет Хлоринг – и Рим сумеет избавиться его от соперников. О возможности брака Гарета Агловаля и Анастасии Кенки, я думаю, говорить вообще незачем. Подумай над этим, дорогая Эфи, и если найдёшь изъёмы в моих рассуждениях, напиши мне, и я вновь хорошенько обдумаю всё это».

Далее он подчеркнул, что всё это следует не только обдумать, но и обсудить и с герцогом, и с самой Софией, и только после этого принимать решение. «Обстановка очень непростая, дорогая Эфи, очень непростая. Грозит новая война. Слабость Хлорингов привела к тому, что обстановка в герцогстве накалилась до предела. Юг уже совершенно им не подчиняется, и Междуречье всерьёз намерено отделиться в отдельное герцогство. Людей всё сильнее возмущает соседство эльфов, и то, что Хлоринги традиционно им благоволят. Лично я считаю, что эльфов пока что трогать нельзя. Нет слов: их давно следует изгнать на Север, в Эльфийские Горы, а лучше всего вообще уничтожить без всякой жалости, но ввязываться в войну с Ол Донна теперь, когда на Острове нет единства, и каждый готов вцепиться в глотку каждому, – самоубийство. Сначала нужно решить собственные проблемы, добиться мира, единства, и уже тогда, объединёнными силами, бросить вызов спесивым нелюдям. Но меня, увы, мало, кто слышит. Ох, боюсь, Эфи, Нордланд на пороге катастрофы! Северу пора вспомнить, что именно здесь возникла цивилизация людей; именно наши предки – Стотенберги, Эльдебринки, Карлфельдты, Бергстремы, – пришли сюда с Бьёргом Чёрным и сохранили и преумножили то, что он завоевал! По сути-то, Эфи, само государство заложили не Хлоринги, а их соратники, о чём Хлоринги предпочитают не вспоминать. Мы обязаны навести порядок! И самый простой путь к этому – брак наших детей, который развяжет нам руки и даст законное право вмешаться в процесс. Я считаю, что мирный путь к этому – самый правильный, и он более всего угоден Богу».

Эффемия, конечно, признавала все доводы брата вполне разумными, но как же ей не хотелось отдавать лапочку Софи за полукровку!

– Ведь все знают, как они неистовы и распутны! – Жаловалась она мужу, – нашу нежную, чистую девочку – этому красноглазому... сатиру!

– Ну, он сын Гарольда Хлоринга, – возразил герцог Анвалонский, Аскольд Эльдебринк, – так что я не думаю, что он плохо воспитан или слишком уж распутен. И потом, а кого бы ты хотела видеть мужем нашей Софи? Далвеганца, жирного извращенца? Его братца Кенку? Конрада Лефтера?

– Пусть это будет не принц крови, не герцог и не граф! – Воскликнула герцогиня. – Лишь бы девочке он был по сердцу и любил и уважал её! У нас есть сыновья, которые могут помочь нам укрепить своё положение и образовать нужные связи; а девочка пусть будет просто счастлива!

– А давай, познакомим их. – Пожал плечами Аскольд. – Я приглашу его в Урт – он ведь, насколько мне известно, уже вернулся?.. Погостит у нас, познакомится с Софи. Она у нас не

уродина, не зануда, верно? Да и он наверняка не урод, ведь полукровка и Хлоринг! Может, всё между ними сладится само собой, а? Обещаю, Эфи, неволить девочку я не буду. Как бы ни было выгодно нам это событие, Софи пострадать не должна.

– А он примет приглашение? – Усомнилась герцогиня. – Он ведь только что приехал...

– Если не дурак и хоть что-то понимает в том, что творится – приедет. Мы ему очень нужны. А если он дурак, то он нам ни к чему... Все равно не проживёт долго.

Большую часть золота, доставшегося Хозяину от его опекуна и дальнего родственника, тот потратил именно на Сады Мечты, и не меньшую – на собственные покои на самом верхнем этаже Садов. Здесь были и бассейн с горячей водой из тёплого источника, и статуи обнажённых юношей, амуров, греческих и римских богов и героев, ковры, меха, дорогая мебель, золото, позолота, серебро, шёлк и бархат. Входя сюда, Гор начинал себя чувствовать неловко и неуместно, пряча эти чувства за своей обычной ледяной наглой невозмутимостью. У бассейна, где всегда тихо журчала вода, стояла позолоченная клетка, в которой когда-то долгие месяцы сидел он сам, связанный, чтобы не покончил с собой – Гор пытался сделать это столько раз, и столькими способами, что связывал его Хэ тщательно и так крепко, что у юноши до сих пор остались следы на руках, ногах и даже на шее. Теперь там сидел мальчик из нового Привоза, тоже темноволосый, тоже полукровка, весь в синяках, голый, стыдливо съежившийся при виде Гора и спрятавший лицо в коленях. Сердце Гора неожиданно сжалось. Больно резанули по сердцу воспоминание о самом себе и жалость к этому незнакомому пока мальчишке, и гнев, который он поспешно подавил в себе. Хозяин лежал в бассейне, обнажённый, но в маске, без которой Гор никогда его не видел, потягивал вино из высокого изящного бокала с золотым орнаментом. В полумраке в нише стояли его телохранители, без которых он никогда в Садах Мечты не появлялся и не оставался. В его покоях барельефов с монстрами и женщинами не было; только одна картина, на дереве, которую Гор ненавидел и которой даже боялся: на ней большой чёрный козёл насиловал эльфийку. Она висела напротив бассейна, в котором любил нежиться Хозяин, и, по-видимому, пользовалась его особой любовью. Художник, изобразивший это гнусное действие, немного не угадал с пропорциями и размерами, но главное – муку женщины и её отчаяние, – схватить сумел, навеки запечатлев её искаженное лицо и движение её тела. Находясь когда-то здесь, Гор не мог смотреть на эту картину, она рождала в нём болезненное и страшное чувство, до тошноты, до спазмов. Хозяин, обожавший наблюдать за мучениями нравственными даже больше, чем за физическими муками, очень любил следить за тем, как Гор прячет глаза и отворачивается от этой картины. Даже сейчас, давно, вроде бы, привыкнув к тому, Гор инстинктивно сжался, не видя этой картины, но чувствуя её. И зная, что Хозяин это видит.

– Что-то случилось, Гор? – Спросил он, делая знак мальчишке. Видя, до чего тому стыдно, он решил позабавиться, велел ему ублажить себя на глазах у Гора. Мальчишка съёжился, чуть не плача от бессильной ненависти и стыда, и то же самое, пополам с острой жалостью, чувствовал и Гор. Но Хозяин зорко следил за ним из прорезей своей чёрной, с золотом, маски, и Гор знал, что на его лице не дрогнет ни один мускул – это была его месть Хозяину за всё. Чего-чего, а своего удовольствия от его мук тот больше не получит!

– Всё в порядке? – Мягко, своим приятным голосом, даже с полуулыбкой, спросил Хозяин. Но Гор давным-давно не верил в его мягкость, не доверял его улыбками и знал, что в любой момент оттуда может проглянуть хищная и безжалостная злоба. Хозяин играл; но и Гор играл тоже. Их поединок начался давным-давно, и до сих пор Гор его выигрывал, по капле, по чуть-чуть, но отвоёвывал свои позиции. Он был сильнее в том, что не боялся смерти, и Хозяин это знал. Не было больше и тех, кем он мог шантажировать его – Гор больше не заводил ни друзей, ни любимчиков. Он был спокоен, холоден и почти бесстрастен.

– Да, в полном. – Ответил он.

– Я слышал, тебе досталось на арене.

– Фигня.

– Береги себя, Гор. Ты ведь знаешь, как вы мне дороги, все шестеро, но ты – первый из всех. Это место – моя Аркадия, где я создал земной рай... А вы – аркадийцы, Гор, юные, прекрасные, нагие и счастливые, лишённые предрассудков, ложного стыда и тлетворной женской власти... Так что привело тебя ко мне?

– Мне двадцать три.

– Понимаю. – Лицо Хозяина чуть исказилось от удовольствия, он запустил пальцы в волосы мальчишки, а глаза так и впивались в лицо Гора, ища в нём хоть тень истинных чувств, отношения к происходящему... Ничего. Лёд. – Ты хочешь в семью.

– Я полагаю, что буду там тебе полезнее, господин.

– Возможно. Но почему ты хочешь в семью? Каковы твои собственные желания, Гор?

– Я сделал здесь всё, что можно было сделать. – Осторожно сказал Гор. Он был умён, и этот вопрос предвидел, и в долгие часы раздумий отвечал на него и так, и эдак. Зная, что Хэ не поверит, если он будет говорить о пользе дела, преданности и прочей чухне, Гор решил быть предельно искренним. – Мне просто здесь уже скучно. Одно и то же каждый день... Чухи надоели уже так, что я их почти уж не хочу.

Хозяин мелодично рассмеялся:

– Вот тут я тебя, как раз, понимаю!.. Ну, и свобода, а?.. Ну, признайся, Гор, тебе хотелось бы время от времени покидать насиженное место?..

– Да. – Ответил Гор, делая в то же время вид, будто колеблется. Чуть-чуть, точно отмерив дозу, чтобы Хозяин решил, будто углядел, наконец, отголосок его истинного чувства и обрадовался.

– Что-то не так? – Тот клюнул и аж подался вперёд, жадно впившись в него глазами.

– Да... Я ведь полукровка. Ты сам говорил, и парни из стражи, они тоже подтверждают: полукровкам снаружи не сладко.

– И ты боишься? – Недоверчиво рассмеялся Хозяин.

– Ещё чего! – Гор сделал вид, что обиделся и прячет обиду. – Если и боюсь, то только того, как бы не наломать там дров... Я не привык, чтобы всякое быдло меня одёргивало.

– А вот это как раз хорошо. – Задумчиво произнёс Хозяин. Гор видел, что он что-то решает для себя, в чём-то сомневается, даже колеблется, и очень сильно. – Это, как раз, очень хорошо... Быдлу нельзя давать спуска, и ты как раз тот, кто это сможет... Кто сможет. Да и в руках остальных своих приятелей ты держать сможешь... Хорошо, Гор. Преемника ты себе уже приготовил?

– Арес справится, господин.

– Ты научил его всему?

– Нет ещё, но...

– Научи. Даю тебе... Три месяца на то, чтобы приготовить Ареса и Приют. И найди в Конюшне ещё одного мальчика, чтобы занял опустевшее место. Через три месяца я скажу тебе, что решил насчёт тебя.

– Спасибо, господин! – Гор так возликовал в душе, что чуть было не выдал это ликование, но Хозяину на несколько мгновений стало не до того. Отдышавшись и придя в норму, он посмотрел на Гора затуманенными похотью глазами:

– Завтра Привоз... Госпожа сказала мне, что там будет эльдар. Не трогайте её сутки, пусть смотрит, как вы работаете с остальными... Я завтра уезжаю, и не смогу сам ею заняться, но ты знаешь: ей – особое внимание. Эти твари самые опасные, её надо сломать так, чтобы головы поднять не смела и если надо, кровью ssала! Ты меня понял?

– да, господин.

– Ступай. – Хозяин махнул рукой, унизированной драгоценными кольцами и перстнями. И Гор ушёл.

И не сдержался: в два гигантских скачка слетел с крутой лестницы, подпрыгнул и завопил во весь голос:

– Й-а-аху!!!

Счастье, какого он не знал, наверное, никогда в жизни, и в последние десять лет уже точно, распирало его изнутри. Гору требовалось как-то спустить пар, но он точно знал, что поделиться ни с кем не может. Он добился-таки своего! Он дожил, он пришёл к концу пути и увидел свет в конце этого долбаного тоннеля! Хозяин любил рассказать ему, что он, Гор, никто, ничтожество, не имеющее ничего, и даже сам себе он не принадлежит, а является вещью Хозяина. Что он ничего не может, не может ни решать, ни действовать, ни как-то влиять на свою собственную жизнь... И вот – оказалось, что может! Он терпел, ждал и верил, и всё получилось! Прислонившись спиной к стене в тесном коридоре, Гор смотрел на узкое окно высоко вверх, и ему хотелось кричать и смеяться. Хозяина ждёт сюрприз! Нет, Гор не бросится опрометью прочь, как только у него возникнет такая возможность. Он был наивен и невежественен, но не глуп. И понимал, что, не зная ничего, абсолютно ничего о жизни снаружи, он в тот же день и пропадёт к чертям собачьим. Нет, у Гора и тут был план. Сначала он прикинётся послушным, благодарным и исполнительным, всё выяснит, разведает, что за жизнь такая там, за стенами Садов Мечты, с чем её едят, подготовится, и свалит отсюда, от Хэ, от собак и волков, от извращенцев и убийц... Он столько ждал. Он столько терпел!.. Он не думал ни о реванше, ни даже о мести. Когда-то он не только хотел, но и пытался убить Хозяина, бросался на него, как впавший в бешенство от страха, боли и отчаяния зверёк. Но за прошедшее время тот успел основательно прочистить ему мозги, внушив веру в то, что всё происходящее – отвратительно, но неизбежно. Гор даже верил, что Хозяин на самом деле не самый злой и отвратительный человек на свете, что есть гораздо страшнее и злее, а главное – могущественнее, и вот они и вынуждают даже Хозяина поступать не так, как он хотел бы поступать с ними, которых считает своими детьми, а так, как он и поступает... В то же самое время Хозяин ведь находит возможность и как-то поощрить их, как-то продвинуть, дать им какие-то привилегии, и Гор не мог не признать, что где-то он прав. А жестокость... Что ж, в Садах Мечты без неё было никак, и это тоже Гор не мог не признавать. Он давно принял, как данность, то, что в его бедах и вообще в том, что он – вот такой и живёт вот так, виноваты не Хозяин, и не гости, а их паскудные мамы, которые бегают трахаться с эльфами, не смотря на запреты и на то, что потом происходит с их детьми. А так же сами эльфы, которые тоже это знают, но, тем не менее, от траха с человеческими шлюшками не отказываются и судьбой своих детей совершенно не интересуются. И Гор ненавидел и тех, и других. Свою мать он даже мысленно иначе, как «эта тварь», не называл; а отца... Понятия об отцовстве у него были самые смутные, но откуда берутся дети, и куда деваются, родившись здесь, Доктор его просветил, и с той поры, как узнал это, Гор старался, чтобы его семя не попало ни к одной Чухе из тех, что он брал. В той части его души, где должны были находиться мысли и чувства к матери, у него была страшная чернота, какая-то пугающая его самого злоба и отчаянное неприятие этих чувств и мыслей; он не хотел, не мог и не позволял себе много думать о ней. Вообще старался не думать. А когда всё-таки приходили, непрошенными, эти мысли, он испытывал такую тоску, такую боль и злость, что быстро изгонял их из головы... жаль, что не мог окончательно изгнать из сердца. Порой Гор начинал непроизвольно мечтать о том, как оно будет: его свобода, его жизнь ТАМ?.. И порой он думал и о том, как найдёт свою мать, посмотрит ей в лицо, расскажет, что с ним было. В подробностях. И сделает с нею то же самое, что делали с ним – пусть попробует, каково это: стоять с содранными ногтями и исполосованной спиной коленями на битом стекле и подыхать от боли и жажды! А он оставит её вот так, и уйдёт... Навсегда уйдёт, обретя – Гор в это верил, – покой, свершив свою месть и восстановив справедливость. Потому, что, не смотря на всё его

спокойствие, не смотря на выдержку и хладнокровие, и на то, что в целом теперь своей жизнью он был доволен, даже гордился собой, в глубине его души продолжал жить униженный и истерзанный подросток, который требовал справедливости и реванша.

Сердце вытворяло чёрт знает, что, радость клокотала в нём, разрывая грудь и превращая кровь в какую-то бурлящую весельем и сумасшествием смесь. Нет, в таком состоянии в Приют идти было нельзя! Три месяца... всего три – целых три!.. Теперь, когда появился этот срок, включился обратный отсчёт, и Гор почувствовал себя одной ногой на воле. При этом он с особой остротой ощутил, до чего ему опостылело здесь всё, всё, всё! Три месяца! Когда он не остался бы здесь и трёх минут! Как же их пережить?..

У них с Доктором был уговор – и вовсе не о том, что подумал Арес. Просто порой Гор оставался на ночь в роскошных гостевых будуарах, где те отдыхали от трудов своих неправедных, мылись и переодевались. Некоторые здесь же и развлекались, не отводя жертву в общий зал со станками и прочими приспособлениями, а так, в уединении и на банальной постели, потому и последние здесь тоже были, и довольно роскошные – по мнению Гора, никогда не выдавшего настоящей роскоши. Что он вообще знал?.. С фермы, находившейся в страшной глуши, он попал напрямик в Сады Мечты; их везли в закрытых возках и в трюме баржи, он и дороги-то не видел. Он не знал, что такое замок, что такое город или деревня, он вообще ничего не знал. Но он был очень умён, и понимал, до чего сильно его невежество. Душа его жаждала какой-то информации, каких-то новых впечатлений, какого-то знания, и крупницы этих знаний и информации о внешнем мире он получал от гостей, Доктора, Хозяина и частично – от одного из своих парней, Эрота, который попал на ферму в восьмилетнем возрасте и кое-что помнил о жизни «на воле» и мог об этом вспомнить и рассказать. Ещё у Гора была книга: ему подарила её его постоянная гостья, дама Бель, когда он как-то признался ей, что хотел бы побольше узнать о мире и о людях. Читать он не умел и вообще не понимал, что значат чёрные затейливые значки, но книга была богато иллюстрирована, и Гор часами рассматривал картинки. На картинках люди занимались, мягко говоря, неприличными вещами, но Гора интересовало не это. Он рассматривал всё, что окружало этих людей, каждую мелочь, ведь художник помещал своих персонажей в интерьеры и пейзажи недоступного Гору мира. Книгу Гор хранил в тайнике, который обустроил в комнате при Приюте, где хранилась солома для их лежанок: соорудил из досок будку и закидал её соломой, надёжно скрыв от любых глаз. Там же он хранил и остальные свои сокровища: четырнадцать золотых дукатов, которые зачем-то давал ему второй его постоянный гость, священник, называющий себя Гелиогабалом, самодельную заточку и кусок вишневого пирога, давным-давно превратившийся в камень. Гор, обожавший вишню, хранил его куда трепетнее, нежели деньги, изредка позволяя себе отгрызть небольшой кусочек и воскресить в памяти забытый вкус. Бегом добравшись до своего тайника, Гор достал оттуда книгу и помчался в Девичник, уже не боясь встретить там Доктора: в сумерках тот, приняв измученных девочек, и велел Паскуде вымыть их и наложить компрессы на синяки и кровоподтёки, закрывался у себя, чтобы уже до рассвета не высовывать носа из своих покоев. Но Гор знал, где он прячет ключ от гостевых покоев специально для него, и, забрав его, остановился перед клетками, разглядывая бессильно лежавших на своих тюфяках девчонок, с которыми от души развлеклись на оргии. Нет... пожалуй, что не стоит. Не от жалости – жалости к девочкам Гор давно научил себя не испытывать. Просто никакого удовольствия измученные, избитые и истерзанные Чухи сегодня доставить ему уже не могли. Две из них тяжело, с надрывом, дышали, одна стонала, лёжа в странной и неудобной позе, четвёртая вообще сидела, вся тряслась и раскачивалась из стороны в сторону, держа перед собой опухшие и посиневшие руки. Груды и бедра всех четырёх были облеплены примочками и компрессами. Что с них было взять?.. Каким бы ни сделали его Сады Мечты и Хозяин, но садистом Гор так и не стал, и удовольствия от побоев и вида увечий и травм не испытывал, напротив. Бил, если требовалось, и бил легко, но никогда – для собственного удовольствия. Как бы он ни презирал девочек,

но мучить тоже не хотел, и переключил своё внимание на Паскуду, которая старательно мыла столы. Две другие беременные девушки, которых Доктор, не мудрствуя лукаво, звал Пузатая и Брюхатая, уже спали в своих стойлах.

Паскуда была достопримечательностью Девичника: она жила здесь уже три года. Из девочек дольше года здесь не протягивал никто: даже если они не умирали от побоев, отчаяния и издевательств, их убивали просто потому, что они «теряли вид». Паскуда была эльдар – эльфийская кватронка, и возможно, поэтому «вид» не теряла, хотя носила уже третьего своего ребёнка. Оба предыдущих младенца были здоровенькими и хорошенькими девочками, просто на удивление, не смотря на скотскую жизнь их матери, и Доктор, глумясь, говорил, что держит Паскуду «на племя». На лицо Паскуда так же оставалась на удивление красивой, и каким-то образом сохраняла искру жизни в глазах, тогда как остальные девочки уже через пару месяцев превращались практически в зомби. Синяки под глазами и резкая худоба её, конечно, не красили, так же, как живот, казавшийся из-за худобы особенно огромным, зато груди у неё были, так же из-за беременности, прямо-таки отменными. Гор любил секс. Собственно, кроме секса, других удовольствий от своей жизни здесь он и не имел. И все свои знания о женщинах он подчерпнул здесь же, от Хозяина и Доктора. Последнего Гор презирал и никогда особо не слушал, но вот Хозяин... Ненавидя его, Гор, тем не менее, относился к его речам серьёзно. А поговорить тот любил, и говорил много, красиво, логично и очень аргументированно, так что Гор, юноша весьма не глупый, изъяснов в его рассуждениях не видел. От Хозяина Гор узнал уже в первые же недели своего пребывания в Садах мечты, что женщины – существа подлые, ничтожные, тупые, но при том очень опасные. Не имея настоящего ума, они, тем не менее, очень хитры, и их хитрость смертельно опасна. «Чаще всего, – поучал он в своё время Гора, – они берут на жалость. Ты её пожалеешь, и она тут же присосётся к твоей душе, как пиявка, и ты сам не заметишь, как начнёшь ради неё рисковать собой, терять то, другое, третье. Все твои усилия будут направлены на то, чтобы ей было безопасно, комфортно, тепло и сухо, она ведь такая бедненькая, хорошенькая, хрупенькая, такая беззащитная в жестоком мире... А когда она возьмёт от тебя всё, что ты сможешь ей дать, она просто тебя бросит, и забудет. Ты отдашь ей всё, она не даст тебе ничего, да ещё и погубит, как погубили Сета – ты помнишь его?... Считаешь, я жестоко поступил с ним?... Но у меня не было выбора – он уже погиб. Ты же помнишь, что ради той дряни он готов был убивать даже вас, своих братьев! И его кровь – на ней, а не на вас и не на мне. Я давно живу на свете, мальчик, и научился не только видеть скверну в этих ядовитых тварях, но и выжигать её, выдирать с корнем, спасая вас же, дуралеев, от этой заразы!». Ещё он говорил, что девушки – ничтожества, в них нет ничего того, что есть благородного и высокого в мужчинах и юношах. Им неведомы ни честь, ни гордость, ни отвага. «Посмотри, как они пресмыкаются перед вами и с какой готовностью унижаются, и вспомни себя, вспомни, как боролся ты – так, что даже я восхищался тобой! Нет, кроме презрения и суровости, они не заслуживают ничего!». – И вот эти последние доводы действовали на Гора сильнее всего, потому, что сам он сильнее всего презирал именно раболепие и покорность. Девочек ему, не смотря на презрение и предвзятость, часто бывало даже жаль, но он научился игнорировать свою жалость, как учится колоть животных любой живущий в деревне мужчина. Да он и относился к девочкам, как к животным. Для него они были скотиной, которую нужно обучить, обломать и использовать. Методы Хозяина действовали безотказно: выросшие в глуши, неграмотные, невежественные, с детства забитые и запуганные, девочки попадали в Сады Мечты, где их сразу же самым жестоким образом ломали и втаптывали в грязь. Естественно, они своим поведением и повадками только подтверждали всё, что он говорил о них! Но Гор об этом не думал. Он вообще о них, как о живых и чувствующих существах, не думал.

– Пст! – Решив, что лучше Паскуда, чем вообще никого, скомандовал он, и девушка, бросив тряпку, метнулась к нему, опустившись на колени. – Пошла со мной.

Жизнь удалась! Полулёжа на роскошной постели перед горящим камином, Гор наслаждался вином, пирожными с серебряного блюда, засахаренными кусочками фруктов и орехами, да тем, что делала Паскуда, стоя на коленях у постели меж его ног. Отсюда живота было не видно, зато груди – вот они, а женские груди Гор любил. Особенно любил видеть, как они подпрыгивают в такт его движениям, но и так посмотреть было приятно. За столько времени Паскуда стала просто виртуозом в своём деле, и Гор не пожалел ничуть, что взял её. Он даже порой бросал ей печенье и кусочки сыра, с тем же самым чувством, с каким люди бросают подачки животным, не ощущая унизости своего поступка, напротив: считая, что поощряет её и делает ей приятно. Ладно уж, пусть тоже порадует! Паскуда, которую Доктор держал в чёрном теле, беременная и потому вдвойне голодная, жадно хватала эти куски и торопливо съедала, чем забавляла Гора весьма.

Он был очень, очень, очень доволен собой. У него всё получилось, он был успешен, он был на коне, нет – он был царь горы! Три месяца, потом – какое-то время на подготовку, и он пошлёт это место, и Хэ заодно, в самую вонючую жопу, а для него – свобода!!! Гор упивался этими мечтами. Всё, он победил! Только бы пережить эти три месяца, но это не проблема, он уже такое пережил! Довольный собой и своей жизнью, Гор готов был даже Паскуде уделить толику удовольствия, потому, получив от неё всё, что хотел, поставил щедрой рукой ей у камина на пол тарелку с остатками печенья и сыра:

– Валяй, жри, пока я добрый! – И, развалившись на постели, открыл книгу.

У него здесь и любимые картинки были. Например, картинка, где кавалер наяривал даму «по-собачьи» в портике богатого дома, а люди на улице и не подозревали, что происходит у них под боком. Гор любил эту картинку именно за то, что здесь видна была часть улицы, прохожие, балкон со свисающим с него богатым ковром, торговка молоком, и самое главное – панорама города на заднем плане. Гор с замиранием сердца рассматривал тщательно прорисованные художником детали: крепостные стены, башню, стражников с копьями, человечка с вязанкой хвороста, и двух лошадей, на которых ехали мужчина и дама... Гор до сих пор безумно любил лошадей, и каждый раз сердце его сладко сжималось, когда он рассматривал эту картинку. Или другую, где женщина ублажала конюха так же, как недавно его самого Паскуда, прямо на конюшне, в стойле, в присутствии роскошного белого коня. Гор даже гладил этого коня пальцем, наслаждаясь своей ностальгией, и мечтая, как уже скоро, очень скоро, будет иметь своего коня – может, даже белого, как знать! – и будет свободен... В голову лезли всякие глупые мысли, спать не хотелось совершенно: он был слишком возбуждён, чтобы спать. Хотелось поговорить; высказаться, похвастаться, в конце концов! Пусть даже и Паскуде, и что?.. разговаривают же люди с собаками! Гор был так счастлив, что не прочь был сделать счастливым кого-то ещё, поэтому щедрой рукой плеснул Паскуде и вина:

– Держи, выпей. Пей, говорю! Пользуйся моей добротой. Пей, это вкусно! – И девушка несмело взяла бокал. Некоторые гости любили так начинать свои игрища: прикидывались добренькими, предлагали еду, вино... Чем это заканчивалось, Паскуда отлично помнила. Но Гор, похоже, в самом деле просто дал ей вина. Она осторожно пригубила и аж зажмурилась, до слёз: вино было терпким, сладким, густым, и показалось ей нереально вкусным. С непривычки оно подействовало очень быстро: щёки её порозовели, глаза заблестели, даже настроение поднялось, стало как-то легко и почти хорошо. От очага было тепло, ковёр был мягким, сыр и пирожные – вкусными. Паскуда отлично понимала, что Гор взял её просто потому, что других было сегодня не взять... А жаль – ей понравилось. Вот бы почаще!

А Гор меж тем трепался:

– Ты даже не представляешь, что со мной скоро произойдёт, да и куда тебе! А я свалю отсюда, поняла?... Свалю на фиг; кому что, а мне – свобода-а!!! – Он проорал это слово так, что Паскуда вздрогнула. – И будет у меня жизнь, понятно тебе, жизнь, настоящая, моя, и только моя, без уродов этих всех, без Клизмы, без Хэ... и без вас.

Девушка слушала трёп Гора, смакуя сыр и вино, и губы её порой трогала злорадная улыбочка. Не всё было так радужно, как ему представлялось, ох, не всё! Но Гор на неё не смотрел и её злорадства не замечал. Он наслаждался, и не подозревая, что это его последняя подобная ночь. Что где-то со скрипом и лязгом повернулось колесо судьбы, и желтая лента упала в темноту мрачного грота, а в далеком Ашфилде, о котором он и знать не знал, девичья рука погладила лак любимой лютни, и нежный тихий вздох ознаменовал прощание с прошлой жизнью и новые надежды. Что в устье Великой Реки уже вошел корабль с фигурой единорога на носу, разрезая обледеневшим килем свинцовые ледяные воды, по которым косами вился студёный пар. Никто еще этого не знал.

Глава вторая: Тринадцать

На рассвете девочки начали просыпаться; первая проснулась эльдар, Мария – она и уснула последней. Она была эльфийской кватронкой: дочерью эльфа и полукровки, почти эльф, поэтому была сильнее и здоровее своих подружек. По дороге нёсший её мужчина потерял жёлтую ленту с её платья; остальных трёх девочек с такими же лентами уже не было с ними. Проснувшись, Мария удивилась неприятному привкусу во рту, а так же тому, что все они, одетые в короткие и уродливые рубашки, как попало лежат прямо на каменном полу в странном, абсолютно пустом помещении. Здесь был очень высокий потолок, но само помещение было длинным и узким, как коридор. Три стены были каменными, из пёстрого мрамора, украшенные странными барельефами, а четвёртая стена – деревянной, с большой двустворчатой дверью, запертой снаружи. До потолка она не доходила, и Мария, задрав голову, увидела, что помещение снаружи – очень большое, с большими окнами высоко под потолком, светлое. Встав, Мария осмотрелась. Внимание её сразу же привлекли барельефы: на них очень реалистично и талантливо изображены были монстры с головами животных и телами людей, которые тащили за волосы, избивали и насиловали связанных женщин. Половые органы монстров были изображены настолько реалистично и тщательно, что у Марии, никогда не выдавшей мужчин, но жившей на ферме и наблюдавшей спаривание животных, не возникло ни малейших сомнений насчёт того, что она видела. Как и насчёт того, что всё это было именно насилием: художник постарался, чтобы и в этом сомнений не было. У связанных женщин были страдальчески искажены лица и растянуты рты в беззвучном крике. Марии стало так жутко, что её даже затошнило. Что там говорила вчера Госпожа?.. Что всё, что с ними будут делать, правильно и законно?.. Но что именно с ними будут делать? Почему на них эти нелепые рубашки, оставляющие открытыми ноги, с огромными вырезами, из которых выпадают груди?.. Остальные девочки просыпались, поднимались; посыпались вопросы:

- Вот я уснула! Ты тоже?
- Где мы?
- Ой, а кто меня раздел?
- Мои волосы! Смотрите, мне обрезают волосы до лопаток!
- Ой, и мне!
- Где мы?
- А где Мина? И Тина, и Агнес?!
- И Ким нет! Девочки, где мы?

Мария молча показала Трисс, своей подруге, белокурой полукровке с серыми большими глазами и пухлыми губами, на барельефы, и та скривилась:

– Ой, нет! Фу-у!

– Что – нет?! – Тут же повернулась к ним Марта, кватронка, пепельная блондинка, кудрявая и кареглазая. На юге Нордланда каждую третью девушку звали Марта, и так же много здесь было сухопарых, грациозных кудрявых блондинок. Подойдя к подругам, она зажала рот ладонью:

– Ге-е-е! Вот мерзость! И придумают же такое!

– Где мерзость?! – Побледнела самая младшая, черноволосая темноглазая кватроночка, Клэр. – Что это? Что они делают?! Зачем это?!

– Тихо! – Приложила палец к губам Мария, у которой был самый хороший слух. – Кто-то идёт!

– Сколько сегодня? – Услышали девочки холодный низкий голос. Голос был мужской, несомненно мужской; с мужчинами, работавшими на ферме, девочки не общались под страхом самых суровых репрессий; они и видели-то их только со стороны и никогда – близко.

– Тринадцать. – Ответил голос, выше первого, скрипучий и неприятный, но тоже мужской. – Четыре для особых удовольствий, и того для вас – девять. Есть одна эльдар, правда, старая – семнадцатилетка, но красotka при том, в самый раз для тебя, Гор.

– Одну нам! – Напомнил кто-то, тоже мужчина, и холодный голос подтвердил:

– Вам, вам. – Сказано было у самой двери, и девочки отпрянули от неё. Они не понимали, что происходит, но им было очень страшно.

Дверь заскрипела, открываясь, и Мария первым увидела Гора: она как-то сразу поняла, что это он. Да его и невозможно было не увидеть первым, при его-то росте и красоте лица!. Но слишком правильное лицо и ледяной взгляд тёмных глаз были такими же, как его голос: жестокими и бесстрастными. Он посмотрел на Марию, задержал взгляд на её ногах, потом окинул взглядом остальных девочек, словно смотрел на животных, которых собирался использовать.

– Давай, сразу нашу выберем, Гор? – Обратился к нему рыжеволосый юноша, тоже красивый, хоть и иначе, и явный кватронец: из эльфийского в нём были лишь слегка заострённые уши, да нездешний блеск в глазах. Гор осмотрел девочек и вновь задержал взгляд на Марии, от чего она вся похолодела и сжалась.

– Выбирайте. – Кивнул он. – Мне вот эта нравится, эльдар.

– Она здоровая, как лошадь! – Сморщился Арес. – И старая, ей, поди, за шестнадцать уже! Мне вот эта, рыжая нравится! – И он рванул на себя взвизгнувшую Розу, пятнадцатилетнюю кватроночку с медными кудрями, молочно-белой очень красивой кожей и прекрасными чёрными бархатными близорукими глазами. Парни мгновенно содрали с неё рубашку и принялись щупать и осматривать, тиская груди и ягодицы:

– Смотри, какая смачная!

– Вы на рожу её повелись. – Холодно сказал Гор. – Она кватронка; чё, не знаете, что с кватронками бывает?.. Рожа станет страшная, а жопа у неё так себе, сиськи в стороны торчат, как у козы, и ноги короткие! Длинная-то круче! – И он потянул к себе Марию. Девушка молча, но сильно рванулась, и Гор от неожиданности выпустил её, а она, зашипев, как дикая кошка, попыталась проскользнуть между ними к выходу.

– Бешеная Чушка!!! – Завопил Арес азартно; они мгновенно схватили Марию и принялись лапать, награждая пока несильными, но чувствительными оплеухами. Мария отбивалась молча, пыталась царапаться, пинаться и кусаться, и её быстро скрутили.

– Гор, с неё начнём?! – Спросил Арес, чуть покраснев от раздражения и азарта.

– Нет. – Сказал Гор. – Её последней. Пусть смотрит.

– Так чё, кого возьмём? – Арес присмотрелся к Трисс, побледневшей, дрожащей от страха за Марию. – Рыжую или вот эту, губатую? Смотри, какие у неё сосалки смачные!

Парни заспорили, осматривая и ощупывая девочек, которые плакали, вырывались и пытались сжаться и прикрыться. Кроме Ареса, Трисс никто не захотел. Эрот, высокий, нереально красивый блондин с синими глазами и чёрными бровями и ресницами, полукровка-Фанна, редчайшее на Острове существо, так как Фанна практически не контактировала с людьми, захотел маленькую Клэр, но та была такой тоненькой, такой хрупкой, почти без груди, с узкими бёдрами, что его только подняли на смех. Приют явно склонялся к грудастым

пышечкам: Розе и Саманте. Вторую, хоть Гор решил, что она получше Розы, тоже забраковали из-за возраста: ей было уже шестнадцать. Гор попытался предупредить парней, что Роза им очень быстро разонравится, но Локи, который часто спорил с Гором просто потому, что ненавидел его, всё-таки убедил всех остановиться именно на ней. Девушку заперли обратно в загон, Марию привязали за руки к кольцам в стене, а для остальных начался ад. Их насиловали, передавая от одного к другому, били, запрещая издавать членораздельные звуки, жаловаться и просить; принуждали делать такие отвратительные и шокирующие вещи, что многих рвало, и за это их опять били. Кудрявая Марта так визжала и орала, когда ее начали насиловать, что Гор прервал процесс и потребовал Доктора. Этого девочки знали: раз в полгода он появлялся на ферме и осматривал их. Осмотрел он и Марту, бесцеремонно раздвинув ее дрожащие бедра и заглянув в пах.

– Ничего страшного, просто истерит. Думает, хитрая, думает, вы ее оставите в покое. Рожу ей разбей, и трахай дальше, заткнется, как миленькая.

– Крови слишком много. – Возразил Гор. – Смотри лучше!

Доктор, недовольный, что ему возражают, за волосы скинул Марту с доски, на которой ее разложили, и палкой не жалеючи огрел по спине:

– В воду, писежопая, живо!

Марта не смогла встать на трясущиеся ноги, и ее швырнули в маленький, теплый бассейн в углу, где Паскуда, жавшаяся в сторонке и не поднимающая головы, старательно обмыла и подмыла ее. И сразу стало ясно, что крови и в самом деле много: она прямо-таки лилась ручьями по бедрам девушки, смешиваясь с водой.

– Ну?! – Грозно спросил Гор. Доктор почесал в затылке.

– Че-чего?.. – Когда он волновался или пугался, он начинал заикаться, голос становился тоньше и противнее. – Ну, кровь. В первый раз-раз кровь на-на ляжках увидел? Пусть лежит в сторонке, пока не перестанет.

Марта упала на охапку соломы, куда Гор отправил и маленькую Клэр, заметив, что та стала белой, как смерть, и у нее начали закатываться глаза. Остальных не отпускали и не жалели, добиваясь абсолютной покорности и правильного исполнения команд. Мария наблюдала это с ужасом и бессильной яростью; для чего ее не трогали и дали просто наблюдать, она даже думать боялась. Всем, как ей виделось, заправлял Гор, и с каждой секундой персональная ненависть к нему в Марии росла и росла, пока не стала удушающе-страшной. Он то насиловал, то швырял свою жертву Аресу и шел, смотрел, как это происходит у других, давал команды и оценивал так хладнокровно, безжалостно и равнодушно, словно перед ним были не живые перепуганные страдающие девочки, а неодушевленные предметы. И даже когда одергивал увлекшихся парней, это выглядело, как забота о вещах, не о живых существах:

– Заканчивай ей сиськи крутить, Ашур, испортишь раньше времени, уродку никто не купит!.. Эй, Локи, в рожу не бить! Я кому сказал?! Сломаешь ей нос, я тебе самому все переломаю на хер! Рожи симпотные должны быть!

Марии начало казаться, что этот кошмар никогда не кончится; от страшного напряжения у нее болело все тело, особенно запястья рук, которые она напрягала и пыталась порой вырвать, чтобы освободиться и вступить за Трисс, покорную, плачущую, и все равно получающую удар за ударом. Но Розе, запертой и не видевшей ничего, но все слышавшей, было в разы хуже и страшнее. Она даже обмочилась от страха, ее трясло в истерике. Клэр, клубочком свернувшись на соломе, закрыла лицо руками и притихла, не шевелилась, не плакала, не дрожала – застыла, как каменная. Зато Марта рядом выла, то тише, то громче, на что никто не обращал ни малейшего внимания. В какой-то момент Мария увидела, что из под соломы, на которой Марта лежит, появился кровавый ручеек, который все увеличивается... И потеряла сознание.

Когда очнулась, ее подружек уже не насиловали, но заставляли делать такое, что те кашляли, задыхались, мычали, захлебываясь слюной, и Марию вырвало при виде этого. Она ничего не ела ни вчера, ни сегодня, и рвало ее тяжело, желчью. Один из парней, высокий жгучий брюнет с синими глазами, которого остальные звали Ашуром, заметил и заржал, подходя к ней:

– Учись, Чуха, смотри внимательно, поняла? Чтобы потом все делала правильно и радостно, корова длинная!

Гор, который намеренно не смотрел пока в ее сторону, глянул, встретил ее взгляд, и у него противно сжалось что-то в животе. Он тысячу лет не вспоминал, как попал в Сады Мечты он сам – и вдруг это воспоминание вонзилось в него, словно раскаленный клинок. То же самое – все было в точности то же самое. Он был так же привязан к кольцам в стене, вынужденный смотреть и сходить с ума от ярости и ужаса. Этот ужас и эту ярость он прочел во взгляде этой эльдар, вместе с ненавистью, которая полыхнула из ее расширенных глаз и обожгла, словно настоящее пламя. Но так не должно было быть. Это было неправильно, это шло вразрез всему, во что он верил и с чем жил. Гор еще не осознал, какой катастрофой это грозит ему лично, но уже ошетинился внутренне, уже напрягся и почувствовал желание во что бы то ни стало доказать этой девке и себе самому, что она такая же тупая скотина, как все они, что она *не может* быть ни гордой, ни смелой, ни упрямой. Что она сейчас превратится в дрожащее ничтожество, плачущее, скулящее и спешащее убажить его, только лишь бы ее больше не били.

Потому, что если он не сделает этого, он просто не сможет с этим жить.

– Я буду дурак последний, если не поеду в Урт. – Широко шагая по внутренней галерее Хефлинуэлла, ведущей из Золотой Башни в Рыцарскую, отрывисто бросил Гарет Хлоринг в ответ на вопрос Марчелло Месса, своего друга, доверенного лица, врача и телохранителя. Молодой Хлоринг был зол и возбужден – только что серьезно поссорился с отцом, – и зрачки его длинных эльфийских глаз горели красным огнем, а ноздри породистого носа дрожали от гнева и отчаяния. Злился он на себя: отцу после ссоры ожидаемо стало плохо, и Гарет только что по лбу себе не стучал. Ведь знал же, знал! Что стоило промолчать?! Но теперь невозможно что-то исправить: отказаться от своего Гарет не мог, а без этого примирение с отцом было невозможно. Так что приглашение на Север было даже кстати...

– Они наверняка хотят женить одного из своих сыновей на Габи. – Продолжал он, смиряя гнев. – И хотят обсудить это, а то и посвататься... Нам это тоже очень выгодно. Всё плохо, Марчелло, всё плохо. Не знаю, насколько, сейчас Тиберий придёт, обрисует ситуацию. Но если мы ещё не в жопе, то настолько к ней близко, что я явственно ощущаю вонь. – Он говорил по-итальянски, потому следовавший за ними слуга не понимал ни слова. – Эльдебринки и их поддержка нам очень нужны. Потому я поплыву в Блэкбург так скоро, как только смогу.

– А ваш отец, патрон...

– Нам с ним какое-то время лучше не общаться. И там, на севере, – он остановился и посмотрел в глаза итальянцу, – я и начну поиски.

– Вы не отступитесь. – Итальянец не спросил, констатировал факт.

– Нет. – Выдохнул Гарет резко, разворачиваясь и рванув дальше. – Не обсуждается. Никогда! Либо ты без разговоров и сомнений ищешь со мной, – или возвращайся в Ломбардию, баста!!!

Марчелло благоразумно промолчал. Он знал своего патрона, и знал, когда тот шутит, а когда – нет.

Поднявшись на второй этаж Рыцарской башни, Гарет вошёл в свои покои – и застыл. Он ожидал привычные комфорт, тепло и покой, но помещение выглядело так, как и должно было выглядеть помещение, хозяина которого не было здесь десять лет – кругом были пыль, запустение, дорогая мебель была покрыта дерюгой и укутана в грязные от пыли полотна, дорогие ковры и шкуры убраны, в камине было темно, холодно и пусто.

– Merde! – Выругался Гарет. – Дор-рогая кухня! Роберт!!! – Заорал так, что звякнуло дорогое стекло. Минуты не прошло, как нарисовался оруженосец Гарета, девятнадцатилетний юноша с весёлыми зелёными глазами. И Гарет выверился на него:

– Где слуги, »» вашу мать, где огонь в камине, где вино?!! Совсем здесь о»» ели?! Я домой вернулся, или где?!! Ты уже час здесь, твою мать, говнюк недоношенный, почему я прихожу сюда и вижу здесь вот эту »»ню?!!! Меня в харчевне лучше встречали – может, мне в харчевню вернуться?!!!

Марчелло, не говоря ни слова, занялся камином, Роберт, взгляд которого мгновенно утратил всякую весёлость, исчез.

– Чёрт, чёрт, чёрт! – Рывкнул Гарет, с каждым ругательством ударяя кулаком по стене. И сел за стол, на котором стояла ваза с какими-то высохшими, покрытыми пылью кусочками. В бешенстве смахнул её на пол и обхватил голову руками, ссутулив широкие плечи. Всё в самом деле было плохо. И не готовые к его приезду покои были не самой худшей из проблем.

Через минуту – Гарет только-только укрепился в мысли, что ни за что не пойдёт ночевать в другое место, переночует здесь, а утром... утром, во-первых, устроит разнос кухне, которая исполняла обязанности хозяйки дома при вдовом дяде и холостом кузене, и которую ещё неделю назад предупредили, что он вот-вот будет дома. А во-вторых, повыгонит всех слуг! – так вот, не успел он укрепиться в своих мстительных намерениях, как появился примечательный, незнакомый ему господин, чуть выше среднего роста, с благообразными и правильными чертами лица, неяркими волосами и бровями, и вообще, весь какой-то... идеальный. С одной стороны, неяркий – глазу не за что зацепиться, с другой – совершенно не к чему придраться. Волосы уложены волосок к волоску, брови – словно он их выщипывал или подбривал, аккуратная модная бородка, больше похожая на трёхдневную щетину, выглядела благообразной и ухоженной, одежда – опрятной, в меру модной и безупречно чистой. И голос у господина оказался приятным и негромким, а дикция – безупречной. Более того! Двигался господин неслышно и словно бы неторопливо, но покои Гарета преображались просто волшебным образом. Поклонившись Гарету, он поставил на стол канделябр с пяти свечах, отстранил Марчелло от камина, и там тут же загудел огонь; повернулся к столу – и две неведомо откуда возникшие служаночки ловко и быстро, а главное – почти не побеспокоив Гарета, смахнули пыль, покрыли стол скатертью и перед молодым Хлорингом появились подогретое вино с пряностями, блюдо с сыром и хворостом, салфетка и полотенце. Девушки, оказавшиеся при том и прехорошенькими: одна чёрненькая худышка, вторая – рыжая пышечка, – продолжили споро и бесшумно наводить порядок, а идеальный господин вновь поклонился Гарету:

– Прошу прощения у вашей светлости. – Сказал он. – Я подозревал, что подобная неприятность может возникнуть, но дворецкий Рыцарской башни слушать меня не стал, а без приказа её светлости действовать...

– Ты кто? – Перебил его Гарет, которого в значительной степени успокоили вино и сыр, но в гораздо большей – очаровательные девушки.

– Альберт Ван Хармен, милорд, один из младших герольдов его высочества. Понимаю, что сунулся не в своё дело...

– Нет, Альберт, ты не герольд. С этой минуты – ты мой управляющий. Дворецкого к чёрту, с Габриэлем я поговорю сам. Откуда знаешь, какое вино я пью?

– Я слышал, как об этом говорил Тиберий, милорд. Ваше назначение – огромная честь для меня. Я всего лишь...

– Ты всего лишь сделал то, чего в этом доме не захотел сделать больше никто. – Буркнул Гарет. – Слуг поменяешь, подберёшь сам. Ни одна сволочь, которая не захотела жопой двинуть и позаботиться о моём приёме, здесь оставаться не должна. Девчонки твои?

– Нет, милорд, это горничные для чёрной работы, простые девушки, но расторопные и не болтливые. Я подозревал, что они понадобятся, и потому велел им на свой страх и риск находиться поблизости со всем необходимым.

– Будут горничными Рыцарской Башни. – Гарет взглянул на девушек, и его синие глаза потеплели, губы чуть изогнулись в многозначительной полуулыбке. Чёрненькая изобразила показное смущение, рыженькая же вызывающе облизнула губы и повела плечами так, что белая блузка как бы невзначай, но очень сильно обтянула грудь.

– Мы можем вам и постель согреть, коли хотите. – Сказала она, стрельнув глазками. – Там холодно! Только скажите, которая.

– К чёрту выбор. – Быстро сказал Гарет. – Согреете обе.

– Мы – девочки горячие. – Хрипловатым сексуальным контральто возразила чёрненькая. – Как бы жарко не стало...

– Мне?! – Фыркнул Гарет. – Да хоть всех своих подруг приводите! Как звать?

– Ким. – Сказала рыжая.

– Инга. – Сообщила чёрненькая, и призывно облизнула пухлые губы: молодой Хлоринг был чертовски хорош.

– Валяйте в спальню, Ким и Инга, займитесь постелью. А тебе, Альберт, кое-что на будущее. Ты знаешь, что у меня есть брат?

– Разумеется. – Вежливо наклонил голову Альберт, не выказав ни смущения, ни неловкости.

– Скоро он. Будет. Здесь. – Раздельно произнёс Гарет, твёрдо глядя ему прямо в глаза. – Я хочу. Чтобы. Для него. Были готовы. Покои над моими. Огонь. Бельё. Вино. Всё прочее. Без вопросов. Без комментариев.

– Насколько мне известно, – бестрепетно выдержав его взгляд и не выказав никаких эмоций, произнёс Альберт, – цвета их сиятельства – белый, маренго и серебро?

– Точно.

– Всё будет исполнено, милорд. Не извольте беспокоиться.

– Скоро привезут вещи и подарки, которые я приобрёл в Европе, – оттаял Гарет, – разберёшь там... Я всё подписал. Для брата и его покоев там тоже кое-что есть.

– Всё будет исполнено, милорд. – Повторил Альберт. Обменялся почтительным кивком с вошедшим Тиберием, и бесшумно исчез.

Когда Тиберию Фон Агтсгаузену было десять лет, его приставили к шестилетнему принцу Элодисскому в качестве наперсника, няньки, телохранителя и товарища для игр. Теперь его высочеству было пятьдесят семь, а Тиберию – шестьдесят один, и они по-прежнему были неразлучны. Тиберий был для его высочества много больше, чем друг и даже чем родственник – родственники могут обидеть, могут предать, но вообразить, чтобы Тиберий причинил зло принцу, было не реально. Гарольд Хлоринг был для Тиберия всем: солнцем, водой и солью, он жил ради него. Гарет с детства привык относиться к Тиберию не как к слуге, а как... к дяде, к примеру. И только Тиберий мог сделать ему выговор.

– Доволен, Гарет Агловаль Хлоринг?! Доволен тем, что сделал с отцом?!

– Он в порядке?

– Нет! Не в порядке! Он пережил самый сильный приступ с тех пор, как с ним случился этот треклятый удар. Ему всё ещё плохо, а главное – он страдает! – Голос Тиберия задрожал, на глаза выступили искренние слёзы. – Ссора с тобой ударила его в самое сердце, в его бедное больное сердце!

– Не начинай, а? – Гарет чувствовал себя виноватым и потому злился. – Сам знаю...

– А знаешь – вдвойне виноват! Трудно было уступить?!

– И соврать? – Вспыхнул Гарет. Поднялся. Он был не высокого – огромного роста, около двух метров, и возвышался над любым своим собеседником, как молодой великан. – Я не

отступлюсь, понятно?! Я буду искать своего брата, потому, что я знаю: он жив. Он жив! Я вырос, я мужчина, чёрт побери, а не мальчик, которого вы могли взять за шкуру и выбросить с Острова куда подальше! Больше вы этого сделать со мной не сможете! Я вернулся не голым, я вернулся с золотом, и намерен потратить это золото на поиски, слышал?! – я ни геллера у вас не попрошу и не возьму! Я вернулся со своими людьми, которые прошли со мной всю Европу, а знаешь, что это значит?.. Что я ни в чём не завишу от вас, и вы ничего не сможете сделать теперь, ясно?! Ничего!!! – Глаза его пылали золотисто-красным огнём. – Вы похоронили его заживо, оплакиваете, как мертвеца – вместо того, чтобы искать! Смотри!!! – Он швырнул на стол пергаментный потрёпанный свиток, развернул его, и Тиберий увидел длинные столбцы цифр. Очень длинные. Перечёркнутые крест-накрест. – Я написал эти цифры, пока плыл в Данию по вашему приказу. Это десять лет, которые я прожил там!.. Я зачёркивал их, каждый день, после вечерней молитвы, и умолял брата дожидаться меня. У меня целая сумка писем, которые я ему писал! У меня целый сундук подарков, которые я дарил ему на день рождения! Я знаю, зачем вы послали меня в Европу, но ничего из этого не вышло. Я не завёл ни одного друга, боялся брата предать. План был неплохой, но он не удался.

– Гарет... – Тиберий смотрел на него с жалостью, которая ранила Гарета в самое сердце и вновь разозлила его. – Гарольд и ты – моя единственная семья. Он пытался женить меня, но я не захотел его оставить, побоялся, что семья помешает мне отдавать ему всего себя, так, как он этого заслуживает. Думаешь, я не любил твоего брата?.. – Голос его задрожал. – Я ведь его крёстный отец! Я качал его вот на этих руках, он писал мне на колени! Если бы был хоть один шанс, что он жив...

– А я?.. – Перебил его Гарет. – Мои слова – это не шанс?.. Мы с ним близнецы, понимаешь?! Я знаю, что он жив, я знаю, когда ему плохо, а когда хорошо, ты понимаешь?! Я знаю! Почему вы меня не слышите?! Почему вы меня ни во что не ставите?!

– Потому, что мы искали, Гарет! – Тиберий тоже встал, гордо вскинув красивую седую голову, и Гарет почувствовал, до чего он оскорблён подозрением, будто они не искали мальчика. – Мы десять лет искали, Гарет – десять лет!!! Мы дважды перерыли Редстоун, заглянув под каждый камень, мы просеяли каждую песчинку на Юге сквозь мелкое сито, обыскали каждую деревеньку, нашли каждый охотничий хутор! Но мы не успокоились на этом – за Красной Скалой следили день и ночь, следили и с помощью людей, и с помощью эльфийских следопытов! И мы не забывали и об остальном Острове, мы искали и там. Даже в Далвегане – особенно в Далвегане. Мальчика нет, его нет нигде! – Голос Тиберия задрожал. – Мы оплакали и Лару, и его. Не думай, что это было легко! Посмотри на своего отца, посмотри, что горе сделало с ним! У него нет сил жить, нет воли к жизни, его дни пусты. Всё, что у него осталось – это ты. Он страдает из-за тебя, глупец! Он боится, что твои поиски приведут к разочарованию, которое убьёт тебя!

Гарет вновь сел, снова обхватив голову руками.

– Я не могу иначе. – Произнёс тихо. – Я знаю, что брат тоже страдает, что он в опасности. У отца есть я, есть ты, Габи, тётя Алиса, золото, слуги... А у него нет никого, он совсем один. Мне очень страшно, Тиберий. С каждым днём надвигается что-то непоправимое, я чувствую, что времени всё меньше, я обязан торопиться.

– Непоправимое надвигается не на него, а на тебя, Гарет. – Вдохнул Тиберий. – И на всех нас. Я скрываю правду от Гарольда и жду тебя. Ты нужен нам, а не призраку своего брата, при всей нашей любви к нему и скорби о нём.

– Ну, говори. – Обречённо вдохнул Гарет, и Тиберий присел напротив. Марчелло вложил в протянутую не глядя руку Гарета бокал с вином, подал вино и Тиберию. И тот заговорил. Про отколовшийся юг, про заговор междуреченцев, про вольный Русский Север, про Далвеган, про полукровок, про Рим. Про эльфов.

– Гарольда по-прежнему любят, но никто уже не верит в него и не считает его важной фигурой. Лайнел Еннер, самый старый и преданный его друг, прислал письмо мне, а не ему. Пишет, чтобы мы были готовы к самому страшному; пишет, чтобы опасались наёмных убийц, и предлагает подарить междуреченцам автономию, положившись на него. Предупреждает, что эльфы готовятся к войне, а сошедшие с ума междуреченские фанатики, которых подкармливает и подзуживает Далвеганец, то и дело провоцируют их. Я думаю, к величайшему нашему сожалению, он прав: Междуречье нам не сохранить. Передав легитимную власть Лайнелу, мы сохраним в нём сильного союзника, и, возможно, предотвратим войну... Хотя на это надежды мало. Но хотя бы войны с эльфами избежать удастся.

– Что королева? – Устало спросил Гарет.

– Её величество нам не союзник. Она обвиняет нас в том, что сложилась такая опасная обстановка, и бросит нас псам, спасая корону, без всяких колебаний и всякой жалости. Настойчиво приглашает в Элиот Габриэлла.

– Габи теперь – разменная монета. – Криво усмехнулся Гарет. – Кто её получит, тот и в дамках.

– Герцог Далвеганский сватался к ней. Не скрывая угрозы. Нами уже многие пренебрегают, Гарет. Многие – в открытую. Если дойдёт до схватки, нам не собрать людей. Я предлагаю взять золото графа Валенского и нанять людей. Хотя бы для защиты Гранствилла.

– Я подумаю над этим, Тиберий. – Устало потёр руками лицо Гарет, тяжело вздохнул. – Понятно, что если дойдёт до такого, золото ему может просто не понадобиться. Ступай к его высочеству и скажи, что я безумно его люблю. И уезжаю именно потому, что не хочу спорить и ссориться. И ещё... Я начну поиски по время поездки. И если не нащупаю ничего – вообще ничего, – то обещаю отказаться от поисков раз и навсегда.

– Куда ты едешь?

– В Анвалон. Меня приглашает герцог Анвалонский. Помнишь, ты рассказывал мне притчу о двух мышках?.. Хочу попытаться сбить масло. А если не выйдет, хоть насрать перед смертью кому-то в сливки – тоже вариант.

– Мы жрать. – Сказал Гор. – Этим дай пить, только немного; длинной не давай, пусть созревает. – После этого шестеро парней ушли, и с девочками остался Доктор. Неведомо, почему, так как рабом Садов Мечты он не был, мог покидать их, когда хотел, имел собственные покои и немалую власть, Доктор здесь всегда ходил голым, с дубинкой, обшитой кожей, с кожаной же петлёй. После ухода парней девочки приготвили немного отдохнуть, но не тут то было. Он прошёлся вдоль них, разглядывая и то и дело тыча в кого-нибудь дубинкой, и командуя:

– Эй, жопобрюхие! – Невыносимо-противным голосом, который только усиливал тошноту, овладевшую Марией. – Помойте мясо! Ты, Паскуда, побои им смажь, а вы, писежопые, слушать меня! В ваших убогих головёнках должна отложиться одна простая мысль: вы никто. Вас нет! Вы не существуете. Звать вас, всех до единой, Чухи, ну, и как мне захочется вас обозвать: паскуды писежопые, тварины поганые, гнилушки позорные, и как ещё мне захочется, фантазия у меня богатая. Всё, что в вас есть ценного – это ваши жопы и пипки, а кое-кому нравятся ещё ваши сиськи, рты и языки; так как без ваших поганных душонок это быстро приходит в негодность, то вас держат живьём, но боже вас упаси что-то о себе возомнить! Вы хуже скота; скот не разговаривает, и вы не смейте. Пищать, стонать, орать – сколько угодно, нам это нравится, но за любой членораздельный звук вас будут бить, пока не обосрётесь, и это не метафора. Я бы вообще ваши поганые языки поотрезал, но кое-кто из наших гостей любит их использовать, а желание гостя – закон.

Каждое слово, произнесённое в их адрес, Мария ловила, затаив дыхание, и в груди её делалось горячо и тесно от возмущения и ненависти. Да как так можно?! Они не скот! Если,

как говорила Госпожа, всё это правильно и законно, то можно же им объяснить, рассказать, как правильно, что от них нужно, и если наказывать – они ведь привыкли к наказаниям! – то наказывать за дело, а не так, не так! И почему нельзя говорить, почему?! Она не смирится, не позволит поступать с нею так! И Марию трясло от волнения и готовности бороться, от нестерпимого ожидания неизбежности.

– Ну, что? – Наконец, после некоторой тишины, заполненной только сдавленными рыданиями и всхлипами, злорадно спросил Доктор. – Добро пожаловать в Сады Мечты? Паскуда, дай им воды, и клизму всем!

Наконец-то наступила тишина, если не считать горьких тихих рыданий Марты и всхлипываний остальных. Только теперь Мария поняла, что так напряжена, что у неё свело все мышцы. Кто-то из девочек вздохнул и зарыдал, остальные постанывали и тихо всхлипывали.

– Трисс! – Позвала Мария, – Трисс!

– Мария? – Слабо отозвалась Трисс.

– Мария, замолчи! – Шикнула на неё вторая после неё по старшинству, черноволосая зеленоглазая Саманта, или Сэм. – Ты слышала, что он говорил, говорить нельзя!

– Трисс, – не слушала её Мария, – ты меня отвязать сможешь?

– Дура, что ли? – Истерично всхлипнула Трисс. – Я тоже привязана... Мы все привязаны!

– Я бы помогла тебе, бедненькая, – у Марии слёзы хлынули из глаз. – Но я нечего не могу, я привязана! О, Трисс, бедная моя!

– Себя пожалей! – Прошипела Сэм. – Это всех нас ждёт!

– Но за что?!

– А я знаю?! – Истерично крикнула Трисс и разрыдалась, а Сэм вновь зашипела:

– Тише, тише, пожалуйста же! Вы слышали, что говорила Госпожа? – Дрожа, Сэм пыталась говорить уверенно и разумно. – Всё это законно и правильно... Мы должны отрабатывать своё содержание. Будем послушными, и нас не будут так бить... Главное, понять, что им нужно от нас, и что надо делать, чтобы они не злились, и всё исполнять правильно...

– Вам же сказали, что нужно! – Воскликнула Мария. – Наши жопы и прочее. Ты согласна быть этой... Чухой?!

– А у тебя есть выбор?! – Воскликнула Сэм. – Настоящего вреда нам никто причинять не собирается...

– А то, что вы все в крови – это не вред?! – Крикнула Мария.

– Тише! – Воскликнул кто-то. – Идут!!

В Приюте парни горячо обсуждали новеньких. Не смотря на откровенное презрение, как и все другие мужчины во все времена, они говорили о девочках и о сексе часто, да практически, всегда. А сегодня и вовсе не могли говорить ни о чём другом. Обсуждали их внешность, сходясь на том, что длинная, конечно, красотка, но старая и слишком высокая, только Гору и годится, а вот «губастая» – так они обозвали Трисс, – оказалась ничего такая, и жопа классная. Маленькая Клэр, тоненькая, с едва наметившейся грудью и узенькими бёдрами, понравилась одному Эроту, который любил именно таких, и над ним подшучивали, кто безобидно, а кто и почти оскорбительно, как Локи, к примеру. Эрот был очень красивым – мог поспорить в красоте с Гором, да и гостям Садов Мечты нравился куда больше, потому, что был гибким, стройным, необычным, немного женственным, ярким таким: синие глаза, светлые, почти белые, без желтизны, волосы, тёмные брови и такие же, и очень длинные, ресницы, – и довольно-таки странным мальчиком. Он единственный не скрывал, что жалеет Чух, и никогда их не бил, и ему единственному же это почему-то сходило с рук. Никто в Приюте не знал, кто такие Фанна, полукровкой которых был Эрот, но почему-то считали, что эта кровь даёт ему какие-то права, опять-таки, неопределённые какие-то, но даёт. Что бы ни случилось, кто-нибудь говорил: «Ну, он же Фанна!» – и готово дело. Один Локи, завистливый, амбициозный,

скандальный, постоянно качал права, обвиняя Гору в предвзятости, но Гор такие разговоры обычно обрывал одним рыком, а если не помогало – и тумаком.

Да Эрот и сам мог постоять за себя. Не смотря на нежную экзотичную красоту, он был довольно высоким, совсем не много уступая в росте Гору, и неожиданно быстрым и сильным, на равных соперничая с Аресом. Просто насилия как такового, ни в сексе, ни в драке, он не любил и до последнего старался этого избегать, от чего казался слабым и уступчивым. Гор эту его особенность понимал и даже ценил, остальные пребывали во власти приятной иллюзии. Спокойно обедая, Эрот все подначки насчёт его любви «ко всякой дохлятине» встречал усмешкой и ленивым: «Да, мне нравится, и чё?».

– Да вы сами себе что выбрали? – Усмехнулся Гор. – Страшила косожопую. У неё щас глаза потухнут, волосы паклями повиснут, синяки под глаза вылезут, и будет такое у»»ще, что вы сами и взвоете. Лучше бы чёрную, – так они обозвали черноволосую Сэм, – выбрали, раз длинная вам не по нраву.

– Не взвоем. – Упрямо возразил Локи. – И потом, ты же сам нам разрешил выбрать! Ты постоянно в Девичнике, когда хочешь, а нам что, забавляться с тем, что тебе нравится?!

– Рот закрой. – Привычно рыкнул Гор. Локи насупился.

– Я Хозяину все расскажу. – буркнул он. – Все про то, как ты одних облизываешь, одних гнобишь.

Гор посмотрел на него спокойно, но в тёмных глазах зажглась опасная красная искра:

– Фантазируешь? Мечтаешь меня сдать и на место моё сесть? Не бывать тебе на нём, и не мечтай. Даже если ты и меня, и Ареса, и Эрота сдашь и подвинешь, тебе вожаком не бывать.

– Это почему это?! – Запальчиво спросил Локи, покраснев, как все рыжие, до корней волос.

– Значит, всё-таки мечтаешь? – Лениво спросил Гор. – Это потому, что прежде я тебя придушу, как последнюю Чуху, и даже не вспотею.

– Или я. – Пригрозил Арес. – Мы здесь крыс не потерпим.

– Кто крыса, я?! – Вскинулся Локи, и Гор отвесил ему оплеуху, не слишком сильную, но ощутимую, от которой Локи поперхнулся и выронил кусок пирога. Красный и злой, но уже не смея огрызаться, он полез под стол, чтобы достать пирог, и продолжил есть молча, про себя бесясь и придумывая, как бы он отомстил Гору, если б мог.

Домашний Приют был самым большим и, пожалуй, самым красивым помещением на этом этаже Садов Мечты. Всего в башне было три этажа, на верхнем располагались покои Хозяина, Голубой Зал, где развлекалось только Братство Красной Скалы, Красный Зал, где устраивались игры, бои и оргии для всех – ибо со временем «гостей» у Хозяина становилось все больше, он заманивал дворян Пустошей и Далвегана сначала обещанием необычных удовольствий, потом – повязывая общим грехом, который осуждался и карался и обществом, и церковью, – особенно церковью, – наиболее жестоко и бескомпромиссно. Александра Барр под видом гадалки и знахарки проникала в замок и семью, вынюхивала, остороженько обрабатывала, сводила с Драйвером, который умел необыкновенно красиво говорить и убеждать кого и в чем хотел. В результате их действий почти все Южные Пустоши теперь, от Найнпорта и Лосинога Угла до Ашфилда и Сандвикена, были практически полностью во власти Драйвера. Дворяне, даже графы Кемский, Сандвикенский и другие, были у барона Драйвера на крючке и не смели противиться ничему, что исходило от Хозяина Южных Пустошей. Развлечения в Садах Мечты стоили баснословно дорого. Такие денежные единицы, как серебряные талеры или, не дай Бог, медные геллеры и пенсы, здесь не котиrowались и даже не упоминались; цены начинались от пяти золотых дукатов за самых замученных девочек. Именно поэтому Драйвер, считавшийся теперь одним из самых богатых людей Острова, совершенно не заботился о том, как живут его подданные – деньги текли к нему рекой из другого источника.

Дороже всего стоило посещение Галереи Сладкого Насилия, опоясывающей всю башню этажом ниже. Там развлекались те, кто, как сам Хозяин, любили не столько секс, сколько убийство, и убивали не сразу, а после долгих и жестоких издевательств. Эти гости считались в местной извращенной иерархии элитой Садов Мечты, носили черные с золотом маски и платили за свои удовольствия неслыханные суммы. Именно поэтому в Садах Мечты и содержались в качестве рабов именно эльфийские полукровки и кватронцы – они дольше всех выдерживали все издевательства и оправлялись от самых жестоких побоев и увечий – чтобы подвергаться им снова и снова.

И, наконец, еще ниже этажом содержались собственно рабы. В Конюшне, самом большом и грязном помещении, содержались мальчишки. Не смотря на то, что они были дороже, и требовались чаще, содержали их как попало, в длинном узком помещении, где вместо постелей были охапки соломы, а бассейна не было вовсе. Им не давали никакой одежды, и прежде, до того, как вожак Приюта стал Гор, никому не было никакого дела, что здесь творится. А творилось черте-что. Старшие и сильные мальчишки и юноши образовали свою клику, и измывались над младшими, отнимая у них еду, избивая, насилуя и унижая тем ожесточеннее, чем больше унижали их самих. Младшие мальчишки умирали очень часто, мало, кто из них доживал до того, чтобы присоединиться к «сильным». Гор навел здесь определенный порядок, сам распределял еду, скрупулезно расследовал возникновение каждого синяка, каждого перелома, каждой царапины, и если это было не законное следствие забав гостей, а самоуправство старожил Конюшни, расправлялся с виновниками по-своему – и его боялись страшно. Так же он заставлял поддерживать здесь чистоту – Гор сам был чистюлей и не выносил ни грязи, ни неаккуратности, – и из Конюшни постепенно ушла вонь, за которую это место и получило свое название. Гор настоял на том, чтобы мальчишек небольшими партиями водили каждый день мыться в маленький бассейн, где нынче мылись подружки Марии, и на том, чтобы солому для подстилок тоже меняли каждый день, а так же дали мальчишкам доски для нардов, любимой игры обитателей Садов, и мячи. Результатом стало то, что мальчишки стали здоровее, спокойнее, и умирали крайне редко. На этом же этаже находился Девичник, покои Доктора и его лаборатория, помещения для «особого мяса», обычно, девственниц, которых сразу запирали отдельно для гостей, предпочитающих именно нетронутых девочек, простых деревенских и городских детей, купленных или похищенных у родителей подручными барона, которых называли «мясо на раз», – они шли напрямик в Галерею, – и Домашний Приют, место для избранных, которых Хозяин называл своими детьми и которые занимались собственно ломкой и обучением новеньких девочек – новенькими мальчиками занимались в Синем Зале собственноручно Хозяин и Братство. Девичник был красивым, так как сюда, чтобы выбрать «мясо», приходили гости, и очень чистым, ибо Доктор, маньяк чистоты и опрятности, следил за этим истово. Так же чистоты и тепла требовали особенности женского тела: от холода и грязи появлялись заболевания половых органов, которые делали девочек неприятными для гостей. А главное – сюда обычно приходили за своим «мясом» те гости, кто только-только попался в сети Барр и Драйвера, и кто еще не избавился от традиционных пристрастий; поэтому такому гостю демонстрировали эти красоту и чистоту, и послушных, покорных девочек, которые «сами не против того, что вы делаете, им это нравится – смотрите, разве они плачут, разве они связаны, прикованы? Они чистенькие, ухоженные, красивые, живут в роскошном помещении!». Обычно такой гость приходил с приятелем, который был уже завсегдатаем Садов – делалось это для того, чтобы старожил при помощи алкоголя и подначек провоцировал новичка к все более изощренным забавам, к все более жестокому насилию. «Она же не сопротивляется! Ей это нравится, давай, сделай ей приятно! Это же полукровка, ублюдочная чельфячка, ей твои побои – как тебе жопу почесать! Ей даже не больно! Давай, чельфячка, кивни, если тебе нравится!». И она кивала – даже по несколько раз, ибо знала, что будет, если она не кивнет. И гость, сначала пугаясь и сдерживаясь, пробовал запретный плод – и, как правило, входил во вкус, подогретый вином, в

которое Доктор подмешивал нужные пряности и порошочки, а потом уже не мог без этого. И шел в Сады Мечты снова и снова, наскребая нужную сумму, от пяти до ста золотых дукатов – суммы, гигантские для Нордланда, – и в конце концов, так или иначе, но заканчивал убийством или изувечивал купленное «мясо» так, что становился либо завсегдатаем Галереи, либо должником Хозяина. И чтобы отработать этот долг, сам уже вел туда друзей и приятелей, соблазняя запретными «невиданными» удовольствиями. Именно для этого ломали и учили девочек Гор и его парни. И именно для этого они пользовались кое-какими привилегиями, и жили в сто раз лучше, чем мальчишки в Конюшне.

Домашний Приют был больше и просторнее Девичника, с очень большим бассейном, который предназначался не только для мытья, но и для плавания. Физическая красота обитателей Приюта стоила дорого, поэтому Хозяин позаботился, оборудовав здесь зону для занятий спортом – всё, что было известно и доступно на данный момент для поддержания хорошей физической формы, здесь имелось. Обитатели Приюта качали пресс, занимались с гантелями, подтягивались, поднимали тяжести, плавали, и делали всё это охотно и с удовольствием, так как всё равно, больше заниматься здесь было нечем. Разве что играть в нарды и в мяч, и развлекаться со своей собственной Чухой – для этого на другой стороне бассейна тоже было оборудовано местечко со столом, станком, перекладной, чтобы подвешивать, и целым инвентарём плетей, хлыстов, ремней и кожаных пут. Приют был обустроен, как и другие помещения Садов, в псевдо-античном стиле, с колоннами, ступенями, с теми же барельефами на стенах светлого мрамора и песчаника, и ступенями и колоннами поделён на зоны вокруг бассейна. Одна зона была отведена под занятия спортом, другая – под развлечения, третья – под жилой сектор, где вдоль стены шли шесть лежанок в два яруса, на которых когда-то лежали засаленные и грязные тюфяки. Гор, любивший чистоту ничуть не меньше Доктора, давно выкинул их и вместо этого велел класть свежую солому, которая и пахла вкусно, и легко менялась. Так же здесь были пара лавок и два стола: большой, за которым ели, и маленький, за которым играли в нарды. Окон тоже было шесть, но располагались они так высоко наверху, что высоченный Гор даже в прыжке не мог достать рукой до подоконника, и забраны в частые решётки. У входа было стойло Чухи – настоящее стойло, как у животного, – а в дальнем углу сортир, на диво чистый и не вонючий. Как поддерживать его в таком состоянии, тоже придумал Гор: на дыру в каменном полу он клал две доски, которые, как только появлялся запах, скидывал вниз и клал новые. Порядок он наводил здесь сам, отправляя своих парней в Девичник на полдня, и выглядел Домашний Приют благодаря его стараниям весьма опрятно.

Кормили их немного получше, чем девочек и Конюшню, им даже доставалось мясо – чаще всего курятина, но порой перепадали и пироги с мясной начинкой, и даже сыр, а яйца, молоко и творог давали через день. Овощи они получали варёными и крупно нарезанными, а по большим праздникам им доставалось печенье или сладкие пироги. Гор, да и остальные парни, ещё помнившие Конюшню, искренне считали, что живут роскошно.

– Пошли! – Проглатывая последний кусок и запивая его молоком, скомандовал Гор, вставая. – Чухи там заждались нас! – И изобразил бёдрами недвусмысленное движение, вызвав громкий смех у своих парней. Оживлённо переговариваясь, они отправились к Доске.

Когда они вновь вошли к девочкам, не успевшим как следует отдохнуть и прийти в себя, Мария поняла, что скоро придет ее очередь, и внутренне вся подобралась и приготовилась сопротивляться изо всех сил, и ни за что не сдаваться, не выполнять их команды. Будет больно, пусть – она стерпит! Лучше боль физическая, чем боль от унижения. Наблюдая за Гором, который приковывал к себе все ее внимание, Мария окончательно прониклась убеждением, что все здесь делается с его подачи. Что именно он – их главный враг и мучитель, владелец этого страшного места. И ненависть ее росла и грызла ее изнутри: как она хотела его убить! Увидев его впервые, Мария поразила его красоте, которая проникла в её сердце так глубоко, что

теперь только усугубляла её ненависть. Среди красивых парней он выделялся не только ростом. Всё, что он делал: двигался, смотрел, говорил, – было красиво; в его движениях были ленца и грация большого, красивого, здорового зверя, и что-то ещё, такое... Мария никогда не видела никаких других людей, кроме тех, что жили с ними на ферме, да вот теперь Доктора, и не знала ещё, что люди тоже разные, делятся на сословия и ранги, но в Горе чувствовалось что-то благородное, какой-то врождённый аристократизм. И Мария, хоть и не могла бы это назвать или определить, это ощущала, выделяя Гору из всех. И другие парни, даже бунтарь Локи, это чувствовали. Гор был главным среди них. Они смотрели на него, подражали ему, слушали его. Если кто-то сказал что-то смешное, или произошло что-то смешное – с их точки зрения, – они смотрели на Гору, ждали его реакции и копировали её. Он был светилом этой маленькой системы, и остальные вращались вокруг него, нравилось это им, или нет. Его недовольства они боялись, даже Арес, тоже сильный и самостоятельный парень. Он был почти светилом – почти. Но Гор затмевал его во всём. Даже Доктор, мерзкий, страшный, почти лебезил перед ним! Как Марии было не увериться в том, что именно Гор – её главный враг?!

Все было, как и до обеда, ничего не изменилось, и никаких поблажек не делалось даже тем, кто, как Сэм, старался угодить и был послушен изо всех сил. Над ними напротив, издевались даже поганее, откровенно презирая и награждая позорными кличками. Клэр осмотрел Доктор и позволил её «учить, осторожно только!» – и девочка досталась Эроту, который как раз таких и любил, вызывая этим насмешки остальных.

До Марии очередь так и не дошла. Её оставили привязанной к стене. Хоть пить дали; немного, так, что Мария проглотила эту жалкую порцию тепловатой воды, даже не ощутив её. У неё болели руки и ноги, она устала, ей было дурно. Она не могла ни присесть, ни как-то облегчить своё положение, и постепенно всё её тело наполнялось усталостью и болью... Но она не сдавалась. Гор, перед уходом взглянув на неё, встретил всё тот же, горящий ненавистью и упрямством, взгляд, и это его взбесило окончательно.

– Длинную, – приказал он Доктору, и красный огонь в его зрачках выдавал его возбуждение, – больше не поить. Будет орать, дёргаться, палкой её отхерачь, разрешаю.

– С радостью. У меня к ней свой счёт! – Доктор противно облизнулся. – Это ж я её нашёл. Её, и всю её поганую семейку.

– В смысле? – Настороженно взглянул на Доктора Гор. И тут Доктор совершил одну из самых больших ошибок в своей жизни, о чём и тогда не подозревал, и после так и не узнал. Он рассказал Гору то, чего тот ни в каком случае услышать был не должен.

– Они в лесу жили, мамаша их паскудная со своим хахалем-эльфом, ну, а я на них наткнулся случайно. Смотрю, и сама их мамаша красотка – вылитая вот эта, – и пацанчик у них маленький, лет восемь, а ничего такой, с мордашкой симпатичной, со сладенькой попкой... Ну, и эта лежит, дристуны, в колыбельке, попискивает. Ну, я и вернулся с нашими, с Гестеном и парнями... Напали на них врасплох, эльфа сразу же скрутили, по башке и на кол... Пусть повисит! А мамаша её, тварь паскудная, за меч схватилась, и так, тварь, дралась – не всякий мужик сможет! И пацанчик туда же, белый весь от злости, а кидается на нас с кинжалом! Парни сначала не хотели эту тварь убивать, красивая больно, хотели попользоваться. Но когда она троих уложила, пришлось её пикой проткнуть. Нашим-то это без разницы... Пока не сдохла, успели попользоваться, и ещё как! А я хотел посмотреть, может, можно её того, спасти, красотка-то была та ещё, так она, мразь, представь, укусила меня! – Он продемонстрировал Гору шрам в виде полумесяца, который тот не увидел – от услышанного у него всё помутилось перед глазами. Он стоял, как оглушённый, не слыша, как Доктор рассказывает, как самолично прикончил мать Марии, выдавив ей глаза, как оглушили и связали мальчишку... Значит, вот так это происходит?.. Их мамы не продают их без всякой жалости, а их убивают, забирая их детей, а самих... Гор с огромным трудом взял себя в руки, но когда он справился с собой и посмотрел на Доктора, это смотрел уже совершенно другой Гор.

– Я ей припомню, – жадно облизнулся Доктор на Марию, которая с ужасом смотрела на него, вся белая, как сметана, зрачки расширились и горели красным огнём, грудь вздымалась. Гор взглянул на неё, но теперь уже совсем иначе. Если бы Доктор рассказывал о ЕГО семье, как бы смотрел на него он?..

И словно в ответ на его мысль, в глазах Марии полыхнула такая дикая ненависть, что Гор даже вздрогнул. Руки её, связанные и бледные, сжались и напряглись, по скулам забегали желваки. Гор физически ощутил, до чего той хочется убить Доктора, но уже не мог её за это ненавидеть.

– Я ей припомню мамашу её паскудную, – продолжал Доктор, с угрозой рассматривая Марию, – она у меня ссаться от боли будет, тварь...

– Она эльдар. – Сказал Гор хрипло. – За неё будут не меньше пятидесяти давать. Поэтому не смей её калечить. Ты меня понял?

– Но Гор... – Слегка удивился Доктор, но Гор перебил его, рывкнув:

– Всё! Парни, кончай развлекаться. Наша, – он глянул на Доктора, – пусть пока тоже здесь посидит, ей дай пить и корку какую-нибудь.

Стало тихо... Сгущались сумерки. В тишине девочки тихо плакали и утешали друг друга. Мария всем сердцем рвалась к Трисс; они с Трисс искренне любили друг друга, как сёстры, делились абсолютно всем, заступались друг за друга, покрывали друг друга, помогали и заботились... Марии было бы гораздо легче, если бы они сейчас были вместе, или, хотя бы, если бы ей можно было утешить Трисс и позаботиться о ней. Дать ей воды, просто обнять её... Но та была так измучена, что отвечала коротко и очень тихо, чаще стонала. И всё-таки ухитрилась рассказать кое-какие подробности, от которых у Марии кровь стыла в жилах.

– Зачем?! – Вырвалось у нее.

– Не знаю! – Простонала Трисс. – Им это нравится, а на нас им плевать... От того, что мы кричим и сопротивляемся, им только веселее, они сами говорили, что те, кто сильнее сопротивляются, им больше нравятся...

– Я слышала. – Ответила Мария, – Беденькая моя, как я хочу тебе помочь! Хуже всего, что мы с тобой сейчас даже утешить друг друга не можем!

– А я за тебя боюсь. – Призналась Трисс. – Я-то уже всё вытерпела, а тебе это только предстоит... А ты такая гордая! Матушка тебя всегда ругала и била... Прошу тебя, Мария, терпи завтра, не сопротивляйся! Пожалуйста! Не сопротивляешься, они тогда почти не бьют...

– Миленькая, я сама знаю, что делать. – Всхлипнула Мария. – Я уже всё решила.

– Не надо, пожалуйста, – заплакала Трисс, – не надо! Я тебя знаю, ты же дурная и отчаянная, а что будет со мной?! Как я буду здесь без тебя?!

– Всё будет хорошо, вот увидишь. Всё будет хорошо. Я их заставлю... заставлю отнестись к нам иначе. Им придётся, слышишь, придётся с нами считаться!

– Перестань! – Заплакала Трисс, и вдруг испуганно шикнула:

– Мария! Слышишь?! Слышишь, как Марта стонет?! Мамочка! Мне страшно!

Мария прислушалась. Кудрявая Марта и вправду, как-то странно хрипела, словно захлебывалась.

– Помогите!!! – Закричала Мария, заколотив по стене ногами. – Помогите, кто-нибудь, Марте плохо!!! Помогите!!!

Она стучала, кричала и умоляла долго, пока не охрипла и ноги не заболели. Но никто не пришёл. Марта скоро затихла, и Трисс, которую привязали неподалёку от неё, на охапке соломы, плакала и твердила, что ей очень страшно. Все девочки, включая Марию, уверены были, что не уснут ни за что, но сон всё-таки сморил их, измученных и страдающих от голода, страха и неизвестности. Проснулась Мария опять первой, от громкого глумливого голоса Доктора:

– Подъём, писежопые, подъём! Эй... Проклятье! – Доктор заматерился на завизжавшую Трисс:

– Заткнись, паскуда! Сдохла и сдохла, вы все скоро сдохнете! Вот тварь, не иначе, нарочно! Эй! Брюхатые! Уберите падаль! Ты, иди мойся! И не пялся, – он принялся безжалостно колотить Трисс по рёбрам и заду, – привыкай, корова! Заткнись, заткнись, заткнись!!! – Каждый крик сопровождался ударом и жалобными криками Трисс. Мария в отчаянии завопила:

– Перестаньте, слышите?! Перестаньте её бить!!! Она и так измучена, хватит!!!

Повисла недолгая тишина. Доктор повернулся к ней, и девочки съёжились, уверенные, что теперь-то Марии конец.

– Это что это за бешеная чушка? – Глумливо спросил Доктор, медленно приближаясь к Марии и поигрывая палкой. – Это что ещё за говорящая скотина?..

– Я не скотина! – Хрипло крикнула Мария, рванув руки тщетно. – Это ты... ты скотина и тварь!!! Ненавижу тебя... ненавижу!!!

– Ах ты... – Задохнулся Доктор и ринулся к Марии, но от двери его настиг голос Гора:

– Стоять!!! – И Доктор замер с перекошенным от бешенства лицом, с выпученными глазами и ощеренным ртом.

– Ты слышал, что эта Чуха здесь орала?! – Голос Доктора от ярости дал петуха. – Ты понял, что она творит?!

– Слышал и понял. – Холодно сказал Гор и, заметив, что Брюхатая и Пузатая с натугой волокут к колодцу тело кудрявой Марты, на что с ужасом смотрят Трисс и рыжая Марта, повысил голос:

– Я же говорил тебе! – Это прозвучало так угрожающе, что Доктор залебезил:

– Бывает та-такое, неизвестно, по-почему. С ней всё в порядке было!

– С ней всё не в порядке было! – Рывкнул Гор. – Она громче всех орала, и крови было до фига, и я говорил тебе это! Ты допрыгаешься, ты меня слышал?!

– А ты-ты не много взял на себя?! – По голосу Доктора Мария поняла, что тот отчаянно трусит. – Ты не забыл, кто-то ты, и кто я?

– И кто ты? – С нескрываемым презрением спросил Гор. – Валяй, напomini мне!

– Да ла-ладно, Гор, – заюлил Доктор, – перестань. Ты-ты же меня знаешь, я не ри-рискнул бы, ежели б...

– Заткнись, клизма волосатая, – с презрением сказал Гор. – С Хозяином поговоришь.

– Да и поговорю. – Хозяина Доктор боялся не так, как немилости Гора. – Приедет, и поговорю...

– А длинную не тронь! – Сверкнул глазами Гор. – Мало тебе, что одна сдохла а другая чокнулась?!

– Такие, как эта тварь, с жёлтыми лентами идти должны. – С ненавистью глянув на Марию, сказал Доктор. – Их Мамаша, паскуда, совсем ничего уже не понимает, или пожадничала!

У Марии лента была, просто она потеряла её в пути. Но она никогда, и ни за что, не сказала бы об этом ни Доктору, ни Гору!

Последний приказал девочкам помыться и отдал их своим парням, а сам подошёл к Марии и развязал её.

– Иди, мочись, и мойся. – Приказал отрывисто. – Быстро!

Мария потёрла запястья, низко нагнув голову. Дверь, через которую пришли Гор и его парни, осталась открытой, между Марией и дверью в этот момент была только Доска. Согнувшись, Мария стремительно рванулась к двери, проскользнула под Доской, и, провожаемая криками и свистом, выскочила за дверь. За дверью был тёмный каменный коридор; Мария надеялась на своё эльфийское чутьё, подсказавшее бы ей безопасный путь к свободе, но чутьё

молчало, и Мария растерялась. Здесь не было безопасных мест, не было возможности бежать... Но за нею слышались маты, проклятья и звуки погони, и Мария опрометью бросилась, куда глаза глядели. В коридорах было так темно, и они были такими запутанными, что Мария сразу же потерялась и притаилась в каком-то тупике, с каким-то колодцем, закрытом деревянной крышкой. Её вновь трясло, ещё сильнее, и она надеялась, что волнение и усталость виной тому, что она не может сориентироваться. Нужно было переждать, успокоиться, обязательно успокоиться, и Мария пыталась унять бешеное сердцебиение и срывающееся дыхание. Рядом её искали, матерясь и обещая ей такое, что страшно было даже просто слышать, не то, что представлять.

– Валите обратно! – Раздался совсем близко ненавистный низкий голос. – Я сам её найду. Вы мне только мешаете.

– Но Гор...

– Я что сказал!

Вскоре стало тихо-тихо. Мария не дышала, чтобы дыханием не выдать себя – Гор был совсем близко. И вдруг он тихо засмеялся и сказал:

– А из пипки-то пахнет! Сама подойдешь, или ловить?

Мария, естественно, не издала ни звука, и вдруг увидела в темноте мерцание золотисто-красных зрачков. Рванулась, но Гор уже схватил её, и её ужаснула его сила.

И всё же она не сдавалась. Она боролась отчаянно и так истово, что Гор – даже Гор! – не мог справиться с нею. Она кусалась, царапалась, уворачивалась, извиваясь, не давая ему подмять её под себя, рыча от бешенства, и от отчаянного бессилия причинить ему голыми руками серьёзный вред. Если бы у неё было хоть какое-то оружие в руках, она убила бы его не колеблясь, и не испытывая никаких сожалений! Ногти её рвали его кожу до крови и даже попытались вцепиться в глаза, но Гор, схватив её за волосы, приложил её головой о камень, раз, и другой. И когда Мария обмякла на несколько секунд, Гор изнасиловал её, возбуждённый так, что сам рычал и сжимал её изо всех сил. Он словно обезумел, набросившись на неё, и кончил так, как давно уже не кончал, привыкнув и к насилию, и к красивым телам.

– ненавижу... – Рыдала Мария. – Ненавижу... Ты подонок... Ненавижу!!!

– Заткнись, Чуха. – Хрипло сказал Гор. – Заткнись!

– Я не Чуха! – Рванулась она. – Я Мария! И ты меня не заставишь...

Он наотмашь ударил её по губам, потом опять, так, что она упала на колени, зажав разбитые нос и губы. По пальцам хлынула кровь.

– Лучше молчи. – Прошипел Гор, схватил её за волосы и поволок, легко, словно тряпичную куклу. Он так ее в этот момент ненавидел! Но еще больше ненавидел, не понимал и боялся себя самого.

Их возвращение встретили улюлюканьем и свистом, струйки крови на бёдрах Марии – разочарованными возгласами.

– Эй, так не честно! – Воскликнул Локи. – Мы все хотели посмотреть!

– А кто это тебя так ободрал?! – Удивился Арес.

– Она. – Коротко сказал Гор, подтаскивая Марию к бассейну и с размаху окуная её в воду, не выпуская волос. – Ты! – Приказал Паскуде. – Мой её! – И Паскуда торопливо и тщательно подмыла и помыла Марию, которая стиснула зубы, чтобы не стонать от боли: Гор держал её нарочито грубо. Мокрую, рванул на себя, подтащил к станку, и начал привязывать, действуя так же намеренно грубо и нарочно причиняя боль. Такое было с ним впервые, и Гор в эти мгновения ненавидел Марию за это так, как никогда еще не ненавидел ни одну живую душу женского пола. Мария терпела изо всех сил, не плача, не скуля и не торопясь сдаваться и унижаться, и это взбесило Гора еще больше.

– Мы имели право посмотреть! – Осуждающе заметил и Арес. – Мы со вчерашнего дня терпели, не трогали ее!

– Ну, и что?! Подумаешь, вы»» ал!.. Она от этого не сдохла и не испортилась!!! – Выкрикнул Гор, вновь поражаясь себе самому: он никогда так себя не вел! Какого чёрта?! Да, Мария была необыкновенно красивой: высокой, ладной, золотистой, словно отлитой из какого-то вещества, которое хотелось трогать, гладить и мять, всё сильнее и сильнее, всё требовательнее и... Гор тряхнул головой: возбуждение вновь накатило с прежней силой. Мария была не просто красивой: от неё волшебным пахло, она вся была – жизнь, сила, страсть. Жизнь и страсть пульсировали в ней, она вся сияла и манила, соблазняла, сводила с ума. Упругая грудь, крутые бёдра, длиннющие стройные ноги великолепных очертаний, волнующий изгиб спины, тонкая гибкая талия, золотые кудрявые волосы, глаза цвета лесного ореха, с золотыми искрами... Гор изо всех сил давил в себе восхищение и жалость. Эльфийский инстинкт кричал в нём: не бить и ломать её надо, ею нужно восхищаться, её следует ласкать и любить!.. Её прекрасную кожу хотелось трогать руками и даже губами, прижиматься лицом к её груди и животу, дышать ею, наслаждаться ею... Когда-то он уже испытал нечто подобное, и теперь яростно боролся и с собой, и со своими нелепыми чувствами и желаниями, и с этими воспоминаниями. Тем более, что Мария уж точно не захочет, чтобы он ласкал её. И от этой мысли было как-то... досадно.

Девушка была так подавлена, что не замечала ничего вокруг. Ей было очень страшно. Что же это за место, в котором даже её эльфийский инстинкт был бессилён?.. Насилие не стало для неё потрясением: Мария насмотрелась на это за два дня и ждала этого; боли почти не было, крови тоже было немного – она была сильной и здоровой девушкой, довольно взрослой и крепкой. Лишение девственности отошло для неё на задний план, главным потрясением и главным ужасом было всё остальное. Не сдаться, ни в коем случае не сдаться – вот было главное её стремление сейчас, то, что поддерживало в ней дух и волю. Из разговоров других парней, а особенно – из поведения Гора, Мария поняла, что сопротивление и крики их только сильнее возбуждают и доставляют особое удовольствие, а значит – сопротивляться и кричать, даже стонать, она больше не будет. Насилия ей не избежать, но всё, что может, чтобы испортить им удовольствие, она сделает! Она докажет им, что никакая она не Чуха, и другие девочки – тоже! Мария заставит их считаться с собой, заставит заметить себя и если не отнестись по-хорошему, то хотя бы возненавидеть себя она их вынудит!

Гор злился, и чем дальше, тем сильнее. Его бесило всё, и все получали от него и резкие окрики, и даже оплеухи. Все справедливо решили, что это из-за того, что какая-то Чуха посмела ободраить его, и Доктор озвучил общую мысль:

– Да давай, её от»»здем, да и всё, а от Хэ я тебя отмажу!

– Как? – Зыркнул на него Гор.

– Скажу, что это я её, потому, что мясу дурной пример подавала, следовало срочно что-то делать. А ты валяй, – он мерзко облизнул зубы, пуча от возбуждения и предвкушения глаза, – накажи её!

Гор взглянул на длинную Марию – он теперь знал это имя и мысленно называл её так, всё время одёргивая себя при этом и бесясь ещё больше. Вот ведь тварь!

– Валяйте. – Сказал он своим парням. – Жарьте её все по очереди, пока не заскулит и не прогнётся. По башке, по роже и животу не бить! Всё остальное – пожалуйста.

Сам он пока что к Марии прикоснуться боялся. Не хотел терять контроль над собой.

А Мария и тут ухитрилась взбесить его. Что бы с нею не делали, она не сопротивлялась и не издавала ни звука, от чего парни начали злиться и даже Арес, обычно спокойный, и, как и Гор, не бывший зря, принялся награждать её чувствительными ударами. Отвязав, они за волосы притащили её к Доске и, награждая болезненными шлепками по грудям и промежности, оплеухами и тычками, пытались заставить её кричать. Мария стиснула зубы и, жмурясь порой от нестерпимой боли, молчала. Заметив, что парни начинают выходить из себя, Гор прикрикнул на них:

– Не калечить! – Хотя сам едва сдерживался, чтобы не наброситься на нее и не выбить из нее стоны и просьбы о пощаде.

– Да её убить мало! – Рывкнул Арес. – Вот ведь тварь, а?! Настырная, наглая, упёртая... тварь!!!

– Плетей. – Сказал Гор, сам вне себя от бешенства. – С насадками, как надо. И солью посыпать! И на ночь на горох!

– Может, мне её отдашь, а? – Шепнул Гору Доктор. – Я, в память о её мамаше, малость с нею позабавлюсь... Больно уж мне та тварь в душу запала, я ведь чуть руку из-за неё не потерял!

– Нет. – Сказал Гор. – И так, одна сдохла, по твоей вине, кстати, вторая чокнулась... А эта – эльдар, она долго протянет, и красивая, за неё можно будет не меньше полтинника брать за раз!

– Жаль... – Доктор вновь облизнул свои огромные зубы, и Гор неожиданно схватил его за шиворот:

– Только попробуй, клизма чёртова, сказать, что она сама сдохла! – Он понизил голос, почти шипел, и глаза его горели красным огнём. – Только попробуй! Понял?..

– Это же просто Чуха, Гор!

– Это не просто Чуха! Это дорогая и красивая Чуха, с большим сроком годности! Понял?! Смотри, если с ней что-то случится раньше времени, ты ко мне не прикоснёшься больше никогда, я не шучу!

– Гор! – Испугался Доктор, чуть ли не пресмыкаясь перед ним. – Да что ты, в самом деле! Я же ничего такого... Ничего! Ты же знаешь, я для тебя всё... Ты для меня... Я же даже Хозяину...

– Заткнись! – Шикнул Гор. – Ты меня слышал и понял, да?

– Конечно! – Закивал Доктор, протягивая к Гору дрожащую руку, но не смея коснуться его. – Как ты скажешь, как скажешь, я для тебя на всё готов, жестокий!

После ухода Приюта в этот раз девочек, всех, кроме Марии, помыли, и Доктор каждой из них поставил на ягодицы клеймо Садов Мечты, в виде виньетки СМ. Такая виньетка была у всех гостей и рабов Садов Мечты, но у гостей это была татуировка в паху, над девочками же Доктор покуражился и здесь, задерживая раскалённую виньетку немного дольше, чем нужно, прижимая немного сильнее и наслаждаясь их визгом и судорогами. И, естественно, ни обезбаливать, ни обрабатывать ожоги он и не собирался. После этой процедуры девочек причесали Брюхатая и Пузатая, красиво уложили им волосы, на них надели ошейники с хитрым замком, который практически невозможно было снять, не зная его секрета, и Доктор велел им идти за Паскудой, сам ступая сзади, разглядывая их ягодицы со свежими клеймами и получая от этого своё, неведомое нормальным людям, удовольствие, да время от времени охаживая их напряжённые спины палкой, подгоняя – а когда они ускоряли шаг, охаживая снова, чтобы не бежали. По тёмным и намеренно запутанным и неудобным коридорам их привели в Девичник, и каждую, кроме Марии, заперли в клетке-стойле с решетчатой дверью – чтобы было видно все, что в стойле происходит, – с тюфяком на каменном полу и котлом для естественных надобностей в углу. Для того, чтобы от отчаяния они не наложили на себя руки, здесь приняты были все меры предосторожности: здесь невозможно было ни повеситься, ни повредить себя никаким иным образом. Перегородки были достаточно толстыми, чтобы девочки не могли переговариваться потихоньку друг с другом, вдобавок, новеньких разместили промеж «стареньких», которых осталось всего четверо от всех прошлых Привозов. Эти девочки уже совершенно погасли; двигаясь и подчиняясь на автомате, словно зомби, они уже не способны были ни на разговоры, ни на интерес к чему-либо. Как забитые животные, они весь день ждали одного: темноты, чтобы лечь на свой тюфяк и отдохнуть... Потому, что днём, как ещё предстояло узнать подружкам Марии и самой Марии, им отдыхать не придётся. Зная сильный и строптивый дух полукро-

вок, Хозяин выстроил за годы существования Садов Мечты почти идеальную систему подавления и ломки, начиная с ферм, где девочек только кормили, поили и били, не обучая даже самым примитивным ремёслам и рукоделию, и заканчивая Садами Мечты, где их начинали бить и насиловать в первый же день, и продолжали делать это до самой их смерти. Гости измывались над ними страшно; собственно, за этим они сюда и ехали. То, что не позволительно было делать даже в самых разнузданных притонах, делалось здесь. Когда девушка от всего этого впадала в полное отупение, или её слишком сильно калечили – теряла товарный вид, – её продавали в Галерею Сладкого насилия, на убой. То же самое происходило и с мальчиками, с одним отличием: мальчикам можно было разговаривать, у них были клички, и у них был шанс попасть в Домашний Приют, а оттуда – в стражу Садов Мечты. Попадали единицы, но это всё же был шанс, это была надежда. Девочки же, которых всех, поголовно, звали просто Чухами, ни малейшего шанса не имели. Разве что, забеременев и не скинув в самом начале от побоев ребёнка, они получали относительную передышку на несколько месяцев. Но если роды «портили тельце», то она отправлялась в Галерею, не успев увидеть ребёнка.

Самых строптивых, таких, как Мария, обычно сразу же изолировали от остальных, чтобы не подавали дурной пример послушному «мясу». «Матушки» ещё на фермах заставляли таких девочек носить жёлтые ленты в знак того, что они «хуже всех». Их сразу же запирали отдельно и продавали тем из гостей, кто любил девственниц, а потом – если после такого гостя она оставалась жива, – Доктор подлечивал её, и девушку продавали прямиком в Галерею. Мария свою жёлтую ленту потеряла, и это избавило её от самой страшной судьбы – зато обрекло на более долгие и не менее жестокие мучения... Притащив её, связанную, в Девичник, Доктор позвал двух стражников, которые весь день находились в собственном помещении, светлом и почти комфортном, и передал приказ: пять плетей с насадками.

– А потрахать? – Спросил один из них, жадно ощупывая Марию глазами. Синяков и разбитых губ он не замечал: для всех здесь это являлось скорее нормой, и не отвращало от любимого удовольствия.

– Да на здоровье. – Ощерился Доктор. – Только учти, это тварь упёртая, она терпит, не визжит и не стонет даже.

– У меня застонет! – Уверенно заявил стражник, схватив Марию за волосы и рванув к себе.

Но Мария терпела. У неё болели даже стиснутые изо всех сил челюсти, и слёзы ручьями бежали по щекам, но она не издала ни звука, и не дёрнулась ни разу. Второй стражник всё это время стоял рядом с отсутствующим видом, на настойчивые предложения Доктора тоже «проучить тупую тварь» не реагируя вообще никак. Он был моложе своего напарника, но выше ростом, тоньше в поясе, и намного красивее. В сущности, если бы поставить рядом его, Гора, и даже Эрота, прекрасного, как сладкий девичий сон, сложно было бы выбрать того, кто из них красивее. Каждый был красив по-своему. Этот стражник был, как и Мария, эльфийским кватронцем, эльдаром; как у большинства уроженцев Дуэ Сааре, эльфийского юго-восточного побережья, у него были тёмные, почти чёрные, глаза и светлые волосы. Выглядел он настоящим эльфом, чистокровным, без всякой примеси человеческой крови, только в глазах, больших и мрачных, горел слишком жаркий для эльфа огонь. Он тоже был сдержанным, но его сдержанность отличалась от ледяной маски Гора – глаза выдавали натуру страстную, до бешенства, опасную. Сам себя он называл Штормом; в Садах Мечты его звали Фрейр, но на это имя он не откликался. В Приют, как поначалу хотел Гор, Фрейра взять не получилось – главным предназначением и занятием обитателей Приюта был секс, насилие над девочками, ежедневное и длительное, а Фрейр девочек – впрочем, как и мальчиков, – игнорировал и сексом занимался крайне редко, только в полнолуния, когда его эльфийская натура требовала того. Он вообще был невероятно строптив, зол и бесстрашен; когда он стал взрослеть, и для гостей Садов Мечты стало по-настоящему опасно связываться с ним, Хозяин хотел продать его

в Галерею, не смотря на его экзотическую красоту и на то, что за «настоящего эльфа» содомиты готовы были выкладывать хорошие деньги. Спас его от этой участи Гор – сказал Хозяину, что мальчишка, конечно, бешеный, но в страже его качества здорово пригодятся – если Хозяин сможет его приручить. Гор хорошо изучил Хозяина, и знал, как его спровоцировать, а пацана спасти хотелось. Ключев, Хозяин тут же принялся «приручать» дикого кватронца – и приручил. Мальчишка поверил ему, и стал самым его преданным слугой. Шторм смотрел Хозяину в рот, слушал каждое его слово, как откровение свыше, стремился служить ему лучше всех... Хозяин этой преданностью тяготился. Возможно, в глубине души он сам себя презирал – иначе, как было объяснить то, что наибольшее презрение и наибольшую ненависть в нём вызывали именно те, кто его любил и кто им восхищался?.. Как бы то ни было, Шторма он презирал и порой даже ненавидел, именно поэтому мальчишка уже третий год оставался в страже Садов Мечты и практически не получал заданий снаружи. Но Шторм этого не понимал. Ему казалось, что он не достаточно умен, ловок, полезен, и старался изо всех сил, чтобы доказать обратное. В то время, как его напарники в минуты отдыха пили вино, играли в кости и нарды, а то и навещали Девичник, Шторм занимался с холодным оружием, отрабатывал удары, блоки и подсечки. По сути, на данный момент он был лучшим бойцом из всех стражников Хозяина; остальные, даже его любимая Дикая Охота, состоявшая исключительно из высоченных кватронцев, привыкли иметь дело с перепуганными крестьянами, горожанами и рабами Садов Мечты. Стоило им столкнуться с настоящими бойцами из рыцарей или наёмников, и они способны были взять только числом. Шторм же в самом деле научился отлично владеть мечом – вот только Хозяина это не радовало. Напротив. Он никак не мог заставить себя отнестись к Шторму так, как тот того стоил; ну, ненавидел он эльфов, и всё тут!.. Впрочем, Шторм этого не видел и не понимал, а Хозяин неизменно обращался с ним лицемерно-ласково, называл «Сынок» (так как всё равно не помнил его имени) и даже то, что не даёт ему настоящих ответственных поручений, объяснял тем, что не хочет отпускать его от себя.

Шторм легко и безжалостно убивал, и ему было абсолютно всё равно, кого: женщину, ребёнка, старика или рыцаря. Хозяин уже дважды отправлял его с карательными функциями в провинившиеся деревни, и Шторм даже превзошёл его ожидания: на него не действовали ни угрозы, ни мольбы, и подкупить его оказалось тоже невозможно. Помимо его эльфийской крови и внешности, недостаток у Шторма был ещё один, и серьёзный: он не желал секса в Садах Мечты. Вот и сейчас, Доктор настойчиво предлагал ему Марию, даже настаивал, пока Шторм не выхватил кинжал, не приставил его к горлу Доктора и не произнёс медленно и холодно:

– Отвяжись.

– Ты-ты-ты осторожнее, эй! – Обозлился Доктор, с непонятной ненавистью ощерившись на Шторма. – Страх потерял, выbleдок эльфийский?!

Шторм не произнёс ни слова, не шелохнулся, но взгляд его почти чёрных глаз с пылающими красным зрачками стал таким, что Доктор подался назад, ворча и бледнея от бешенства и маленького страха – Доктор был невероятно труслив. Стражники связали Марию, и пять раз от души ударили плетью с металлической насадкой. Это только кажется, что пять – это не много. Но когда каждый удар рвёт плоть до крови – это очень много. От первого же удара Мария закричала, правда, потом всё-таки нашла в себе силы стиснуть зубы и не кричать – и всё-таки стон рвался сквозь стиснутые зубы, она зажмурилась, напрягая все свои силы и всю свою волю. Доктор понял, что ещё удар – и девушка лишится чувств, после чего издеваться над ней какое-то время будет уже бесполезно, поэтому не попросил добавить пару ударов, хоть ему этого и хотелось. Мария сразу же вызвала в нём ненависть – и потому, что очень была похожа на свою мать, которая когда-то спасла Доктора от рысжих когтей, привела к себе домой, накормила и отвела в безопасное место, и которую он после этого предал и убил; и потому, что оказалась строптивой и гордой, а главное – смелой, а Доктор, как последний трус, гордых и смелых ненавидел особенно сильно, – и потому, что её хотел Гор, которого хотел Доктор. Гор

знал, что делал, когда пригрозил ему. Если бы не эта угроза, Доктор именно так бы и поступил: замучил Марию до смерти, а потом сказал бы, что всё произошло случайно.

Но он и так без удовольствия не остался, самолично щедро посыпав солью раны на теле девушки и заменив горох, который назначил ей Гор, на битое стекло, у самого бассейна, чтобы её видели все остальные девочки из своих стойл и помнили, что бывает со строптивцами. После чего остаток времени до сумерек прохаживался вдоль клеток и расписывал им, какая жизнь их ждёт. Что выхода нет, что надеяться не на что. У них нет ни будущего, ни какого-то шанса не то, что улучшить свою жизнь, но даже просто выжить. Особенно красочно Доктор расписал Галерею, обещая каждой из них, что там они и сдохнут рано или поздно, и скорее всего, рано. Девочек в это время тщательно помыли и причесали беременные рабыни Доктора, красиво заплели их, смазали синяки и раны, наложили, где нужно, примочки. После того, как Доктор наконец-то ушёл к себе, Паскуда занялась Марией. Омыв и смазав её раны, она вдруг шепнула:

– Смирись. Они ни умереть тебе не дадут, ни в покое не оставят.

– Я не могу. – Простонала Мария. – Я не Чуха!

– Т-с-с! – Паскуда положила палец ей на губы. – Доктор ненавидит, когда мы говорим. Он вообще нас ненавидит... Они всё равно сделают тебя Чухой, хочешь ты, или нет. Всех делают.

– А тебя?

– И меня. Всех. – Она причесала Марию и завязала её волосы в красивый узел. – Как бы тебя ни били, а он требует, чтобы все были чистыми и опрятными. Я смажу тебе колени, через какое-то время они онемеют, не пугайся. Это, чтобы было не так больно. Какое-то время сможешь отдохнуть и поспать. И ещё раз говорю: смирись.

– Нет. – Чуть слышно выдохнула Мария. Паскуда покачала головой:

– Ты ничего не добьёшься, поверь мне. Ничего.

Стемнело, и Доктор заперся в своих покоях. Огней в Садах Мечты не зажигали, по крайней мере, ни в коридорах, ни в помещениях. Если обычные бордели работали по ночам, то в Сады Мечты гости приходили в обед и покидали их в сумерках, даже те садисты, что брали мясо в Галерею на несколько дней, на ночь уходили в замок. Ночью здесь было темно, тихо и жутко. Все окна здесь находились высоко вверх, и лунный свет по ночам освещал только потолок, а внизу царил непроглядный мрак. Даже полуэльфы, с их кошачьим зрением, ничего здесь не могли рассмотреть. В темноте шуршали в соломе крысы, тихо стонали и всхлипывали девочки. Трисс, безумно уставшая и измученная, всё-таки нашла в себе силы, чтобы позвать Марию.

– Тебе очень больно? – Спросила жалобно.

– Не очень. – Соврала Мария. – Матушка меня порой куда больнее порола.

– Ты врешь, дурочка! – Всхлипнула Трисс.

– Нет.

– Зачем, Мария? Зачем?!

– Я не Чуха. И ты не Чуха, и другие! Если мы обязаны их ублажать, то почему не обращаться с нами нормально, не позволить отдыхать, разговаривать, жить вместе?! За что, Трисс?!!

– Мы не люди! – Подала голос Сэм. – Ты же знаешь, мы никому не нужны...

– Но парни тоже не люди! Но им можно, а почему нельзя нам?!

– Доктор же говорил: потому, что мы не такие. Мы созданы, чтобы нас использовали, кто захочет. Это не справедливо и ужасно, но как можно идти против всего порядка вещей?!

– Я не знаю, кто завёл этот порядок, – горячо воскликнула Мария, – но это жестоко и несправедливо, и я в это не верю! Если бы я была создана бессловесной, как корова, то я бы и не могла говорить, а раз я могу, не правильно мне это запрещать! Что дурного в том, что мы поговорим иногда?! Ничего!

– Тише! – Испугалась Трисс. – Он услышит тебя, и снова изобьёт, а я этого не вынесу! Я сегодня чуть не закричала, Мария, я тебя умоляю, не надо больше! Ты представляешь, как мне больно видеть всё это?

– Прости! – Мария вновь, не выдержав, заплакала. Как и обещала Паскуда, боль немного притупилась, но не ушла совсем; в отличие от остальных девочек, её не покормили и пить дали совсем чуть-чуть. Мария страдала от боли, обиды, унижения, страха и отчаяния, и не было ни малейшей надежды как-то изменить своё положение... А ведь она была такой молоденькой! Пусть старше других, но что это: семнадцать лет! Её враги не могли её видеть, и Мария дала волю слезам и отчаянию, прижавшись лицом к плечу и безнадежно рыдая. Пока не подействовало снотворное, которое Паскуда из сострадания подмешала ей в питьё, и она не забылась тяжким сном.

А Гор, в отличие от неё, спать не мог. Он лежал на своей лежанке, глядя в темноту сухими глазами, и вспоминал то ферму, то первые дни в Садах Мечты, то самого себя, каким он был до того, как стал Гором, и в груди его что-то томилось и металось, не давая уснуть и успокоиться. Гор изо всех сил пытался вернуть прежнее равновесие, проклинал Марию, и тех, кто привёз её сюда, не отметив жёлтой лентой, но при этом чувствовал, что проклинать надо не её, а себя самого. Гор не сломался, он просто достиг компромисса с собой и окружающей его действительностью; подчиняясь правилам, он в то же время сохранил живую душу и сердце, способное чувствовать и сострадать. Хотя самому ему казалось, что он совершенно бесстрастен и равнодушен, и Гор даже гордился этим втайне. Гостей он презирал, Хозяина ненавидел, хоть и подчинялся ему, и во многом ему верил. Промывая мозги Гору перед тем, как забрать его в Приют, Хозяин заставил его поверить, будто женщины – воплощенное зло, хитрые, нечистые, тупые и очень подлые. Гор верил – как он мог не верить, не зная ничего иного?.. – но в глубине его сердца жила память о девочке Алисе, единственном существе во всём мире, заступившемся когда-то за него и сказавшем: «Я вас люблю!», и при всей своей искренней вере, Гор до сих пор не мог думать об Алисе так.

Её он тоже вспомнил впервые за очень, очень долгое время. Так же, как и мальчика Гэбриэла, доброго, доверчивого и очень гордого; мальчика, которого когда-то безжалостно унизили, сломали и растоптали его гордость и доверчивость... И как же больно было это вспоминать! Гор стиснул зубы и зажмурился, переживая душевную боль так же мужественно и безмолвно, как научился переживать боль физическую – сколько он её перенёс! Сердце подсказывало, что сейчас кое-кто страдает точно так же, как сам он когда-то; а страшнее всего то, что теперь мучителем и подонком выступает он сам.

«Она не может чувствовать то же, что и я. – Ожесточённо доказывал он себе, – она Чуха, у неё ни мозгов настоящих, ни души нет, она даже соображает не так, как я, почти, как корова или коза, тупее лошади! Они все сначала брыкаются, а потом дают и сосут без проблем всем подряд... Тупые и покорные, как коровы!». Но никто еще не боролся так, как Мария! Даже пацаны в большинстве своем сдавались раньше! Гор ворочался на своей лежанке, вороша солому и превращая своё ложе черте во что. Неправильно всё было, неопределённо, даже страшно. Как теперь жить, каким теперь быть?.. Как вести себя, чтобы не выдать, и зачем не выдавать, ради чего?.. «Ради свободы. – Напоминал он себе. – Ради того, чтобы выйти наружу...». А сердце вновь настойчиво напоминало Гефеста – и его последние слова, которые Гор слышал от него, когда ночью, рискуя оказаться рядом с ним, пришёл добить его и прекратить его мучения. «Я просто понял, что стою на краю ямы с дерьмом, от которого уже никогда не отмоюсь. – Сказал тот. – Я и так уже весь в грязи, и ты, и все здесь... Но то, что я должен был ТАМ сделать – это уже не грязь. Это кровь, дерьмо и ужас. От этого не отмоешься, Гор. Никогда». Гор его тогда не понял... И сейчас не понимал, хоть помнил каждое слово. Но что-то уже брезжило перед его совестью, что-то... Чего он ни видеть, ни понимать не хотел. Но

Гор был очень сильным и цельным существом, очень умным, и в целом честным. Как он сам выражался, в голове у него «много было насрано», но природный ум и способность мыслить самостоятельно и здраво рано или поздно брали своё: и брали именно теперь. Врождённое чувство чести говорило ему: если ты, чтобы удрать, будешь терпеть всё и дальше, притворяться и участвовать во всей этой мерзости, если и дальше будешь мучить Марию, ты окажешься в том самом дерьме, о котором говорил Гефест, и не отмоешься от него, и не надейся».

«Но что мне делать-то?!» – Возопил он мысленно, перевернувшись в тысячный раз и лихорадочно горящими глазами глядя вверх, туда, где в недоступные окна лился лунный свет, чуть подсвечивая высоченный потолок. Здесь, внизу, царила крошечная тьма, в которой даже глаза полуэльфа были бессильны что-либо рассмотреть. Похрапывал кто-то из кватронцев – Локи или Ашур; полуэльфы не храпели. Всё было такое привычное – и в то же время какое-то чужое, неприятное, опостылевшее настолько, что хотелось заорать от ненависти и отчаяния. Гор зажмурился, пережидая приступ сильной душевной боли. А ведь совсем недавно он был так счастлив!

«Ненавижу Привозы. – Мрачно сказал он себе. – Ненавижу Чух... И себя ненавижу тоже».

Глава третья: Алиса

Гарету вновь снился этот далёкий огонь – в последний раз он видел его года два назад, ещё в Европе, и тогда ещё был уверен, что на огонь этот смотрит его брат. Что если он, Гарет, разгадает загадку этого огня, поймёт, что это и где, он найдёт брата. Но единственная примета, в которой он был уверен – это две скалы, высокие, узкие, словно две оплывшие свечи, между которых и виден был этот огонь. Гарет почти уверен был, что это маяк, но где?.. В этот раз вроде бы море заливал лунный свет, но самой луны Гарет не видел... Сев в постели, он закрыл лицо руками, сохраняя в памяти видение. Откуда падал свет луны? Понять это – значит, понять, на каком побережье этот маяк, на западном, или восточном?..

– К чёрту! – Выдохнул он. Девушки, Ким и Инга, выскользнули из постели, едва почувствовали, что он проснулся, и теперь торопливо одевались где-то, переговариваясь шёпотом и приглушённо хихикая. Гарет самодовольно потянулся: собой, как мужчиной, он заслуженно гордился, и считал, что побыть в его постели этим девчонкам за счастье. Но тут же и нахмурился: вчерашние проблемы проснулись тоже и омрачили утро, легли на сердце давящей тяжестью. Нужно было пойти, засвидетельствовать своё сыновье почтение отцу, и нанести визит кухне, на которую Гарет был так зол, что какое-то время всерьёз собирался вообще к ней не заходить и так и уехать, не поздоровавшись. Но соблазн поглядеть на дам Женского двора был слишком велик. Уехав десять лет назад в Европу, ко двору датского короля, своего деда, Вольдемара Аттердага, Гарет три года отучился в университете. Когда всенародно почитаемый король и любимый дед умер, Гарет отправился в Англию, к ещё одному своему родственнику, Джону Гонту, герцогу Ланкастеру. Не смотря на разницу в возрасте, они стали лучшими друзьями; Гарет был в его свите в момент, когда был убит Уотт Тайлер на Лондонском мосту, и вместе с другими рыцарями бросился на толпу бунтовщиков – но поступок юного короля осудил, впрочем, как и его сюзерен. В Байонне сам Ланкастер посвятил его в рыцари на поле боя; уже став рыцарем, Гарет водил в бой собственных бойцов, пока в прошлом году не попал в плен к французам, не был выкуплен принцем Элодисским и не вернулся, наконец, домой. У него было шесть рыцарских орденов, в том числе знаменитый орден Розы. С ним вместе прибыли в Нордланд три сотни копий во главе с кондотьером Адамом Мелла, наёмником, который отдал ему свой меч и стал давным-давно не просто наёмником, но боевым товарищем и другом. Но три сотни – это так мало, так мало!

– Марчелло, – обратился Гарет к итальянцу, пришедшему помочь ему одеться, – не узнавал, наших людей разместили достойно?

– Узнавал, патрон. Адам ждёт в гостиной, у него масса каких-то замечаний.

– Не удивлён... – Пробормотал Гарет, в то же время придирчиво разглядывая себя в зеркало. Он был так строен и красив, что ему шло абсолютно всё, он и в крестьянском рубище смотрелся бы переодетым князем. Но, тем не менее, Гарет Хлоринг остался своим отражением недоволен.

– Нужно будет выкроить время и навеститься в Эльфийский квартал. Подобрать сорочек из эльфийского льна и батиста, обувь купить подходящую. А то что это за жалкое зрелище?..

Жалким зрелищем он назвал скроенные по последней бургундской моде – Бургундия в то время была законодательницей мод, – белоснежную сорочку с отложным воротником и широкими рукавами, манжеты которых, только-только вошедшие в моду, были сколоты топазовыми булавками, и камзол из так называемого «рытого» бархата глубокого синего цвета, с широченными рукавами, разрезанными по моде, так, что сквозь разрезы видна была белая сорочка. Подчёркивая свое рыцарство, Гарет игнорировал модные ми-парти, то есть, двухцветные штаны в обтяжку, с гульфиком, прикрывающим и подчёркивающим мужское достоинство, и носил шерстяные штаны с кожаными вставками, серебряным усиливающим плетением и шнуровкой по бокам – эльфийское изобретение, смотревшееся на нём великолепно, – и короткие сапоги для верховой езды вместо ботинок с загнутыми носами. Волосы, чёрные, толстые, прямые и очень густые, он стриг лесенкой, позволяя роскошным прядям каскадом падать на плечи, к восторгу и дикой зависти не только мужчин, но и многих дам. Цепь с рыцарскими орденами, перевязь с боевым мечом, и серьга в ухе с синим, как его глаза, топазом завершали «убогий» наряд. Гарет надел перстень со своим гербом: лилия, меч и грифон, золотые на синем фоне, – и взял у Марчелло берет.

– Вы великолепно выглядите, патрон. – Искренне сказал итальянец, и в синих глазах Гарета мелькнула искорка самодовольства.

– Хотелось бы лучше. – Тем не менее, заметил он, поправляя берет так, что тот стал смотреться просто убийственно на его блестящих чёрных волосах. Гарет спустился в обшитую панелями из светлого дуба приёмную, где убивали время его оруженосцы и рыцари. Сейчас там были Роберт и Генрих, оба его армигера, а так же Адам, высокий суровый голландец с изрезанным шрамами и траченным оспой лицом, и Дитер Гейне, один из сотников, румяный улыбчивый светлоусый немец. Оба встали, звякнув амуницией, при появлении Гарета. Адаму было тридцать восемь, Дитеру – тридцать три, но оба они уважали и даже где-то побаивались двадцатитрехлетнего юношу. В бою Гарет Хлоринг был не только отважен, но и хладнокровен, быстр и страшен, в поединках чести – непобедим и бескомпромиссен. Фамильярности Гарет с собой не позволял никому, даже королям, умел сразу поставить себя, и закалённые в боях наёмники относились к нему с почтением.

– Что наши люди? – Обратился Гарет к Адаму. – Где их разместили?

– В казармах Хозяйственного двора, сэр. – Ответил Адам по-военному чётко. – Жалоб нет, сэр.

– А вопросы и пожелания?

– Есть, сэр.

– При Рыцарской башне есть свои казармы. – Обратился Гарет к Марчелло. – Надо узнать...

– Я уже узнал, милорд. – Невероятный Альберт был тут как тут, Гарет даже еле заметно вздрогнул. – Я приказал от вашего имени привести их в порядок, и скоро они будут готовы. Там около ста лет никто не жил...

– Понятно. – Гарет с опаской глянул на него. Какой-то этот Альберт был... идеальный, аж подозрительно. Марчелло, на которого Гарет бросил один мимолётный взгляд, тем не менее, Гарета прекрасно понял и чуть склонил голову.

– Мы можем сами нести стражу, сэр, – продолжил Адам, – ведь здешние пентюхи вовсе ворон не ловят! – С наёмниками Гарет общался на немецком. – Я прошёлся ночью по всем коридорам и по наружной стене, и меня даже не окликнул никто!

– Merde! – Выругался Гарет. – Сотня Гейне будет нести караул в Рыцарской башне с сегодняшнего дня, дармоедов выгнать на хрен всех до единого. Об остальных я сегодня же поговорю с Тиберием. – Он слегка поколебался. Глянул на Альберта:

– Слушай, э-э-э...

– Альберт Ван Хармен к услугам вашей светлости.

– Я ещё не герцог.

– Это неизбежно, милорд.

– Ну, потом об этом... Что вообще здесь творится? Я имею в виду...

– Люди расслабились, милорд. – Мягко произнёс Ван Хармен. – Их высочество все любят, но никто не боится. Люди воруют, ленятся, пренебрегают своими обязанностями. Её сиятельство графиня слишком юна, чтобы навести порядок, и вдобавок несколько... хаотична, я бы сказал. Она не боится быть суровой, но её суровость бессистемна и зависит от её настроения. Люди не работают, а подстраиваются под неё. Когда она не в духе – просто от неё прячутся, когда гроза проходит стороной, продолжают лениться. Боюсь, милорд, ваше имущество рассматривается обитателями этого замка, как источник собственных благ.

– Понял тебя. – У Гарета желваки забегали по скулам. Ему вновь захотелось рвать и метать, выматериться от души, сорвать переполнявшие его злость и отчаяние на ком-нибудь рядом – да хоть бы и на Альберте этом! Но Гарет взял себя в руки и сказал ровно:

– Что, колодки и позорный столб на Хозяйственном Дворе ещё стоят?

– Разумеется, милорд. Я взял на себя смелость и совершил некоторые перестановки среди слуг низшего звена. Слуг его высочества я, разумеется, касаться не смею, все они – титулованные особы.

– А набрать новых людей в городе и пригородах сможешь?

– Разумеется, милорд. – Ван Хармен позволил себе одобрительную улыбку.

– За лень и праздность – вон из замка. За неисполнение обязанностей – пинка под сраку и вон из замка. За воровство – в колодки или к позорному столбу, отрубить пальцы на правой руке и вон из замка. За измену – на дыбу. Кто у нас в тюрьме?

– Ганс Фон Зиберт комендант, милорд, Иеремия Стоун – палач и экзекутор.

– С ними я позже поговорю. А сейчас...

– Кастелян Гриб хотел бы встретиться с вашей светлостью после визита к Женскому Двору. Я настоятельно рекомендовал бы принять его.

– Что у него?

– Дело касается рыцарей их высочества и их содержания. По словам кастеляна, оно превышено во много раз, боюсь, благородные господа давно сочли вашу казну своей.

– Я его приму. – Приуныл Гарет.

– С прочими проблемами, если позволите, я разберусь сам и доложу вам обо всём, когда будет исполнено.

– Позволю. – Поколебавшись, сказал Гарет. Ну, не могло существовать такого идеального господина без всякой задней мысли! Вот так вот взял и нарисовался в самый нужный момент, такой нужный, такой ненавязчивый и своевременный... Просто куда деваться?! Без особого настроения Гарет отправился в Девичью Башню, а Марчелло, с полным кошельком денег – в Грантвилл, по своим делам.

Девичья Башня была двойником Рыцарской. В первой традиционно жили наследники мужского пола, в Девичьей – супруги, дочери и их двор, называемый Женским Двором. Его высочество был вдовцом, Гарет был ещё холост, и роль хозяйки Женского Двора играла Габриэлла... ну, как играла?.. Кое-как. При дневном свете Гарет по пути отмечал признаки упадка:

пыль, паутину, оборванные портьеры, отсутствие свечей в канделябрах, а порой и отсутствие самих канделябров, следы грязных ног на блестящих плитах в Рыцарском Зале... Стиснул зубы, поднимаясь по парадной лестнице Золотой Башни в приёмную его высочества.

– Как он? – Спросил Тиберия, который вышел к нему навстречу.

– Плохо. – Ответил тот. – Остался сегодня в постели, отказался от завтрака... Спрашивал про тебя.

– Ты сказал ему?..

– Твои слова я ему передал.

– И?..

– Дай ему время. Твой отъезд, на самом деле – хорошая идея. У вас обоих будет время.

– Слушай, Тиберий... – Гарет оглянулся. – Этот Альберт Ван Хармен...

– Которого ты назначил своим управляющим?.. Он недавно при дворе. Но зарекомендовал себя с самой положительной стороны. Ненавязчивый, грамотный, исполнительный. Только...

– Только что? – насторожился Гарет.

– Как тебе сказать?.. У него нет ни семьи, ни жены, ни братьев, ни сестёр. Он словно из ниоткуда соткался, и всегда там, где он нужен. Не пьёт, не играет, не ходит к женщинам, не оставляет себе на ночь служанку, чтобы грела постель. Я подсылал к нему людишек, которые предлагали ему взятку за разные услуги – не взял. Но и не доложил никому. Писем никому не пишет. Вообще странный тип. Вроде и положительный со всех сторон, но в замке его не любят. Может, как раз за то, что такой положительный?

– Может. – С сомнением кивнул Гарет. Ничего, если у этого Альберта есть хоть одна кость в шкафу, не говоря уже о целом скелете, Марчелло её отыщет.

В Девичьей Башне его визита ждали с таким нетерпением, что аж воздух вибрировал. Весь предыдущий вечер дамы и девицы свиты Габи, всего шестнадцать штук, мылись, душились, выбирали туалеты и украшения, ленты и платки, скандалили, рыдали и истерили. Сегодня в приёмной зале графини Маскарельской сильно пахло жжёным волосом, горячим утюгом, лавандовой и фиалковой водой, розовым маслом и истерикой; дамы, расфуфыренные в пух и прах, снова и снова уверяли друг друга, что совершенно не интересуются молодым Хлорингом, вздрагивая всякий раз, как открывались двойные двери, и меняясь в лице, когда оказывалось, что шухер напрасный. Габриэлла – Габи, – тоже нервничала. Она забыла о том, что комнаты кузена нужно подготовить к его приезду, и теперь готовила отмазки, главной из которых была: она отдала своевременные распоряжения, а твари служанки их не выполнили. Виновные служанки тоже уже были назначены, и не подозревая пока о том. Ожидая справедливо рассерженного на неё кузена, Габи заочно уже злилась на него сама, оправдывалась и переходила в контрнаступление, не слушая, что ей говорили другие дамы. Слух об убийственной красоте молодого Хлоринга уже пронёсся бурей по всем закоулкам Хефлинуэлла, и все особи женского пола, от баронессы до последней кухонной замарашки, уже обсуждали его. Обсуждали его ордена, его внешность, его военные успехи, а с раннего утра, с лёгкой руки не то Инги, не то Ким, ещё и его постельные подвиги. Дамы, которым шёпотом поведали о них камеристки, таким же страшным шёпотом пересказывали это своим товаркам, горничные которых оказались не так расторопны. В приёмной стоял гул, то и дело слышались шепотки, хихиканье, звонкие возгласы и ахи. Лучший менестрель Хефлинуэлла, признанная на Острове звезда, Лучиано Делла Вольпе, тоже нервничал и то и дело сбивался с ритма, извиняясь перед Габи, которая тоже его почти не слушала. Рыцари стояли, чуть надувшись и уже заранее тихо ненавидя такого сильного соперника, который, ещё не появившись, уже завладел вниманием всех признанных красавиц, и только пажи Девичьей Башни, по воспоминаниям Гарета – самые противные и наглые мальчишки на свете, – вели себя, как обычно, то есть, болтали, шкодничали, задирали друг

друга и дам, и вообще не стеснялись всячески проявлять свой противный нрав. Как большинство мальчишек всех времён и мест, они плевали на субординацию, титулы и заслуги, и когда-то здорово изводили юного Хлоринга, дразня красноглазым, остроухим и чельфяком, за что он их нещадно бил и получал потом от отца и Тиберия хороших люлей. То и дело какая-нибудь дама, обычно одна из самых красивых, вскрикивала и набрасывалась на малолетних шалопаев с руганью и тумаками: они то задирали им юбки, то прикалывали к этим юбкам что-нибудь, то запускали под них собачку или кота – в лучшем случае! – в общем, выражали своё восхищение их красотой и свои юные чувства, как умели. Когда герольд торжественно объявил:

– Старший сын его высочества, граф Гранствиллский, Июсский и Ашфилдский, сэр дю Плесси, кавалер орденов Розы, святого Георгия, святого Андрея Первозванного, Золотого Льва и Креста святого Павла, Гарет Агловаль Хлоринг! – Обладателя всех этих титулов встретил дружный женский визг: кто-то из пажей выпустил в толпу несколько крыс. Гарет, войдя, остановился в дверях, приподняв правую бровь: дамы визжали и запрыгивали на скамьи и сундуки, стояли визг, крики, смех и проклятия. Сразу же определив, в чём причина, Гарет тоже засмеялся и напрямик направился к кухне, которая одна не визжала и не металась, с презрением созерцая всеобщую панику. Габи абсолютно не боялась ни крыс, ни мышей, вообще была на удивление бесстрашна. Гарет поцеловал её в щёку, вдохнув сильнейшую волну аромата розового масла, которое неумеренно использовала Габи, произнёс:

– Здравствуй, дорогая кузина. Ты прекрасна, слов нет. – Ничуть не покривив душой. Габи, высокая, стройная, тонкая и гибкая, как лоза, была похожа на королеву, словно сестра-близняшка, только намного моложе. Черноволосая, с белой, безупречно-матовой кожей, васильковыми глазами и розовыми губами, немного узковатыми, но прекрасной формы, Габи была без всякого преувеличения и пафоса прекрасной, как эльфийская восковая кукла. Гарету она показалась ангелом, благодаря своим удивительным широко открытым глазам, обрамлённым стрелами длинных чёрных ресниц, глазам ангела, попавшего в какую-то беду, но слишком гордого, чтобы в этом признаться. Он хотел устроить кухне разнос за вчерашнее, и – не смог. Ни один нормальный мужчина, с нормальными мужскими инстинктами, не смог бы грубить такому существу! Да и хрен с ним, с холодным камином... Не замёрз же!

– Я думала, ты приедешь завтра. – Габи, видно, на свою красоту не очень понадеялась, и поторопилась оправдаться. – Велела служанкам камин почистить и протопить, а они, дуры косорукие...

– Забудь. – Махнул рукой Гарет. – Познакомь меня лучше со своими красавицами. – И он глянул, казалось, на всех дам одновременно. Глаза его, ярко-синие, нечеловеческие, умели смотреть так, что эта нереальная синь становилась вдруг тёплой, ласковой, тающей, завораживающей. Смотреть ему в глаза было трудно от яркости его взора; уже через несколько секунд начинало казаться, что синева эта плавится, плавает и течёт. Гарет силу своих чар прекрасно сознавал, и смотрел на табунок дам перед собой, как сытый волчара на хорошеньких ягнятках. Взгляд его мигом выхватил статную белокурую красавицу с глазами бархатисто-серыми, похожими на выюнки, со светлой сердцевинкой и тёмными ободками радужки; у красавицы была прямо-таки роскошная для её возраста – не старше шестнадцати, – грудь. Гарет любил грудастеньких, но таких молодых и красивых не жаловал. После того, как его в двенадцать лет соблазнила взрослая дама, – Гарет был уже тогда высоким и крупным для своих лет мальчиком, – и по сей день, Гарета осаждали женщины всех возрастов, калибров и сословий, привлечённых его красотой, титулом и богатством. Он привык к лёгкой добыче и не хотел, и не умел завоёвывать и соблазнять. «Помилуйте, какое соблазнение?! – Говорил он в мужском кругу. – Я их строю перед собой и тычу пальцем: ты, ты, и ты – раздевайся и в постель!». Никаких серьёзных отношений он не хотел и не заводил; считал, что «все бабы одинаковы, просто есть гонористые и много возомнившие о себе, есть дуры, а есть честные давалки, и последние предпочтительнее». Светловолосая красавица была из первой категории – возомнившей о себе. И

потому взгляд Гарета достался другой даме, на первый взгляд, скромной и незаметной, но на взгляд Гарета – почти идеальной. Лет двадцати пяти, пухленькой, даже пышненькой, мягонькой, с тёмными ласковыми близорукими глазами, белой сдобной кожей и маленькими, почти детскими, ручками, она не бросалась в глаза, но исподволь пленяла своей сдобной нежностью и невероятной женственностью. Гарет, знакомясь с дамами, приседающими перед ним по мере того, как их ему представляли, отметил себе, что пышечка носит имя Вильгельмина Мерфи, что она вдова, и что она страшно застенчива. Решив для себя, что она-то и будет его первой жертвой, Гарет подарил ей пристальный взгляд, который подействовал, как и положено: Мина Мерфи в полуобморочном состоянии отступила к стеночке и в сладком ужасе постаралась скрыться от этого ужасного и в то же время прекрасного взгляда. А Гарет вручил Габриэлле шкатулку с подарками и главное сокровище: альбом, переплетённый в тиснёную золотом телячью кожу, с миниатюрами итальянского художника, на которых были мастерски изображены дамы в самых модных на тот момент нарядах, с самыми модными аксессуарами, от диадем до собачек и горностаев. Появление этого роскошного издания было встречено стонами и ахами, дамы столпились вокруг Габи, которая сама, при всей своей вредности, не сдержала восхищения, увидев первую же миниатюру.

– Смотрите, как она повязала барбет! – Воскликнула одна из дам.

– Да и шляпка, смотрите, какая прелесть! У нас таких и не видали!

– Это из Бургундии? – С замиранием сердца спросила Габи. Бургундия была её розово-голубой мечтой.

– Художник итальянский, – сказал Гарет, – но мода да, бургундская. – Он мгновенно завладел общим вниманием и восторгом, рассказывая о моде и обычаях при дворах Европы, заставляя рыцарей дуться и негодовать в сторонке. Гарет сыпал комплиментами, утверждая, что дамы во Франции и особенно в Дании скучны и некрасивы, зато в Хефлинуэлле – о-о-о-о!!!

– Рыцарские косы в Бургундии, к примеру, – он подарил синий взгляд красавице Авроре Лемель, – плетут, вставляя в них нитки и ленты, чтобы выглядели пошире и попышнее, вам же, прекрасная Аврора, это совершенно ни к чему, ваша коса – чудо Божье!

Аврора лишь повела плечом и поправила косу, и в самом деле, такую толстую и длинную, спускавшуюся ниже колен девушки и отнюдь не истончавшуюся к концу, что от неё невозможно было отвести глаз. «Гордячка!» – Фыркнул про себя Гарет. Он был абсолютно уверен, что сломил бы сопротивление гордой красавицы и соблазнил бы её на раз, но он не имел дела с девственницами, как бы красивы они ни были. Конечно, особых проблем у сына принца, одного из самых богатых людей Острова, из-за девицы пусть и хороших кровей не возникло бы, он легко откупился бы от её родственников, но Гарету эти проблемы были ни к чему. Слезы, упрёки, истерики, шантаж, – он насмотрелся на это, становясь свидетелем отношений своих приятелей и знакомых. Вот Мина Мерфи – идеал! Не красавица, но сочненькая, мягонькая, пышненькая, самый смак – и при том явно не избалованная и очень застенчивая, а значит, преследовать его постесняется. Потрахаёт её, а потом выдаст замуж – вдова же! – и даст хорошее приданое. Гарет искренне считал, что это предел желаний и мечтаний любой женщины. Ну, подарки, конечно же – Гарет Хлоринг любил драгоценности и знал в них толк. Колье из белого золота с тёмными топазами здорово украсит аппетитную нежную шейку, и пойдёт к её карим глазам. Не чуждо ему было и благородство: он намеренно не уделял Мине никакого внимания, чтобы не привлекать к ней лишних глаз и сразу оградить её от сплетен и преследования. Их связь, какой бы по длительности ни была, будет для остальных секретом.

– А если честно, – им накрыли для завтрака один стол, где Гарет и Габи уселись только вдвоём, чтобы поговорить, – ты был в Бургундии?

– Был. – Усмехнулся Гарет. Герцог Бургундский, Жан Бесстрашный, был союзником англичан, и Гарет в самом деле был у него в составе английского посольства. – А кухня у нас по-прежнему отменная! Я такой рульки десять лет не ел!

– Ненавижу рульку. – Скривилась Габи. – Вообще свинину не люблю! А в Бургундии едят свинину?

– Едят. И свинину, и оленину, и фазанов, и кабанину. И многое другое. Лучшая кухня, как всем известно, в Венгрии, но и в Польше, я тебе скажу, умеют покушать... Блюда простые, но вкусные – умереть, не встать! Такую капусту со свиными ножками, какие я ел в польской корчме в Силезии, только во сне теперь и вспомнишь. А что ты так интересуешься Бургундией?

– Смеёшься?! – Воскликнула Габи так громко, что играющие на лютне и арфе Лучиано и Аврора посмотрели на них, не прерывая, правда, игру. – Бургундия – это центр Европы, это цивилизация, это законодательница мод! Изящество, стиль! Наш Остров – фу! Гарет, ты был в Европе, ты видел Бургундию, Тулузу, Венецию! И ты хочешь сказать, что наша помойка хоть как-то сравнится с ними?! Я тебя умоляю!

– Наша, как ты выразилась, помойка, – холодно сказал Гарет, – снилась мне каждую ночь. Я люблю наш Остров.

– А я ненавижу! Холодная, тупая, отсталая, унылая дыра! Настоящие европейцы над нами только смеются! Знаешь, что они про нас говорят?!

– Знаю. – Гарет бросил нож на стол, промокнул губы салфеткой. – Что мы – сброд, сбившийся в кучу со всей Европы. И врут, что мы живём в убогих халупах, спим с овцами и собаками, трахаемся – прости, кузина, – с эльфами и троллями и жрём свиную требуху с отрубями.

– И ничего это не враньё! Я ехала с Тиберием в Хефлинуэлл, и мы по дороге в таких помойках останавливались, что там ещё хуже! И они вовсе нас не презирают, и вовсе не травят, это пропаганда тех, кто пытается нас рассорить, кому это выгодно! При тётином дворе есть европейские послы, они признают, что тётя – образец европейской культуры, и её дворец... Гарет, она меня постоянно зовёт к себе. Говорит, что ко мне сватается пол Европы, и граф Тулузский – в их числе. Тулуза – это же почти что Бургундия!

– Тулуза – это французская провинция. После Альбигойских войн она потеряла и власть, и престиж, и значимость. Нам только и осталось, что породниться с изгоями.

– При чём тут... – Габи надула губы. – Мне вообще до политики дела нет! Что плохого в том, что я мечтаю о тёплом юге, о красивой жизни, красивых людях, о цивилизации?! Тётя пишет, что я красивая и юная, и могу выбирать то, что хочется, а не то, что придётся!

– Я бы тоже хотел, но не могу. – У Гарета совсем испортилось настроение. – А королева-то с письмами этими хороша, а?!

– Что?! Ну, что?! – Обиделась Габи, ломая печенье длинными изящными пальцами. – Она хочет мне добра, она одна только и хочет его мне! Да дядя, бедный дядя, он вообще о себе не думает, – Габи в самом деле любила его высочество, и Гарет многое готов был ей за это простить, – заботится обо всех, а о нём – никто... Гарет, я так его жалею! Я так хочу ему помочь! Зачем вы поссорились?.. Ведь все, кроме тебя, понимают, что...

– Габи! – Гарет резко встал, толкнув стол, и тот опасно качнулся, посуда зазвенела, вино плеснуло на скатерть. – Ни слова о моём брате, ясно?! – И Габи, встретив его пытающий красным взгляд, поёжилась. – Иначе поссоримся и с тобой!..

Девочек утром подняли ворчание и маты Доктора, проверяющего больных. Он носил с собой гибкую тяжёлую палку, гладкую, обтянутую кожей, с петлёй для руки; удары этой палки сыпались на беременных девушек, хоть те и не провинились абсолютно ни в чём, просто потому, что у Доктора с утра было дурное настроение. Впрочем, если у него было хорошее, было ещё хуже, потому, что в таком случае он не бил, а забавлялся. Все его забавы были извращенные и исключительно поганые и все причиняли боль, поэтому лучше уж, когда он просто бил.

Обследовав больных, Доктор переключился на Девичник. Девочкам приказано было по двое идти в нужник на клизму, потом мыться в бассейне, показаться ему, позволить рабыням

причесать их, поесть и занять своё место на верхней ступеньке над бассейном, как положено, на коленях. Им запрещено было не только переговариваться, но даже переглядываться. Вскоре пришёл Приют; до обеда они развлекались с новенькими, не обращая ни малейшего внимания на их синяки и кровоподтёки. Парни чувствовали себя в Девичнике вольготно. Бассейн здесь был меньше, чем у них, в Домашнем Приюте, но зато более удобный и тёплый; на его ступенях можно было очень комфортно устроиться с Чухой, угощением и лёгким вином – другого им не полагалось, да и это они получали только здесь, в Девичнике. Доктор добавлял в него какие-то возбуждающие средства, и Приют с огромным удовольствием шёл и за этим допингом в том числе. Они бездельничали, пили и развлекались, потягивая вино и тиская девочек. В такие минуты они были вполне довольны собой и своей жизнью, и прежде так было и с Гором – а теперь ему мешало присутствие Марии, было для него, как бельмо в глазу, как кость в горле. Девушка стояла на коленях, под которыми натекла и запеклась небольшая лужица крови, и он, заметив это, быстро подошёл, увидел стекло, и заорал:

– Какого чёрта, Клизма, ты ей стекла насыпал?! Она же кровью истечёт! Убрать, живо! Придурок тупой, клизма волосатая... Мне не надо, чтобы она сдохла, мне надо, чтобы она стала нормальной Чухой!

– Не станет она нормальной. – Возразил Доктор, с ненавистью глядя на Марию. – Я тебе говорю. Эта дура, их Мамаша, или совсем свихнулась, или лишний дукат захотела; эта тварь – не для Девичника, она для Галереи. Паскуда вонючая, тварь поганая!

– Я не паскуда! – Собрав все силы, хрипло закричала Мария. – Это ты! Ты паскуда, ты – тварь!

– Чего-о?! – Задохнулся Доктор. – Это ты – мне?! Ах, ты... Он рванулся к ней, и Мария – и как только исхитрилась освободить руку?! – вцепилась ногтями ему в лицо. Доктор заорал, а Гор медлил, глядя на него с нескрываемым злорадством.

– Убери её! – Орал Доктор. – Убери её, она сейчас мне глаз вырвет!

Гор стиснул руку Марии, и та вынуждена была разжать пальцы в его железной хватке. Веки Доктора были в крови, он выл от боли и ярости:

– Мой глаз! Мой Глаз!!!

– Гор, это, надо что-то с нею делать! – Серьёзно сказал Арес. – Она же бешеная, в натуре бешеная!

– Стой! – Гор остановил Доктора. – Ты что, не видишь, она специально нарывается?! Она сдохнуть решила... – Он с ненавистью глянул на Марию. Сам он всерьёз боялся даже прикасаться к ней, его пугала сила собственных ярости и ненависти, он боялся не сдержаться и убить ее. «Я докажу тебе! – Безмолвно, но со страстью, возопил он внутри себя. – Я докажу тебе, тварь, что ты – никто! Что ты просто Чуха, тупая, злобная скотина, и все!!!».

– За кого, говоришь, она заступалась? – Спросил он Доктора, который успел ему наябедничать.

– За губатую! – Доктор только что не облизывался от предвкушения, почувствовав ярость и злобу Гора, и приписав ее нападению Марии на него, Доктора. Значит, он Гору не безразличен, вовсе нет! Доктор чуть ли не пел и не рыдал от счастья.

– За эту? – Гор подошел к Трисс, взял ее за волосы и посмотрел в посеревшее от ужаса лицо с расширившимися и почерневшими глазами. – Отлично. – Он посмотрел на Марию – Будешь еще болтать – я отрежу язык ей. Откажешься делать то, что мы хотим – буду бить ее. Оцарапаешь кого-нибудь – ногти ей вырву. И как тебе? Как тебе, сука?! – Повысил он голос, чувствуя, как от ярости сжимаются кулаки и кривятся губы, а по скулам бегают желваки. – Ради подружки сделаешь все, что я хочу?!

Мария сжалась, по щекам потекли слезы.

– Ну?! – Повысил голос Гор, потрянув Трисс так, что она вскрикнула. Мария опустила голову и кивнула. И Гор застыл. Он настолько был уверен, что Чуха не способна на такое бла-

городство, настолько верил в свое превосходство над нею, тупой, ничтожной, что не сомневался ни секунды, что та откажется. Она должна была отказаться! Обязана была отказаться, черт побери!!! И тогда он плюнул бы ей в лицо, унизив своим презрением, и отдал бы ее Доктору – пусть хоть убивает, теперь уже все равно.

Но она согласилась. Дрожа, рыдая от унижения и отвращения, она встала на колени перед Аресом, и Гор видел, чего ей стоило сделать то, что от нее требовали – как ломалась и корчилась ее гордость, как нестерпимо-стыдно и противно ей было. Она не плакала, когда ее били, но теперь, вынужденная унижаться, она уже не сдерживала и не прятала слез, не в силах совладать со своим лицом, кривившимся от отвращения, и с дрожью омерзения и стыда. Гор стоял и смотрел, забыв обо всем на свете, и если бы все присутствующие не были так поглощены происходящим, если бы и Доктор, и его парни не спешили бы отомстить Марии за непокорность, на перебой хватая ее, и кто-нибудь посмотрел бы на него, то не узнал бы вожака Приюта. Ибо Гор стоял и плакал. Его точно так же, как Марию, в этот момент корежило и терзало чувство стыда, отвращения и ужаса. Вся его ненависть, вся ярость обратились вовнутрь, на него самого, слезы, которых он не знал уже больше десяти лет, жгли глаза и щеки, но не сильнее, чем жгло отвращение к себе самому. Грудь сдавило ощущение катастрофы, Гор почувствовал, как из груди рвется вопль: «Оставьте ее!!!» – и он, очнувшись и осознав, что происходит, рванул прочь из Девичника, чего остальные в первый момент даже не заметили.

И долго потом он сидел в темноте, на краю колодца, обхватив голову руками и сотрясаясь от сухих рыданий. Ему хотелось кричать, и он кусал губы до крови, чтобы не привлекать внимания.

Видимо, это было в нем всегда – осталось с тех времен, когда он был добрым, смелым и благородным мальчиком, – просто он прятал это под наносным слоем жестокости и безразличия. Сломал себя, заставил смотреть на все вокруг не своими глазами, достиг какого-никакого комфорта, мира с самим собой, и вот все рухнуло. Гор всегда чувствовал, насколько хрупко его равновесие, и теперь понимал, что с самого начала именно этого и боялся. Он жалел, что не дал Доктору сразу убить Марию, и в то же время понимал, что этого было не избежать. Даже странно, что это не случилось раньше... Гор вновь вспомнил Гефеста, который был вожаком Приюта до него. Тот забрал Гору из Конюшни, выходил, откормил, стал ему другом... Последним другом здесь. И однажды при всех, перед очередной оргией, сломал шею девочке, которую приготовили для расправы, и сказал громко: «Теперь она в раю, а вы в дерьме». Его убили за это... Долго, долго и мучительно убивали. Гор тогда возненавидел Чух по-настоящему, терять Гефеста было так невыносимо-больно! Чувствуя, что остается совсем один, он сходил с ума, рвал и метал... И теперь это вспомнилось – но теперь он Гефеста не осуждал и девчонку ту не ненавидел. Если бы он был таким, как ему хотелось, то убил бы Марию в первый же день и умер бы сам. Потому, что как теперь жить?.. Он теперь не сможет исполнять свои обязанности так же хорошо, как прежде, ибо прежде он верил в то, что делал, теперь же все это вызывало в нем отвращение. И свобода больше не казалась такой желанной – ее пленительный свет померк. Никакая свобода не поможет ему забыть то, что он сделал! Совсем, как те, кого он всю жизнь ненавидел и презирал, он поступил с Марией совсем, как они! *Он стал таким же*, а может, даже хуже. Он уже не сможет насиловать девчонок, особенно Марию – к ней он и вовсе больше не притронется на за что. Разве что... Гор замер. Да. Он это сделает. Он убьет ее и себя. Избавит ее от кошмара, который начался для нее теперь, а себя – от мук совести и безнадежности. Все равно он больше не сможет притворяться, ему просто незачем притворяться и насиловать себя. Едва он так решил, как ему стало легче. Всем сердцем устремившись к своей новой цели, Гор успокоился, взял себя в руки и пошел обратно в Девичник.

Марии казалось, что это никогда не кончится – но когда она начала терять сознание, её оставили, наконец, в покое, и Приют отправился обедать. Доктор поставил ей клеймо и прика-

зал вымыть и причесать. Мария была, словно во сне. То и дело она начинала падать, ей совали под нос какую-то вонючую дрянь и продолжали ухаживать. Что-то говорил Доктор, но Мария его не слышала, не понимала в полубреду. Когда ей позволили наконец лечь, она с облегчением провалилась в черноту. И не видела, как в Девичник пришли гости – мужчины в богатой одежде и масках, полностью скрывающих лицо, как выбрали себе девочек и объяснили, что им нужно – один потребовал, чтобы черноволосую девочку нарядили монашкой, а второй захотел фею со светлыми волосами. Выбранных девочек натёрли какой-то мазью, приятно и возбуждающе пахнущей, накапали в глаза сок белладонны, чтобы оживить потухший взгляд. Потом вернулись Гор, Локи и Янус с Аресом; Эрота и Ашура тоже кто-то купил. Гор пошёл взглянуть на Марию, предупредил Доктора, чтобы тот не калечил её и не избивал больше положенного, и вскоре куда-то ушёл, а остальные провели здесь время до вечера. Охранники приволокли вечером выбранных девочек, избитых, с кровоподтёками и ожогами, и Доктор занялся ими. К этому моменту девочки безумно устали и еле держались на ногах, но за это время уже усвоили, что любая смена позы чревата побоями, поэтому терпели изо всех сил. В сумерках над ними еще поиздевался Доктор, понимая, как они устали, и как ждут покоя, как он им нужен, этот покой, он еще куражился, прохаживался, поигрывая палкой и то и дело охаживая ею кого-нибудь из них. Но все кончается – кончилось и это. Наконец-то их, помыв и покормив, отпустили в их стойла... Они рухнули без сил, кто-то тихо плакал, но в целом стояла полная тишина. Всем новеньким, без исключения, страшно было даже подумать, что теперь это вся их жизнь – изо дня в день, из недели в неделю, без всякой надежды и всякого избавления.

В тот же день Приют, наконец, забрал Розу: ей выпала честь стать их личной Чухой, и жить в Приюте, в отдельном стойле. Вот только Роза не подозревала, что это честь, и визжала и рыдала так же, как все остальные. Если вдуматься, то Розе на самом деле повезло, только она этого не знала. Уже одно то, что она была избавлена от Доктора, остальные девочки посчитали бы чудом и счастьем, а ведь её ещё и не продавали гостям! Её насиловали только пятеро обитателей Приюта – Гор отказался, правдоподобно списав это на свое нежелание этой Чухи в Приюте изначально. Но она не знала о своём счастье, и страдала страшно. Она была слабой девочкой, и физически, и морально, и то и дело срывалась в истерику, что только бесило Приют. Как и предупреждал Гор, её красота заключалась в сияющих глазах, нежной коже и пышных волосах; как только её начали насиловать и бить, с неё всё это слетело, как пыльца с крылышек бабочки, и на первый план проступили не очень ровные зубы, чуть скошенный подбородок, короткая шея и некрасивые грудь и спина. Гор заявил, что они сами её выбрали, а он их предупреждал; и наотрез отказался просить о замене. Да и не могло быть никакой замены – личная Чуха и так была привилегией, которую Хозяин то и дело отнимал за любую провинность. Теоретически Гор мог поменять Розу на девушку с прошлого Привоза, но те уже давно превратились в зомби, и не привлекали парней совершенно. Само собой, злясь на себя и на Гора, отыгрывался Приют на Розе. Тем более, что три дня спустя, когда у новеньких зажили синяки, их выставили для гостей, и Приют теперь мог посещать Девичник не чаще двух раз в неделю.

Как обычно после Привоза, гостей было много. Все хотели попробовать «свежее мясо», и в Садах Мечты был аншлаг. Даже Гор, которого купить было баснословно дорого, в эти дни был занят. Гости, способных заплатить за него пятьсот золотых, было всего двое: дама Бель и Гелиогабал. Но помимо этого, Гор участвовал в боях, когда ему приходилось бороться с другими полукровками, не уступающими ему в росте и физических данных, и даже с животными. Оружия, естественно, им в руки не давали никакого; но Гор отлично научился обходиться и без него. Он боролся с охранниками Хозяина, с Аресом и почти таким же сильным Ашуром, с собаками, и на его теле было немало отметин от собачьих зубов помимо следов от плетей и калёного железа. Это были бои всерьёз, и Гор был пока единственным, кто выжил в них во всех.

Первой пожаловала дама Бель, женщина, на взгляд двадцатитрехлетнего юноши, преклонных годов, то есть, лет сорока-пятидесяти, но при том прекрасно сложенная, сохранившая фигуру нерожавшей девушки, и с такими синими глазами, что они сияли, как сапфиры, сквозь прорези маски. Гор давным-давно, раз и навсегда, усвоил с гостями и Хозяином холодный, безразличный, грубовато-наглый тон, и не изменял ему, что бы ни случилось, и перед кем бы он ни оказывался. Все требования гостей он исполнял неукоснительно и холодно, была ли это дама Бель или извращенец Гелиогабал, обожавший смотреть, как Гор насилует мальчиков. Для более нежных созданий деликатного пола Гор был слишком высок, холоден, нагл и силен. И его это устраивало. Подросток, которого избивали и унижали, остался в прошлом, и Гор не хотел его воскрешать. Этот подросток когда-то страшно страдал от насилия и связанного с ним унижения, и придумал вот такую манеру, которая была его последним рубежом, и который он не перешёл бы даже под страхом смерти. В своё время Хозяин встал перед дилеммой: уничтожить строптивого полукровка, или всё же предоставить ему некоторые вольности, и он предпочёл второй вариант. Гор тоже благоразумно пошёл на кое-какие уступки, и до сих пор они вполне приемлемо сосуществовали. Гор не вставал на колени, разговаривая с Хозяином или гостями, не позволял лапать себя и не участвовал ни в каких играх, кроме борьбы; но, с другой стороны, он содержал Приют, Девичник и Конюшню так, что лучше и придумать было нельзя. Он ввёл кое-какие собственные нововведения, навёл образцовый порядок, и вот уже три года, с тех пор, как он стал вожаком, Сады Мечты существовали словно бы сами по себе, без происшествий, срывов и проблем. Мясо умирало реже и служило дольше, не было ни попыток побега, ни самоубийств, ни срывов. Дошло до того, что стражники, которых Хозяин набирал из бывших обитателей Приюта, перестали показываться в коридорах Садов днём, не караулили в Девичнике, не дежурили на кухне. Не было нужды, потому, что не было происшествий. Правда, как всегда в таких случаях, всем, в том числе и Хозяину, казалось, что это происходит само по себе, и он давно уже не замечал заслуг Гора, уверенный, что всё это – целиком заслуга его самого и системы, которую он создал.

А вот Гор знал, чего это ему стоило. Он обладал мощнейшими лидерскими качествами, тем, что в более позднее время будут называть харизмой, был умён и осторожен, отважен, отлично научился владеть собой, скрывать свои чувства и намерения, умел, если нужно, проявить жестокость и решительность, презирал боль и слабость. Он был доволен собой и гордился тем, как изменил мир вокруг себя. И не ожидал, что из-за какой-то Чухи мир этот начнёт рушиться, и сам он окажется на грани гибели... Ведь, не смотря ни на что, дурным и озлобленным Гор так и не стал, сохранив живую душу и горячее сердце. От природы он был прям и честен, и эти прямота и честность вкупе с врождённым благородством и мужеством, заставили его признать в Марии достоинство и живую душу, и больше уже он не мог жить и действовать так же, как прежде. Дольше всего и тяжелее всего Гору в своё время давалась борьба с жалостью. Он всегда жалел всех, кто был слабее, уязвимее, чем он сам. Всякие чудики, странные и хрупкие создания находили в нём заступника и опекуна; и жалость к девушкам была для него самой большой и опасной проблемой. Хозяин отлично сознавал, как опасны взаимные чувства меж его рабами, и бдительно выслеживал малейшие признаки их проявлений. Юноше, заподозренному в симпатии к какой-то конкретной Чухе, приказывалось забить её до смерти. Если он отказывался, её жестоко убивали у него на глазах, а его самого казнили, и тоже... весьма изобретательно и показательно. Гор уже не единожды становился свидетелем подобных расправ; но страх смерти его бы никогда не остановил сам по себе.

Как Гор и предвидел, Мария понравилась гостям настолько, что все хотели именно ее, и Хозяин назначил за нее небывалую до сих пор для девушки цену: пятьдесят золотых дукатов. Но даже эта сумма не отпугнула желающих, и в первый же день, как ее «выставили», Марии досталось так, что в Девичник ее принесли чуть живой. В этот день Гор понял, что тянуть

нельзя, и ночью, дождавшись, пока Приют заснет, осторожно выскользнул за дверь, прихватив самодельную заточку и еще кое-что.

Коридоры Садов Мечты были намеренно запутанными, изобилующими тупиками, в большинстве своём узкими и тёмными. Огня здесь никогда не зажигали. Ночью всякая жизнь в Садах Мечты вообще умирала. Если в обычных борделях это был самый пик, то в Сады Мечты гости приходили к полудню и уходили в сумерках. Доктор ещё до ухода гостей запирался в своих покоях, и никакая сила не могла до восхода солнца выманить его оттуда. Только никто в Садах Мечты, кроме Гора, этого не знал... И коридоров Садов Мечты так досконально, как он, пожалуй, тоже никто не изучил. Гор несколько раз пытался бежать, и однажды почти месяц прятался в этих коридорах, в будуарах и даже в Галерее, питался сырыми крысами и пытался отыскать выход – тщетно. Его в конце концов поймали, и жестоко наказали за побег; но зато он с тех пор знал каждый уголок башни, пожалуй, едва ли не лучше, чем сам Хозяин. В ней было что-то... жуткое. Жутью дышало из колодцев. В поисках выхода Гор как-то проследил за процессией, состоявшей из самого Хозяина, мрачной тощей женщины в чёрном – Госпожи, – двух неизменных охранников и двух подростков, мальчика и девочки. Они спустились по винтовой лестнице глубоко в недра скалы, на которой стояла башня. Лестница кончилась площадкой без перил, освещённой зеленоватым вонючим пламенем, пылавшим в каменной чаше, а за площадкой угадывалась бездна, в которой, как показалось Гору, было нечто. Госпожа, произнося какие-то непонятные слова, нарисовала на обнажённых телах подростков какие-то чёрные знаки, которые вдруг вспыхнули таким же зелёным огнём. Дети закричали, вырываясь, и из бездны им ответил звук, от которого Гора всего скрутило: звук, похожий на скрежет железа по стеклу. Охранники швырнули визжащих детей туда, в бездну, и Гор опрометью бросился прочь, подгоняемый нестерпимым ужасом: он боялся услышать, и по звуку понять, что там происходит.

Помимо ужаса, обитавшего в недрах скалы, в Садах Мечты было что-то ещё. Гор не видел, что именно, но во время своих блужданий не раз слышал: шелест и скрип, шлёпанье и скрежет, клцанье когтей по камню, рычание и хрип... Гор был отважен, но ночных коридоров боялся даже он. И в эту ночь в Девичник пошёл, преодолевая нешуточный страх, то и дело замирая и напряжённо прислушиваясь и приносясь, и сжимая в руке самодельную заточку.

– Рим недоволен вами, ваше высокопреосвященство. – Говорил мастер Дрэд, мягко, даже словно бы извиняясь, близорукие глаза доброго чудака сочувственно смотрели на кардинала, который, тем не менее, не выказывал никаких признаков раскаяния или тревоги. Знает, что за ним – весь Норвежский Север и половина Элиота, включая королеву! А если их Седрик женится на Габриэлле Ульвен – то и вовсе вся их семейка станет почти неуязвима...

Но в том-то и дело, что – почти.

– Вы совсем не работаете в пойме Ригины.

– В пойме Ригины сложно работать чужакам. Это анклав в сердце эльфийского леса, каждый чужак на виду.

– Подключите местных. Мне ли вас учить!

– Местные любят его высочество и почитают Хлорингов.

– И это плохо!

– Но это естественно. Там люди живут безопасно и хорошо, отличные дороги, никаких грабителей и банд, зажиточные крестьяне, богатые деревни...

– Это не может и не должно быть так! – Твёрдо сказал Дрэд. – Ибо процветание возможно только в лоне истинной церкви, процветание же еретиков и отступников есть нонсенс и вредит церкви, а значит, противно Богу!

– Его высочество – добрый католик. Я не раз прежде беседовал с ним и исповедовал его.

– Добрый католик не может иметь сына-полукровку, ибо никогда не свяжет себя какими-либо узами с нелюдьё. Добрый католик не может осуждать святую Инквизицию, и открыто препятствовать ей на этом несчастном Острове!

– Увы, элодисцы – не единственные, кто не видит света истины и препятствует торжеству веры в лице инквизиции. Этого не хотят на Русском Севере, и даже в Далвегане, не смотря на их показное рвение, делиться властью не желают. Я уж не говорю о королеве... Её нельзя сбрасывать со счетов, её политическая слабость – мнимая. Изабелла, как кошка, всегда падает на все четыре лапы, и как кошка же, хитра и изворотлива. Найдёт дыру там, где и не чаяли, и пролезет туда, оставив всех с носом.

– Его высочество – это, конечно, особая статья. – Помолчав, сказал Дрэд. – Хотя на свете нет совершенных людей, его высочество – истинный человек возрождения. Я даже не попытаюсь как-то принизить эту роль. Я понимаю, что он любим своими подданными, и даже мятежное Междуречье медлит именно потому, что речь идёт о нём. Говорят, он очень сильно болен?

– У него был удар, впрочем, довольно давно.

– Но удар – это же приговор.

– Не понимаю вас. – Холодно сказал кардинал, глаза стали холодными, как два кусочка серого льда. Он тоже любил Гарольда Хлоринга. Его нельзя было не любить; это и в самом деле был прекрасный человек, против которого нельзя было сказать ничего. Рыцарь без страха и упрёка, блестящий ум, начитанный, образованный, тонкий... Слишком тонкий. Ему не следовало быть политиком, он и не был им – никогда. Это знали все, и даже его враги всегда оговаривались: «Конечно, лично против его высочества мы ничего не имеем!».

Дрэд знал и это, и то, что кардинал считал Гарольда Хлоринга своим другом. Поэтому заговорил мягко, почти вкрадчиво:

– Удар – это неизлечимо. Господь был милосерден к нему, несомненно вполне заслуженно, и его высочество не был ни убит, ни даже парализован... Но мы же с вами понимаем, что это лишь отсрочка.

– Все мы умрём.

– Да, да... все мы в руках Божьих! Вы знаете, до меня дошли слухи, будто в некоторых церковных кругах идёт речь о том, чтобы признать крещение, а стало быть, и брак эльфийки Лары Ол Таэр недействительным, а её сына – бастардом...

– Её крестил я. – Совсем холодно напомнил кардинал. – И венчал их тоже я.

– Да... да. – Дрэд помедлил, сцепив пальцы. – Я прямо так и заявил: это невозможно. Это решило бы некоторые проблемы – не так ли?... Но это невозможно.

– Особенно, если не забывать, что Гарет Хлоринг не только родственник, но и фаворит датского короля, весьма дружен с герцогом Ланкастером, и получил рыцарский орден из рук кардинала Бенцони.

– Да... да. – Покивал головой Дрэд. – Конечно. Это следует учитывать, даже орден, да, да. Но ведь этот молодой человек – полукровка. А полукровки, как это признано всеми, существа изначально порочные и не умеющие контролировать свои страсти... Что, если он решит, будто отец мешает ему? Что, если он захочет власти прямо сейчас? Как вы думаете, простят ли ему смерть его высочества, столь любимого всеми, столь... уважаемого?

– Я не верю в это. – Помолчав, сказал кардинал. – И никто, я полагаю, не поверит.

– О! – Усмехнулся Дрэд. – Люди так легковёрны... казалось бы, абсурд, невозможно – а люди верят... Уж вы-то должны знать это, как никто другой. Порой малейшего слуха довольно...

Кардинал промолчал, глядя на Дрэда колючими серыми глазами. «Я тебя насквозь вижу. – Думал Дрэд. – Вы всё-таки надумали женить Хлоринга на своей бастардке! Но это не входит в мои планы, да, да. Юные девочки так часто умирают до свадьбы!.. И становятся ангелами-хранителями своих родных. Так трогательно!».

«Думаешь, сможешь помешать мне, крыса Римская? – Думал кардинал, чувствуя холодную ярость. – Угрожаешь мне, угрожаешь моему другу, плетёшь интриги за моей спиной... Ты чужой здесь, и ты ничего не сможешь против нас! Какого чёрта тебе вообще здесь надо, упырь?.. Чего ты хочешь от нашего Острова?..».

– Может быть, отобедаете со мной? – Мило улыбнулся Дрэд. – Трапезничаю я скромно, хоть день и скоромный, но для дорогого гостя найдётся и что-нибудь поизысканней...

– Благодарю, но – нет. – Приподнял руку кардинал. – Я, знаете ли, тоже предпочитаю умеренность во всём. Да и возраст мешает предаваться излишествам... Мой повар готовит мне специальные блюда, которые только и может вынести мой желудок.

– Да, возраст, да, да... – Покивал головой Дрэд, ласково глядя на кардинала, но про себя ненавидя его искренней ненавистью. С не меньшей ненавистью вежливо и даже сердечно прощался с ним кардинал. Секретарь-доминиканец созерцал этот карнавал неслыханной благожелательности с усмешкой в латинских глазах.

Мина Мерфи весь день после визита Гарета Хлоринга была сама не своя. Его взгляд пробрал её до самых печёнок, она не знала, куда девать себя, пока он на неё смотрел. Потом, правда, он совершенно перестал её замечать, и молодая женщина, вместо того, чтобы обрадоваться этому, почему-то страшно расстроилась и почувствовала себя разочарованной. Даже попеняла себе: размечталась, серая куропаточка! Это птица не твоего полёта! Но какая птица!.. Гарет ушёл, о чём-то чуть не поссорившись с графиней, и дамы тут же стали вполголоса передавать друг другу две основные версии: по одной, они поссорились из-за того, что покои Гарета были не готовы к его возвращению, он застал там страшный бардак, даже камин был холодный – «вы представляете, какой скандал?!», и молодой Хлоринг сделал кухне выволочку без свидетелей. По второй версии – кто-то, видимо, всё-таки обладал хорошим слухом, – графиня что-то сказала о пропавшем брате Гарета, и тот осадил её, и очень резко.

– Неужели он в самом деле собирается его искать? – Недоумевали дамы и рыцари. – После стольких лет, после стольких поисков его высочества! Быть того не может, ведь всё давно ясно!

– Вы не ошиблись, дама Лемель? – Рискнула обратиться к Авроре Мина. – Ведь это так...

– Нет, не ошиблась. – Повела плечом Аврора. – Они заговорили о брате его светлости, и он резко осадил свою кузину. Сказал, что если она хоть слово ещё скажет о его брате, они поссорятся.

– Наверное, ему просто больно говорить об этом. – Рискнула предположить Мина. Есть такой тип людей – и мужчин в не меньшей мере, нежели женщин, – которые, в глубине души сознавая, что объект их желания слишком хорош для них, стараются выискать в нём изъян, что-то такое, что будет отталкивать от него обычных людей, а его, (её), образец благородства, не оттолкнёт, а напротив. И тогда их кумир, потрясённый и благодарный им по гроб жизни, станет со всеми потрохами принадлежать им одним. И это вовсе не в упрек им – просто все мечтают и о счастье, и о какой-то гарантии это счастье не только получить, но и сохранить. Хотя бы и так. Для Мины Мерфи, которая отдавала себе отчёт только в том, что никогда и ни за что не хотела бы себе такого любовника, как Гарет Хлоринг, вполне понимала, что ей и думать о нём не следует, таким изъяном показала себя его безнадёжная любовь к брату. Погибшему давным-давно. Все осуждают его, – думала Мина, работая над сложной вышивкой у ажурного окна, – но разве это вообще можно осуждать?.. Они ведь были близнецами, для него, бедняжки, это был самый близкий человек... Нет, она не думала – сознательно, – что на самом деле ищет для себя причину любить Гарета и надеяться на что-то. Она считала, что просто... просто по-человечески ему сочувствует. Он ведь даже не посмотрел на неё, уходя. Зато уделил столько внимания Авроре! И есть, за что. – Должна была признать себе Мина. Красавица, яркая, статная, гордая... Из небогатой семьи, но всегда с таким вкусом одетая! А её волосы, о-о-о! Такой роскоши нет и у королевы! И какие бы шляпки и украшения не накручивали себе остальные

дамы, Аврора всех их затмевает простой косой – какой косой! – Мина думала об этом и таяла от собственного благородства. Ведь она не ненавидит свою соперницу, а восхищается ею – ещё бы, она ведь справедлива и реально смотрит на вещи... Наслаждаясь своей справедливостью, Мина весь остаток дня старалась быть поближе к Авроре, которая не особенно благодарна была за такое внимание, но и не избегала его. У девушки не было здесь подруг: во-первых, она была очень красива и горда, во-вторых, много читала, а Габи, не читавшая ничего, и большинство её дам, читавших редко и мало, считали, что она просто «выделяется», ведь чтение – это такая скука! И в – третьих, её не любила Габи, а уделять внимание тем, кто вызвал недовольство Габриэллы – значило вызвать огонь и на себя. Мина Мерфи, вдруг вспыхавшая к Авроре симпатией, была девушке не совсем понятна, но ничего против общения с нею Аврора не имела. Тем более, что Мина, как оказалось, тоже читала, хоть и не так много, как Аврора, и им было, что обсудить. Неизбежно разговор зашёл о Гарете – о нём сегодня здесь говорили все. И Аврора сказала, привычно дёрнув красивым плечом:

– Красивый, мерзавец. Но такой самовлюблённый, просто ужас!

– Вам так показалось? – Помрачнела Мина. Ей хотелось бы думать, что Гарет Хлоринг недооценивает себя.

– Давай на ты? Я не так уж и младше тебя. – Младше шестнадцатилетняя Аврора была Миной ровно на десять лет, но решила сделать той комплимент. – Разве это незаметно?.. Он уверен, что неотразим, и, увы, прав. Он неотразим. Наглый, обаятельный, неотразимый мерзавец.

– Он так мил...

– Не были бы они такими милыми, разве были бы они так опасны для нас, девушек?.. Ох, прости, Мина, ты же замужем... вдова, верно?.. Прошу прощения, я...

– Я давно перестала оплакивать своего Мерфи. – Мина успокаивающе положила ладонь на руку Авроры. – Не думай, что разбередила старую рану. Да, это было ужасно... Он был такой молодой, и попался этому кабану... Я очень тогда горевала, даже болела. Но это прошло, и могу об этом говорить, и слушать. Всё в порядке!

– А ваши детки?..

– Я была беременна, но скинула ребёнка, из-за шока. Когда я его увидела... хоть его и обмыли, и привели в порядок...

– Ой! – Аврора закрыла губы рукой. – Ой, наверное, это было... ах, прости, Мина, я не хотела! Сколько же ты пережила, бедняжка?!

– Спасибо его высочеству. – Мина при воспоминании о том страшном дне чуть побледнела, но и улыбнулась. – Я так ему благодарна! Он прислал мне письмо, где выразил соболезнование и пригласил в Хефлинуэлл, чтобы я не чувствовала себя одинокой... Обещал своё покровительство. Если бы не это, родные отдали бы меня в монастырь. Я ведь всего лишилась. Имение мужа переходило наследнику мужского пола, женщине в правах наследования в их семье отказано.

– Его высочество, – с искренним благоговением признала и Аврора, – просто святой. Я так ему благодарна, так его уважаю! Так жаль, что он болен... Так жаль!

– О, да. – Вздохнула Мина, склоняясь над шитьём. – Я ещё помню, какие пиры и турниры устраивались здесь... Я была маленькой, мне было лет двенадцать, меня только-только начали вывозить в гости, мы приехали в Хефлинуэлл с покойным батюшкой, и словно в сказку попали. Я до сих пор вижу фейерверк над Ригиной, это так волшебное! Столько было цветов, такие были красивые столы... И его высочество, прекрасный, как сказочный принц, и его сын, тоже прекрасный... – Мина покачала головой. – Жаль, что всё кончилось вот так.

– Я слышала, – Аврора от волнения уколола палец и, ойкнув, пососала его, – что удар хватил его высочество из-за самозванца?

– Да. Я тогда только прибыла к его двору, в трауре ещё ходила. Это было... Года два назад?... Да... осенью, ещё до Михайлова дня. Появился молодой человек, высокий такой, полукровка, я видела его мельком. Черноволосый, голубоглазый. Заявил, что он и есть пропавший сын его высочества, показал родинки на руке, ожог на плече. И шрам, у младшего сына его высочества должен быть шрам на губе, брат случайно уронил на него котёл с кипятком, и разбил лицо, и обварил плечо... Такая страшная история. У этого юноши всё было, как надо. Его высочество обрадовался, приказал готовить пир, собрался писать сыну в Европу, он был так счастлив, так счастлив! – У Мины задрожал голос. – Сэр Тиберий с самого начала был против, настоял, чтобы самозваного принца показали врачу, и тот сказал, что ожогу не больше полугода, и шраму на губе – примерно столько же, а родинки – татуировка. Вот тогда и случилось это... страшное.

– Боже, какая жестокость! – Искренне воскликнула Аврора. – Так сыграть на чувствах несчастного отца, и ради чего?! Ради денег!

– Ради богатства и титула люди готовы пойти и не на такое. – Возразила Мина. – Этот самозванец мог бы, страшно подумать, чего натворить! Избавиться от его высочества и Гарета, и стать единоличным наследником трона! Слава Господу, у него ничего не вышло! Но здоровья его высочеству уже никто не вернёт. Так же, как и радость в его сердце, и веселье в этот замок.

– Я не думаю, что Гарет Хлоринг будет вести затворнический образ жизни. – Хмыкнула Аврора. – Он не из тех, о, нет! Вот увидишь, что здесь будет если и не так, как прежде, но и не так, как теперь. Такие, как он, тихо жить не умеют.

Мина, вроде бы, и поверила своей новой приятельнице, но в то же время верить ей не хотела. В её мечтах они жили именно тихо. Вернувшись к себе в комнату, Мина села к окошку, уже в домашнем платье – робб, с волосами распущенными и уложенными служанкой в сеточку. Села, и принялась мечтать... В её мечтах Гарет лишился титула и денег, попал в темницу, она спасла его оттуда, увезла на север, в некий замок, который, видимо, остался собственностью Хлорингов потому, что был очень скромным и бедным, и там они вдвоём... Мина мечтала, кстати, и о том, что Гарет частично лишился своей красоты. Стал, к примеру, хромым. Сильно хромым. И руку повредил. Не совсем потерял – всё-таки, безрукий муж – это... Но повредил. Так, что нужен стал одной Мине. И тогда они с ним зажили счастливо и мирно. Такие вот мечты.

В разгар её мечтаний постучала служанка, общая на этаж, и сказала, что к ней господин. Мина, волнуясь, вышла, и увидела итальянца, спутника Гарета. Не красавец, но яркий, харизматичный, со светлыми пронзительными глазами и опасной улыбкой, он с нездешней вежливостью поклонился Мине:

– Сеньора Мерфи?... Вы совсем итальянка, темноглазая, белла, белла донна Мерфи! Меня прислал мой патрон, сеньор Хлоринг, с комплиментом прекрасной сеньоре. – Он с новым поклоном вручил Мине плоскую шкатулочку. Она открыла и ахнула:

– Я... я не могу это взять! Заберите! – Но итальянец поклонился вновь, прижав руку к сердцу:

– Не могу! Скузи, прекрасная сеньора, прошу прощения, я не могу, не имею права вернуться к патрону с этим, он решит, что я не выполнил его приказ, мой патрон в гневе – о-о-о! Если вы хотите вернуть патрону это, сделайте это сами! И умоляю, не доверяйте слугам – вещь безумно дорогая.

– Я знаю... – Мина с тоской рассматривала ожерелье с тёмными топазами, глубокими, сияющими, сочными... прекрасными. – Но я не могу принять, и пойти туда не могу, это же...

– О, не волнуйтесь! Никто не будет в известности, слово чести! Вот ключ, прекрасная сеньора, от калитки во внутренней стене, и если вы появитесь там, вас встретят и проведут к моему патрону. Наденьте маску, тёмный плащ, и ни одна живая душа не опознает вас, а от

меня никто ничего не узнает, клянусь честью! Если сегодня вы не принесёте подарок обратно, патрон будет считать, что он принят, и вы...

– Я принесу! – Быстро сказала Мина, забирая ключ и краснея. – Я... я не такая! Может, в Европе женщины и готовы были на всё, как только им свистнут, то здесь – нет! Я отнесу вашему хозяину подарок, и я... – Мина задохнулась, полная решимости высказать Гарету всё. Да как он смеет?! Он что, думает, что её можно вот так... Игнорировал её, даже не смотрел, заигрывал с Авророй... Значит, комплименты – Авроре, а ей просто... а ей – что?! Молодая женщина искренне готовилась к гневной и гордой отповеди, но когда её привели в покои Гарета, где давно было убрано, давно горел огонь в камине, было тепло и уютно, Мина оробела и слегка ослабла и духом, и телом. Гарет был в белой рубашке навыпуск и чёрных эльфийских штанах, освещённое огнём свечей лицо его было таким красивым, что Мина отвела взгляд, боясь сама себя и своих чувств.

– Я принесла... – Пробормотала она, упрямо пряча глаза, – я хочу сказать...

– Что купить тебя нельзя? – Гарет подошёл близко, так близко, что Мина почувствовала его запах – от него пахло свежим распилом ясеня, свежо и терпко. – Дорогая Мина! Я не покупаю никого, даже таких обворожительных созданий, как ты! Это просто подарок.

– Но почему мне? – Прошептала Мина.

– Потому, что мне так захотелось – Пожал плечами Гарет. – Ты прелестна, эти камни – тоже. Но вместе вы и вовсе будете неотразимы. Ну же, Мина, – он приблизился ещё ближе, – давай, наденем и посмотрим... – Он взял из безвольных рук Мины ожерелье. А Мина вдруг остро ощутила, что у неё сейчас будет секс. То есть, то, что она уже почти забыла, и чего вновь почти по-девичьи боялась... Гарет застегнул ожерелье на её шее, и вправду, смотревшееся прелестно. Шейка была белая, тонкая, нежная, мягкая, от прикосновений Гарета покрывшаяся гусиной кожей. Он засмеялся, и крепко поцеловал пискнувшую Мину, стиснув так, что она и хотела бы трепыхнуться – не смогла бы. И уже через пару минут Мина, частично раздетая, отдавалась Гарету Хлорингу прямо на столе, задыхаясь от ужаса и восторга, вскрикивая и кусая губы...

– Нужно как-то оправдать твои обновки. – Говорил на рассвете Гарет, одеваясь. – Чтобы не пошли сплетни, как только ты наденешь хоть один из моих подарков. Передам-ка я тебе деревеньку Торжок... Якобы небольшое наследство после какого-нибудь дяди. У тебя есть дядя?

– Нет... не знаю.

– Значит, был. Любимый муж обожаемой троюродной тёти... – Гарет засмеялся. – У тебя такой испуганный вид! Ну, ты чего? – Он нагнулся и ласково потрепал её по щеке. – Словно я страшный серый волк, а ты – бедная сиротка!

– Я боюсь, что всё это какое-то наваждение. – Призналась Мина. – Что вы забудете обо мне уже завтра...

– А я и не собираюсь обещать тебе любовь до гроба! Мне придётся жениться на выгодной невесте, и это, увы, не ты.

– А меня вы так стыдитесь, что...

– Вообще-то, это не стыд, а забота о твоём добром имени. – Хмыкнул Гарет. – Но если ты так тщеславна, что желаешь похвастать связью со мной, я не против. Меня это никоим образом не опозорит. Даже наоборот!

– Боже! – Ахнула Мина. – Милорд! Я как-то не подумала... О, какой же вы...

– Не влюбляйся в меня слишком сильно. – Остудил её порыв Гарет. – У этих отношений нет будущего, и ты должна это сознавать.

– Я сознаю. – Прошептала Мина. – Простите.

– Нам лучше встречаться не у меня. – Продолжил Гарет. – В саду с южной стороны есть коттедж и башня, там когда-то жила мавританская любовница нашего деда. Я велю там прибраться и дам тебе ключ. – Он присмотрелся к ней, развернулся весь, приподнял бровь:

– А что у нас такой печальный вид? Нет, тебе это ужасно идёт, ты такая интересная сразу становишься, миленькая такая. Но что произошло?.. Я тебя чем-то обидел?.. Или не удовлетворил? – Он сам рассмеялся абсурдности этой мысли, абсолютно уверенный, что это невероятно. Мина вскинула на него влажные глаза, и в самом деле, очень красивые, немного близорукие, но от этого только казавшиеся ещё милее:

– Я никогда не была ничьей любовницей...

– И тебя это волнует? – Гарет подошёл к ней, потрепал по подбородку. – Ты волнуешься, не становишься ли ты блудницей?.. Я принц крови, дорогая Мина. Быть любовницей принца – не позор, а почёт. В Англии герцоги и графы дерутся между собой за право подложить под короля или принца свою дочь или жену. Мы, конечно, не столь цивилизованы, но, тем не менее, я слишком высоко ценю себя, чтобы связаться с блудницей или просто не порядочной дамой. Или у тебя есть своё мнение на этот счёт?

– Я не могу думать о вас плохо. – Прошептала Мина, страшась посмотреть ему в лицо. Даже после интимной близости она продолжала бояться его и обмирать от синевы и нереальности его глаз. Ей много хотелось ему сказать, ещё больше – попросить. Но она не смела. Молодая женщина боялась без памяти влюбиться в него и чувствовала, что этого не избежать. Ей хотелось сказать ему, что она, не смотря ни на что, какую-то гордость имеет и даже готова противостоять ему, как ни страшно ей даже подумать об этом. Но говорила она это ему только в мечтах; наяву же всю её сковывала робость перед таким ослепительным любовником. И похвастать – да, хотелось!.. Но он прав – сплетни ни к чему. Здесь, в Хефлинуэлле, в отсутствие развлечений, гостей и новой крови, сплетни и злословие цвели особенно пышным цветом, были особенно ядовитыми и вредоносными. Гарету они не опасны, а её – Мину, её они погубят на счёт раз.

И всё-таки, как бы все удивились, узнав, какого мужчину отхватила себе скромная дама Мерфи!!!

Мария лежала, скорчившись, на своём тюфяке, с трудом найдя позу, в которой было не так больно, и держа перед собой на весу изуродованные руки, которые то и дело дёргала сильная боль. Услышав шорох возле своего стойла, она сначала удивилась, потом насторожилась: ничего хорошего она ни от кого здесь не ждала. Когда дверь открылась, и к ней склонилась высокая фигура, она дёрнулась и чуть не заорала, но Гор зажал ей рот, прошептал:

– Тихо, тихо... Я тебя не обижу.

– Ты кто?! – Прошептала Мария, дрожа.

– Не важно. Друг.

– Друг?!

– Ну... считай, да. Ну, точно не враг.

– Что тебе нужно? – Мария тяжело дышала. Изуродованные пальцы дёргало болью так сильно, что она сама вся вздрагивала и непроизвольно стонала на выдохе.

– Сам не знаю. – Искренне признался Гор. – Смотрел на тебя эти дни, и не мог успокоиться. – Мария видела в темноте только чёрный силуэт и блеск зрачков – полукровка. Что это Гор, ей в страшном сне не могло присниться, и она гадала, Арес это, Эрот или Янус?.. – Очень больно?

– А ты как думаешь?

– Что мне думать, я знаю. Я тоже... тоже всё это вытерпел. – Он присел рядом, волнуясь и стараясь скрыть это, чтобы она не испугалась и умерла спокойно, быстро, не страдая. – И тоже ради друга сдался. А тот меня предал потом, чтобы сюда, в Приют, попасть.

– Вас что, тоже бьют?..

– И как! – Невесело усмехнулся Гор.

– А от вас чего хотят?

– Того же, что и от вас. Пацанов здесь тоже насилюют, как и вас же, и чаще, чем вас – здесь в основном содомиты, тех, кто девок любит, сюда ходит мало, от силы двое-трое в день. Дай, пальцы намажу мазью... Она боль снимает. И выпей вот это, уснёшь. – Он заботливо придержал Марию, пока она жадно пила – пить девочкам давали очень мало, и они всегда чувствовали жажду и голод. Даже такое усилие утомило её, и она приникла к Гору, почувствовав себя так уютно! Он обнял её, придерживая, погладил плечо:

– Ничего. Эльдар быстро поправляются, быстрее даже, чем полукровки.

– Почему ты мне не помог? – Прошептала она, прижавшись к нему крепче. От его одежды пахло соломой, а от него самого – свежим распилом ясеня и хвоей. Он был горячим, горячее, чем она, кожа его была гладкой и мягкой, мускулы под кожей – почти железными. У Марии мелькнула мысль, что он совсем, как Гор, но она тут же испугалась этой мысли и прогнала её. Может, все мужчины-полукровки пахнут одинаково?..

– Нельзя. – Тихо сказал он, уткнувшись в её волосы. – Нам запрещено вас жалеть. Если меня только заподозрят, это, что мне тебя жаль, заставят бить тебя до смерти... А если я откажусь, сначала тебя убьют на моих глазах, а потом меня самого убьют. Я тебе помочь ничем не могу.

– Но ты помогаешь. – Так же тихо прошептала Мария. – Ты сейчас мне помогаешь. – Мазь и напиток начали действовать, боль притупилась, стало легче, и Мария обмякла в его руках, пригелась, перестала стонать, дыхание успокоилось. – Спасибо тебе... Мне бы поговорить с Трисс, просто поговорить, побыть с нею...

– Вы подружки?

– Да... С самого детства, сколько себя помню, мы вместе... Она такая добрая, и весёлая! Если бы ты только знал... Почему, почему нам нельзя говорить и общаться?! Зачем надо нас так унижать?! Я готова подчиняться, пожалуйста, раз это моя судьба, я покорюсь... Но вы отнимаете у меня меня саму! Что я вам сделала? Что вам сделала Трисс?! Она в жизни своей никого не обидела, не ударила, всегда была послушной и ласковой! Зачем?!

– Я до вчерашнего дня думал, что знаю. – Грустно сказал Гор. – А теперь сам не понимаю ничего, да. Даже в башке все перемешалось и это... хрень какая-то, словно мыши насрали. А хуже всего – что ни фига я сделать не могу. И не делать нельзя. Сказать не могу, как хреново мне от этого! Могу это... Гору сказать, чтобы он тебя к твоей подружке пустил на ночь. Только Доктор куда уедет, так это...

– А Гор? – Мария аж задрожала и от радости, и от недоверия. – Он же такой...

– Гор не такой, как ты думаешь. – После долгой паузы сказал он. – И все остальные пацаны, они, ну, это... не такие. Нас всех просто заставляют такими быть.

– Но кто?!

– Хозяин. Это всё его, всё, и мы в том числе... Ты его вряд ли увидишь, он вами брезгует, он любит пацанов.

– Тогда зачем мы ему? – Сонно спросила Мария – снотворное действовала всё сильнее, и она с трудом боролась со сном.

– А вы ему на фиг не нужны. Но гости платят за вас деньги, потому он вас и содержит... Для нас и для гостей. И для оргий.

– А это что?..

– Была бы у тебя жёлтая лента – узнала бы. А так – не узнаешь. Повезло тебе.

– У меня была... – Сонно хихикнула Мария, уже не в состоянии открыть глаза и расслабившись в тепле его рук. – Я её... наверное, потеряла...

Гор сам чуть не засмеялся, напополам с проклятием. Это надо же! Какая мелочь иногда рушит парню жизнь!

Мария уснула у него на груди, расслабившись, потяжелев и тихонечко засопев во сне. А Гор сидел и не мог решиться. Он сжимал в руке заточку и так, и эдак, примериваясь – и не в состоянии нарушить целостность живого тела, сознательно и целенаправленно причинить ему вред. Мощнейший инстинкт сдерживал его руку, не давал стать убийцей, а может, как верят некоторые, – руку держал его ангел-хранитель, кто знает?.. Мария была живая, горячая, нежная. От нее хорошо пахло, она так трогательно и очаровательно посапывала во сне! Никакая борьба с собой и никакие здравые мысли о том, что это будет наилучший исход, что убив, он избавит ее и от унижений, и от страданий, и от боли и мучительной долгой смерти, не помогли: Гор просто НЕ МОГ.

– Прости! – Прошептал, жмурясь и скалясь от невыносимого стыда, разочарования в себе и душевной муки. – Прости, прости, прости... Я не могу!!!

Бережно уложил ее обратно на тюфяк, замер, нависнув над нею. И что теперь?! Безучастно смотреть, как ее продолжают избивать и смешивать с грязью? Но этого Гор тоже не мог и потому так боялся ближайшего будущего. Спасти ее – как?! Ни спасти, ни помочь ей он не мог. Стыд, сильнее всех остальных чувств, овладел им. Он гордился собой! Считал, что чего-то достиг! Да ничего он не достиг, он по-прежнему никто, послушный раб, исполняющий только волю Хозяина и не имеющий своей! Все, что он считал своими достижениями и победами, было самообманом, и теперь Гор так отчетливо видел это, что от боли хотелось кричать. Никто, никто, никто!.. Обратно в Приют он шел, не прислушиваясь и даже не думая об опасности. Ноги несли его привычным путем, а мыслями и душой Гор был неведомо, где – в какой-то глухой, безнадежной пустоте, и не было ничего, чем он мог бы заполнить эту пустоту, чтобы избавиться от отчаяния, стыда и безнадежности.

Когда он всё-таки вернулся к себе и уснул, снилось ему, что он занимается... любовью. С кем-то, кто был и Марией, и ещё кем-то... Не так, как привык и как делал постоянно, а именно любовью, обнимая, лаская, наслаждаясь ощущением желанного тела и ощущая его ответную ласку. И сон этот был таким блаженным и прекрасным, что, ощутив, что просыпается, и сон уходит, Гор чуть не заплакал от разочарования и сожаления.

Расставшись с Миной, Гарет с тяжёлым вздохом спросил у Марчелло:

– Кто там в приёмной?

– Кастелян Гриб, патрон. Ждёт с самого рассвета. Забавный человечек!

– Человечек?.. – Скривился Гарет. – Не-ет, надо сваливать в Анвалон! Но оставлять всё, как есть, нельзя... Вели приготовить мне коня, и сам собирайся, поедem в сады Твидла. Как только закончу с этим... Мухомором.

Кастелян Бонифаций Гриб оказался совсем маленьким человечком, пожилым, круглолицым, румяным, с белоснежным пушком на голове, сквозь который просвечивал голый блестящий череп, и с тонким, немного плаксивым голосом. Перед высоченным Гаретом он казался настоящим карликом, вдобавок, у него были не по-мужски маленькие ручки и ножки. Словно постаревший мальчишка. – Подумал Гарет. – Такой въедливый, хронический ябеда и подлиза, дотошный отличник, который придумает сам себе новые обязанности на ровном месте и даже учителям надоедает хуже горькой редьки. Он принёс Гарету списки рыцарей свиты его высочества, списки назначенного им содержания и списки их реальных расходов. В чём-в чём, а в дотошности Грибу отказать было нельзя! И не лень ему было узнавать, выпытывать, вынюхивать и скрупулёзно заносить в свои свитки, что купил сэр Юджин, что он съел на завтрак, сколько салфеток использовал и выкинул, (и в каком состоянии, подлец, выкинул вещь, которую можно было постирать и выгладить!!!). Картина получалась унылая и основательно Гарета

разозлившая. Получалось, что господа сэры и в самом деле относились к казне его высочества, как к собственному карману, причём бездонному и неиссякаемому.

– Извольте убедиться, – пищал Гриб, и от искреннего возмущения и рвения у него встал дыбом пушок на голове, – ваше сиятельство, только по принадлежностям для бритья бюджет превышен в три раза! Византийское мыло было заказано и привезено кораблём для его высочества личных нужд, десять дукатов кусок, было сто кусков, осталось восемь... Из них его высочество использовал два с половиной!

– А почему у меня в покоях нет такого мыла? – Некстати обиделся Гарет. – Я каким-то обмылком мылся вечером!

– Ваше сиятельство! – Испугался Гриб. – Мне известно, что полукровки не бреются, не растёт у них, то есть, у вас, ваше сиятельство, борода, я и не подумал...

– Может, я и не бреюсь, но я МОЮСЬ! – Фыркнул Гарет. – Чтобы сейчас же у меня было византийское мыло!

– Я думал, что вам для бритья не надо...

– Я понял, понял тебя!

– Ваше сиятельство! У полукровок не растёт борода, и я думал...

– Всё, я понял и не злюсь!

– Но у полукровок бороды нет, они не бреются, и я думал, что...

– ХВАТИТ!!! – Рявкнул Гарет. Он уже заметил, что у Гриба есть несносная привычка объяснять по десять раз одно и то же. Человечек сморщился от испуга и обиды, маленькое круглое личико суксилось, и Гарету мгновенно стало стыдно.

– Ладно, – примирительно произнёс он, – я благодарен тебе за то, что так заботишься о нашем имуществе. И за ту работу, которую проделал. Поверь, я не забуду об этом и найду, как тебя наградить. А меры мы примем безотлагательные. Теперь ничто не будет выдаваться ни из казны, ни из погребов, ни из хранилищ замка, ни одна самая мелкая мелочь, без одобрения Альберта Ван Хармена или Тиберия фон Агтсгаузена. И всё будет записываться, самым подробным образом, а раз в три месяца проводиться ревизия и все записи будут сверяться.

Гриб мгновенно просветлел и напыжился, прижал к груди свои свитки:

– А с этим что делать, ваше сиятельство?

– Я постараюсь придумать, как лучше поступить. – Вновь потемнел лицом Гарет. – так это оставлять нельзя. Я смотрю, эти сэры ограбили казну моего отца не на одну сотню дукатов, и с этим что-то надо делать. Я посоветуюсь с господином Фон Агтсгаузеном.

Гриб чуть ли не вприпрыжку удалился прочь, а Гарет, весь в тоске и сомнениях, отправился во двор, где уже ждал его конь, его любимец, присланный отцом ему в подарок на двадцатилетие прямо в Кале, где Гарет тогда находился. Конь был чистокровный олджернон, местной боевой породы, созданной на основе кастильцев, английских шайров и эльфийских лошадей Нордланда, отличавшейся от европейских рыцарских лошадей ростом – олджерноны были выше, – и некоторым изяществом, при несомненных крепости и мощи. У Грома – так назвал своего коня Гарет, – были широкая грудь и длинные и стройные ноги с мохнатыми щётками у копыт, длинная изящная морда, какие были только у эльфийских лошадей, огненные глаза и горячий нрав. Иссиня-вороной, без единой белой отметины, конь был ухожен так, что сверкал на солнце, словно отлитый из какого-то металла, длинная грива была расчёсана и отмыта, длинный хвост модно подвязан. Холодный ветер колыхал гриву, унизывал её белой крошкой мелкого снежка. Гарет поплотнее запахнул короткий подбитый мехом плащ, набросил капюшон поверх модного тёплого шаперона, натянул перчатки. Огляделся. Насколько он помнил, двор Хефлинуэлла всегда содержался в идеальном порядке. Сейчас... Нет, здесь явно подметали, сгребали снег, убирали конский навоз. Но груды собранного снега так и лежали у стен, перемешанные с навозом и соломой. Это так резало глаз! Заниматься этим должна была хозяйка замка, так же, как и слугами, и хозяйством, и бельём, и салфетками, и мылом... Гарет

стиснул зубы. Ладно... Габі ещё такая молоденькая. Да и как ей совладать со всеми этими рыцарями и нерадивыми слугами?.. Гарет взлетел в седло, разобрал поводья. Что ж, хотя бы с этим-то он справится?..

Знаменитые сады Твидлов по семейной легенде начались с пяти яблонек, которые посадил Старичина Твидл, живущий отшельником у Брыльского перекрёстка и бравший пошлину с проезжающих в Ригстаун. У Старичины Твидла была внучка, полукровка, родившаяся задолго до эдикта, и потому крещёная и живущая в семье, как обычный ребёнок. Эта внучка вышла замуж за сына мельника и родила ему двойню за полгода до того, как близнецов родила герцогиня Лара. Разумеется, её взяли кормилицей к новорожденным принцам – и потому, что она была полукровкой, а значит, её молоко должно было быть наилучшим для полукровок же, и потому, что у неё самой была двойня, и это считалось благоприятным условием. Старичина Твидл, одержимый сохранением родового имени, настоял, чтобы муж внучки взял его фамилию; молодой Твидл как-то равнодушно относился к мельничному делу, зато полюбил яблоньки, посаженные Старичиной. Когда его высочество, в благодарность Глэдис Твидл за то, что та выкормила его сыновей, подарил ей землю от Брыльского перекрёстка до ручья Голубого, её муж разбил там сад, а по соседству с садом – и пасеку. Если поначалу над ним посмеивались и покручивали пальцем у виска, то уже через десять лет, когда яблони не только начали плодоносить, но и приносить доход, имя Твидла загремело по всей пойме Ригины. У него была, как говорили, «лёгкая рука» – всё, что он втыкал в землю, росло, цвело и плодоносило с необыкновенной пышностью. Про таких, как он, говорили: его в детстве поцеловала фея цветов. Помимо яблонь, он вырастил и груши, и вишню, и сливы, и даже абрикосы. Из собранных плодов и мёда варил джемы, варенье, марципаны, а главное: совершенно бесподобный сидр. Сидр Твидлов теперь, двадцать лет спустя, был достопримечательностью Нордланда и продавался даже в Европу. Молочные сёстры Гарета, Марта и Герда, давно выросли; Герда стала монахиней в монастыре святой Бригитты, а Марта вышла замуж, и её муж так же вошёл в семью, взял имя тестя и работал в Садах Твидлов. У них с Мартой было пятеро детей, среди которых наконец-то появились и мальчишки, которые так же должны были продолжать дело родителей. На Твидлов работала уже масса людей, они открывали кондитерские по всему Острову, в которых продавались их фирменные пироги, шарлотки, мармелад и марципаны, их сидр каждый месяц огромными партиями грузился на шхуны и баржи... А сами Твидлы были одними из самых богатых людей в Нордланде; сам Ганс Христиан Твидл был членом муниципального совета Гранствилла. Гарет очень любил свою кормилицу, Глэдис Твидл, и теперь ехал именно к ней. За помощью.

Маленькая и тесная сторожка Старичины Твидла давным-давно превратилась в жилище сторожа, который работал на его правнуков. А сами они жили в большом и красивом доме в глубине сада, трёхэтажном, с квадратной четырёхэтажной башней, с множеством хозяйственных построек. Дорога к этому дому, лежавшая среди ровных рядов яблонь, самых старых, ухоженных, была вымощена плитняком и заканчивалась широким мощёным двором, на котором двое мальчишек и одна девочка играли в снежки. Мальчуган поменьше под присмотром молоденькой девушки бил по снегу лопаткой с таким сосредоточенным видом, словно работал на благо семьи. Услышав всадников, все они, включая девушку, замерли, чтобы посмотреть, кто едет...

– Ба-буш-ка-а-а-а!!! – Закричала старшая девочка, – Хлоринги еду-у-ут!!!

Не успел Гарет спешиться и отдать поводья коня подоспевшему слуге, как из дома на широкое крыльцо вылетела Глэдис Твидл, едва успевшая накинуть на домашнее платье тёплую накидку, всплеснула руками:

– Гарет! – И бросилась к нему, широко улыбающемуся и раскинувшему руки для объятий.

– Какой же ты стал... – Сияя от счастья и глядя на него увлажнившимися от слёз большими серо-голубыми глазами, твердила Глэдис, высокая ладная женщина с правильными чертами красивого лица и нежной кожей. – Какой высоченный, и красивый, и модный! А конь у тебя какой! Это тот самый подарок его высочества?... Мне Тиберий рассказывал... Пойдём в дом, мальчик ты мой, я тебя угощу, как раз всё готово... Я как узнала, что ты вернулся, так и готовилась тебя встретить... – Она говорила, и утирала слёзы, и знакомила его с домочадцами, и вела его в дом, и помогала снять тёплую одежду, и давала слугам распоряжения, и всё одновременно, и всё – обнимая Гарета снова и снова. Гарета тут же напичкали такими восхитительными сладостями и выпечкой, что он только мычал и жмурился, а потом налили расточающий божественный аромат напитков тёмно-вишнёвого цвета:

– Попробуй наш новый сидр! Ганс Христиан сварил его из вишни!

– Вишнёвый сидр?.. – Гарет понюхал напиток, – ум-м-м! Запах просто... божественный... – Он пригубил. – И вкус тоже! Марчелло, как тебе?

Итальянец, которого тоже усадили за стол и накормили, выразил восхищение ещё более эмоционально, мешая нордландские и итальянские слова и междометия. Ганс Христиан, не смеявший сесть за стол с принцем крови, стоял подле и краснел от счастья.

– Мы отправили десятину, как и положено, к столу его высочества. – Глэдис погрузнела. – Никто уже больше двух лет его не видел. Он не покидает свои покои, живёт затворником. Как он? Слухи ходят самые ужасные. Что он-де не встаёт с постели, парализован, за него правят Тиберий и рыцари, даже какие-то якобы эльфы, которые скрываются в Хефлинуэлле и полностью подчинили своим колдовством там всех... Я часто встречаюсь с Тиберием, он и сюда к нам приезжает, говорит, что всё вздор, но ты же людей знаешь.

– Мы поссорились. – Признался Гарет. – Отец не такой, как прежде, но всё чушь, он не парализован. Правая рука только почти не работает, и правая сторона лица слегка перекошена, но он разговаривает, ходит, ясно мыслит. Если бы не его тоска и апатия, он бы даже, я думаю, поправился бы.

– А поссорились вы из-за...

– Да.

– Милый ты мой. – Глэдис погладила его по руке. – Как бы я хотела тебе помочь! И в поисках этих...

– Только не говори мне, что я не должен...

– Да как же не должен?! – Возразила живо Глэдис. – Как же ты не должен, когда он твой брат?! Мои Марта и Герда одной жизнью живут! Одна пальчик поранит, вторая из другой комнаты кричит и бежит к ней! Они сны одинаковые видят, и даже сейчас, Марта порой вышиванье отложит и говорит: «У Герды стряслось что-то, мама!». И как в воду глядит... И если ты говоришь, что мой маленький Гэри жив, значит, он жив, значит, его нужно найти!

– Глэдис! – От всей души вырвалось у Гарета, который устал от неверия, от осуждения и неприятия своего упорства. – Спасибо тебе... Ты одна мне веришь!

– Ты же мне сыночек. – Ласково произнесла Глэдис, погладив его снова. – И Гэри тоже, бедный мой малыш. Мне никогда не забыть, – она быстро утёрла слёзы, – как тогда, когда это случилось, ему так больно, бедному малышу, а он твердит: «Не наказывайте Гари, он не нарочно!». И как ты, мой хороший, бежал и кричал, когда его увозили, за повозкой, у меня чуть сердце не разорвалось... Он так и стоит у меня перед глазами, маленький, хорошенький, как ангел, глазки эти его чудесные, веснушки...

– У него были веснушки? – Преодолевая смятение, сквозь ком в горле спросил Гарет. Глэдис закивала, утирая слёзы:

– Ага. И прехорошенькие! У тебя не было, а у него были... Госпожа Лара говорила: «Маленький мой человечек!». Как она вас любила! Ты был разбойник, непоседа, капризный и упрямый, она называла тебя «Мой дерзкий рыцарь», а Гэри был тихоня и умница, доверчивый

такой, и очень ласковый... Она говорила: «Мой отважный паладин»... Поёт вам по-эльфийски, песенку про божью коровку: «А ну ап коэн, а ну ап...» – У Глэдис сорвался голос, и она заплакала, уткнувшись в грудь Гарету. Ганс Христиан, человек немногословный, но душевный, отвернулся, тоже утирая глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.